

Непобедимый **ОРЕШЕК**

A stylized map of Leningrad (now Saint Petersburg) is depicted using layered paper cutouts. The city's landmass is represented by a bright red shape, while the surrounding water is shown in a light cream color. The map is positioned on the left side of the page, with a large, irregular grey shape representing the Gulf of Finland to its left and bottom. The word "ЛЕНИНГРАД" is printed in red capital letters to the right of the city's outline.

ЛЕНИНГРАД

ШЛИССЕЛЬБУРГ

Непобедимый **ОРЕШЕК**

ВОСПОМИНАНИЯ ЗАЩИТНИКОВ КРЕПОСТИ ОРЕШЕК
(1941 — 1943)

ЛЕНИЗДАТ • 1973

С сентября 1941 года по январь 1943 года группа советских воинов и моряков-балтийцев обороняла крепость Орешек. Отрезанный от основных частей Красной Армии водами Ладоги, гарнизон Шлиссельбургской крепости делал все возможное, чтобы помешать гитлеровцам форсировать Ладожское озеро и Неву в районе города Шлиссельбурга.

Эта книга написана участниками обороны Орешка. С ее страниц с читателем говорят бойцы и политработники, коменданты крепости, пулеметчики и артиллеристы.

В сборнике использованы документы архивов Советской Армии и ленинградских музеев, материалы окопного журнала «Орешек», фотографии периода обороны крепости, выполненные Б. Уткиным.

Совет ветеранов защитников крепости Орешек благодарит журналистов С. А. Юхнова, Б. А. Цацко и писателя П. И. Петунина, принявших участие в создании этого сборника.

Составитель В. М. ТРАНЬКОВ

ПЕРЕДОВОЙ РЕДУТ

В летопись героической обороны Ленинграда в годы Великой Отечественной войны славной страницей вошел ратный подвиг воинов крепости Орешек¹.

Суровая, полная героизма эпопея Орешка берет свое начало с первых дней бурной и грозной осени 1941 года, когда почти вплотную к Ленинграду придвинулись гитлеровские механизированные полчища и над городом Великого Октября нависли черные тучи смертельной опасности.

30 августа 1941 года немецко-фашистские войска прорвались к Неве и захватили прибрежное село Ивановское (ныне город Отрадный). Они перерезали последние наземные пути сообщения, которые связывали оборонявшийся Ленинград со страной.

Чтобы завершить окружение Ленинграда на суше и затем соединиться на Карельском перешейке с

¹ В ту пору крепость на острове Ореховом, город на левом берегу Невы и железнодорожная станция на ее другой стороне назывались Шлиссельбургом. Ныне крепость и город носят имя Петрокрепость.

наступавшими финскими дивизиями, 39-й немецкий моторизованный корпус сразу же повернул на север и северо-восток в сторону Ладожского озера. Противник рассчитывал, что внезапность появления его танков и мотопехоты на этом направлении внесет сумятицу в ряды советских войск и дезорганизует их оборону. Однако уже на следующий день, 31 августа, оперативный отдел штаба сухопутных войск фашистского вермахта вынужден был отметить в своем сообщении, что 39-й корпус натолкнулся южнее Шлиссельбурга на «растущее вражеское сопротивление»¹.

Путь врагу преградила только что сформированная 1-я стрелковая дивизия войск НКВД под командованием полковника С. И. Донскова. В нее входили и воины-пограничники, уже получившие крещение огнем в боях на советско-финляндской границе. Были в ней недавние ополченцы и бойцы истребительных батальонов. Вооружена дивизия была не ахти как. Артиллерию для нее собрали по крохам из многих складов и ремонтных мастерских. Таким же путем добыли винтовки. Немалая их часть была переделана из учебных. Но мужества и решительности воинам дивизии было не занимать. «Мы хорошо понимали, — рассказывает бывший комиссар 7-го пограничного полка А. Н. Малоиван, — что от нашей стойкости зависит многое. Знали, что второго эшелона дивизия не имеет. Ленинград нам отдал все, что имел».

Грудью встала дивизия на боевых рубежах у железнодорожной линии на Волховстрой и в течение недели стойко отбивала удары вражеского 39-го корпуса. Потеряла многих людей, но не сошла с места даже и тогда, когда фашистская авиация буквально перепахи-

¹ Kriegstagebuch des Oberkommando der Wehrmacht, Bd. 1. Frankfurt a/M., 1965, S. 604.

вала бомбами позиции пограничников. Дивизия не только оборонялась, но непрерывно контратаковала. И не раз для противника складывалась обстановка, которую называют критической. А его продвижение на север, к Шлиссельбургу и Ладожскому озеру, измерялось в те дни сотнями метров.

За Мгу отважно дрался 2-й стрелковый полк, которым командовал майор Жеребцов. В первом же бою подразделения полка выбили гитлеровцев со станции и около шести часов удерживали ее в своих руках. Враг понес большие потери. Были захвачены пленные, пехотное оружие, боеприпасы. Чтобы выправить положение, фашистскому командованию пришлось спешно заменить 90-й пехотный полк, изрядно потрепанный пограничниками. Дерзкими атаками полк Жеребцова срывал попытки противника пробиться к Синявинским высотам.

В районе разъезда и населенного пункта Горы оборонялся 7-й полк (командир подполковник В. Т. Андрияненко). Массированно пробомбив позиции защитников Гор, обрушив на них удар артиллерии и минометов, гитлеровцы неоднократно бросали туда танки и автоматчиков. Они стремились выйти на дорогу, которая вела к Неве. Но каждый раз воины 7-го полка огнем и штыком охлаждали наступательный пыл врага. Автоматчики откатывались, оставляя на поле боя горевшие танки.

На левобережном шоссе, начиная с поселка Отрадный, наступавшего противника встречали подразделения 1-го стрелкового полка подполковника А. И. Тарашкевича. С Невы их поддерживали своим огнем бронекатера и канонерская лодка «Селемджа». Чрезвычайно трудно пришлось здесь воинам дивизии. Не считаясь с потерями, враг давил и давил, стараясь быстрее дотянуться до Кузьминского моста и перешагнуть

Неву, как можно скорее выскочить в Шлиссельбурге к Ладоге. В воздухе постоянно висела фашистская авиация, и Нева кипела от бомб, одна танковая атака сменяла другую, не затихала немецкая артиллерия. Но пограничники держались.

Помог в те дни 1-й дивизии войск НКВД смелый бросок частей 168-й стрелковой дивизии полковника А. Л. Бондарева к Ново-Лисино по ближним тылам немецкого 39-го корпуса.

5 сентября на совещании в фашистской ставке, посвященном дальнейшим планам военных действий на советско-германском фронте, Гитлер предложил продолжить окружение Ленинграда с востока и подчеркнул при этом «исключительно важное значение Шлиссельбурга»¹. На следующий день это указание обрело в директиве верховного командования фашистского вермахта форму приказа: «Захватить... Шлиссельбург»².

Подтянув новые пехотные части, артиллерию, танки, нацелив на это направление основную массу самолетов 1-го воздушного флота, гитлеровцы 7 сентября силами 39-го механизированного корпуса начали штурм позиций, занятых измотанными в боях частями и подразделениями 1-й дивизии войск НКВД. Против 2-го полка дивизии вместе с вражеской пехотой пошли десять тяжелых танков. Их прикрывала авиация. Советские воины могли противопоставить танкам только бутылки с горючей смесью. Они смело вышли на бой. Одни вражеские машины подожгли, другие заставили отойти. Прижали огнем пехоту. Лишь после

¹ Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 3, кн. 1. М., Воениздат, 1971, стр. 328.

² «Совершенно секретно! Только для командования». Сб. документов. М., «Наука», 1967, стр. 328.

многих атак, когда погибли командир полка Жеребцов и комиссар Пьянков, когда поредели ряды защитников, остатки полка отошли.

До последнего патрона, цепляясь за каждую высоту, за каждый перекресток дороги, сражались воины 7-го полка. Подрывали гранатами немецкие танки, ходили на врага в штыки. Потери были очень велики. Выбыл из строя командир полка Андрияненко, были убиты или тяжело ранены большинство командиров и комиссаров. Небольшими группами отходили советские воины на север, к Шлиссельбургу. Отходили с боем, отстаивая до последнего каждый метр родной земли, бросаясь в дерзкие контратаки. Стремительным ударом группа капитана Гуменюка выбила из деревни Арбузово вражеских автоматчиков. Гитлеровцы, удирая, побросали мотоциклы и оружие. Бойцы во главе с комиссаром полка А. Н. Малоиваном несколько часов обороняли Московскую Дубровку (деревню, в районе которой спустя две недели возник позднее широко известный Невский «пятачок»), подбили танки и задержали продвижение неприятельского отряда. Рота политрука Ф. Каплия, закрепившись на насыпи у 8-й ГЭС, прикрыла отход товарищей.

Но, пожалуй, больше всех досталось 7 сентября 1-му полку А. И. Тарашкевича. Фашистское командование наносило на его участке главный удар основными силами. Все перипетии этого неравного единоборства воинов дивизии с фашистскими танками и автоматчиками нам неизвестны. Приведем лишь свидетельство очевидца о заключительном этапе жестокой борьбы, уже у Шлиссельбурга:

«...По левобережному шоссе наступает враг. Вот уже видны серые танкетки и броневики. Они движутся медленно, с остановками. Возле них, такие же серые, вприпрыжку бегут солдаты. И бронированные

машины, и солдаты непрерывно строчат из пулеметов и автоматов.

К угольной пристани и Преображенской горе, отстреливаясь, отходит цепочка красноармейцев. Параллельно шоссе, метрах в 100 от берега, вверх по реке движется канонерская лодка «Селемджа». Канлодка непрерывно ведет огонь. На берегу после каждого залпа ее орудий поднимаются столбы дыма и пыли.

Преображенская гора ошетичилась огнем пушек, пулеметов, винтовок. По врагу из города бьют минометы. Атака гитлеровцев захлебнулась, но перестрелка не смолкает. Треск автоматов и пулеметов сливается в сплошной гул¹.

Когда опустилась ночь, вражеские войска находились южнее Шлиссельбурга в трех, а на юго-востоке — в шести километрах.

Весь город заволокло дымом пожарищ. Горела ситценабивная фабрика, пылали деревянные дома горожан. Разрушены здания, где размещался штаб Ладужской военной флотилии. Повалены телеграфные столбы, порваны и перепутаны провода. Уже с 4 сентября, одновременно с Ленинградом, гитлеровцы начали обстреливать Шлиссельбург из дальнобойных орудий. Через день они перешли к постоянным массированным бомбардировкам города с воздуха.

Днем 7 сентября военные моряки закончили эвакуацию из Шлиссельбурга гражданского населения и беженцев. «Суда одно за другим шли к левому берегу, брали, что называется, «по завязку» женщин и детей, доставляли их на правобережную пристань. Отсюда эвакуированные отправлялись по железной дороге

¹ «Ладога родная». Сб. воспоминаний. Лениздат, 1969, стр. 24—25.

в Ленинград. Вагонов не хватало. И люди шли по железнодорожному полотну пешком»¹.

Вечером стало известно, что Шлиссельбург находится в полуокружении. Наутро следовало ожидать решительных атак врага. Как быть? Принимать бой на улицах города? Но для этого не было достаточных сил. Да к тому же это все равно уже не облегчило бы положения оборонявшихся войск. Командование Ладожской военной флотилии приняло решение оставить город. Сначала моряки стали выводить баржи. Катеров не хватало, и это делали военные транспорты. Затем ушли в Ладожское озеро канонерские лодки и бронекатера. Что не смогли вывезти, затопили. Войскам, оборонявшимся на Преображенской горе, было приказано отойти на восток, к приладожской деревне Липки.

Для захвата Шлиссельбурга вражеское командование создало две боевые группы. Главный удар направлялся на восточную окраину города, в тыл его защитникам. Там гитлеровцы хотели перекрыть путь отхода советским войскам. Нанести удар предстояло 424-му полку 126-й пехотной дивизии. За бесчинства на новгородской земле сами немецкие солдаты называли это соединение «дивизией убийц и поджигателей»². Во вторую группу вошли батальоны 30-го полка 18-й мотодивизии. Они должны были двигаться на Шлиссельбург вдоль левобережного шоссе.

В 6 часов утра 8 сентября подразделения 424-го полка скрытно вышли на исходные позиции. До Шлиссельбурга оставалось полтора километра. Полковая разведка доложила, что его восточная часть свободна

¹ А. Т. Караваев. По срочному предписанию. М., Воениздат, 1967, стр. 51.

² Ленинградский партийный архив, ф. 0-116, оп. 2, ед. хр. 75, л. 326.

от советских войск. Однако командование полка не рискнуло вступить в почти безлюдный город. Были вызваны пикирующие бомбардировщики. Лишь после массированных бомбовых ударов в 7 утра полк был поднят в атаку. Два батальона, которые двигались к Неве с востока, достигли цели сравнительно легко. Они встречали сопротивление лишь одиночных советских бойцов из боевого охранения. Третий же батальон напоролся на южной окраине на сильную и смелую контратаку небольшого отряда пограничников и ладожских моряков. Наступление застопорилось. Вторая боевая группа смогла вступить в город только через два часа.

Как видим, особыми боевыми лаврами гитлеровское воинство здесь себя не увенчало. На выручку пришло ведомство «доктора» Геббельса. 9 сентября фашистская пропаганда ударила во все колокола. Не раз под аккомпанемент фанфар берлинский диктор зачитывал специальное сообщение о захвате «штурмом» Шлиссельбурга. Об этом же кричали заголовки газет и титры кинохроники. Занятием Шлиссельбурга, вещал военный корреспондент фашистского официоза, «замкнулось последнее звено железной цепи вокруг Ленинграда, немецкий солдат захватил последний метр земли, через который Советы могли сообщаться»¹.

Гитлеровские газеты и журналы поместили карту истока Невы, где стоит город, план древнего Орешка, справки о прошлом крепости. Геббельсовские подручные из газеты «Дер ангрифф» захлебывались от восторга: «Город Шлиссельбург на Ладожском озере в немецких руках. Петр Великий назвал его так² потому,

¹ „Völkischer Beobachter“, 10/IX 1941.

² Шлиссельбург — ключ-город (нем.).

что он занимал ключевые позиции. Теперь немецкий вермахт повернул этот ключ...»¹

Гитлеровские писаки, мягко выражаясь, угодили «пальцем в небо». Во-первых, в немецкие руки попал не весь Шлиссельбург, а только его левобережная часть, бывшей посад. Крепость и железнодорожная станция на правом берегу Невы, которые являлись неотъемлемой частью города, на протяжении всей блокады Ленинграда прочно удерживались советскими войсками. Во-вторых, Петр I назвал Шлиссельбургом не левобережный посад, которого, кстати, тогда еще не существовало, а саму крепость Орешек (Нотебург). И этот ключ гитлеровский вермахт не «повернул» ни в этот раз, ни позже, потому что его руки так и не дотянулись до гордого и неприступного Орешка.

Но как бы там ни было, благодаря пропагандистскому буму 424-му пехотному полку «отсыпали» 235 Железных крестов. Пришли поздравительные телеграммы от генералов всех степеней и рангов, вплоть до командующего группой армий «Север». Расчувствовавшись, полковой командир назвал в своем приказе захват города у истоков Невы «золотым листом в лавровом венке полка». Однако не долго пришлось радоваться «героям Шлиссельбурга».

С падением левобережной части Шлиссельбурга борьба южнее Ладожского озера не только не прекратилась, но, наоборот, приняла характер отнюдь не благоприятный для гитлеровцев. Едва успев выгрузиться из эшелонов, с востока в наступление на Мгу, Синявино, Шлиссельбург пошла наша 54-я армия. Она была прислана советским Верховным главнокомандованием для деблокады Ленинграда. В ее составе, в частности, находились 3-я гвардейская стрелковая дивизия

¹ „Der Angriff“, 9/IX 1941.

под командованием Н. А. Гагена и 4-я гвардейская — П. Ф. Москвитина, прибывшие на подмогу с Западного фронта. Одновременно с 54-й армией наступательные действия с запада предприняли ленинградские соединения, закрепившиеся на невском правобережье. Они высадили ряд десантов на левый берег Невы, у Шлиссельбурга и в сам город. Рядом с 8-й ГЭС образовался плацдарм — Невский «пятачок».

Встречные удары советских войск по 39-му корпусу гитлеровцев, прорвавшемуся к Шлиссельбургу, заставили фашистское командование забыть о наступлении. Чтобы заштопать дыры, на это направление срочно перебросили 8-ю танковую дивизию и другие части. Гитлеровцы у Ладоги уже только оборонялись. Они стали лихорадочно рыть окопы, строить блиндажи.

Вскоре стало ясно, что собственными силами группе армий «Север» не обойтись. Наступавшие советские войска вот-вот соединятся, и тогда окончательно лопнет вражеская затея с блокадой Ленинграда. Фашистскую ставку охватила паника. «День 24.9 был для ОКВ¹ в высшей степени критическим днем, — говорится в дневнике генерала Гальдера. — Тому причиной неудача наступления 16-й армии у Ладожского озера, где наши войска встретили серьезное контрнаступление противника, в ходе которого 8-я танковая дивизия была отброшена и сужен занимаемый нами участок на восточном берегу Невы»². Гитлер приказал незамедлительно переправить войска и боеприпасы с центрального направления, где готовилось наступление на Москву, а также из германского тыла. Такой ценой вражескому командованию удалось стабилизировать положение. Южнее Ладожского озера образовался

¹ ОКВ — верховное командование фашистского вермахта.

² Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 3, кн. 1, стр. 374.

шлиссельбургско-синявинский выступ неприятельского фронта. Немецкие документы именовали его «фляшен-хальс» (бутылочное горло).

В эти отнюдь не радостные для гитлеровцев дни и заговорил впервые Орешек.

Его огневую мощь гитлеровские «герои Шлиссельбурга» ощутили на собственной шкуре. В оккупированной части города они чувствовали себя хуже, чем в траншеях переднего края. Она простреливалась не только орудиями Орешка. Прекрасно просматривая вражеское расположение с высоты крепостных башен, артиллеристы Орешка нацеливали на гитлеровцев огонь тяжелых орудий с правого берега Невы.

Пятьсот огненных дней и ночей, вплоть до прорыва блокады и освобождения Шлиссельбурга богатырски бился за город Ленина гарнизон крепости. Он был невелик числом, но крепко спаян и воистину былинно храбр. Враг все сделал, чтобы стереть с лица земли древнюю «фортецию» на Ореховом острове. Бросал на крепость бомбардировочную авиацию, засыпал ее снарядами тяжелой артиллерии. Камень не выдерживал, крошился, рушились стены. Но все вытерпели и сдюжили отважные защитники Орешка. Они выстояли и победили, как победил их родной город Ленина.

О ратных буднях Орешка, о его делах и людях, об их заботах и тревогах, радостях и печалях, об их беззаветной преданности Родине рассказывается в собранных в этой книге воспоминаниях ветеранов крепости и их боевых друзей.

Воспоминания эти вновь возвращают нас к незабываемым дням героической обороны крепости на Неве. Впрочем, обороны ли?

Разве обороняется снайпер, который выдвинулся перед позициями своих войск и уничтожает зазевавшихся вражеских солдат и офицеров, сковывая тем

самым действия противника на этом участке? Можно ли назвать обороной действия артиллеристов и пулеметчиков, которые не просто отстреливались, а «задирали» врага, вызывали его огонь на себя, чтобы отвлечь неприятельских артиллеристов от других целей, заставить их понапрасну тратить снаряды? Разведчик у переднего края противника, который нацеливает свою артиллерию или авиацию на вражеские укрепления и скопления солдат, делает это разве для самозащиты?

Гарнизон Орешка во время многомесячных боев на Неве был именно таким разведчиком и снайпером, пулеметчиком и артиллеристом. Для этой, собственно, цели его и сформировали. Поэтому, думается, правильнее считать, что воины крепости были, как говорится, пятьсот дней в атаке.

*Ю. Н. Яблочкин,
кандидат исторических наук*

Золотарев
Анатолий Афанасьевич,

полковник запаса, с 10 сентября 1941 года по апрель 1942 года — командир 2-го стрелкового полка 1-й стрелковой дивизии войск НКВД. Участник прорыва и снятия блокады Ленинграда, форсирования Нарвы и Вуоксы. Войну закончил на Курляндском полуострове.

НАЧАЛО

8 сентября 1941 года меня вызвал начальник погранвойск Ленинградского округа генерал Г. А. Степанов.

В кабинете генерала я увидел командующего Ленинградским фронтом Маршала Советского Союза Климента Ефремовича Ворошилова. Генерал Степанов представил меня маршалу. Климент Ефремович, обратив внимание на мою хромоту, спросил:

— Что, ранило?

— Так точно.

— Значит, с немцами уже встречались?

— Так точно! Под Гатчиной. Только что из госпиталя.

— Куда вы его, генерал, определили?

— Командиром второго полка первой дивизии войск НКВД, товарищ маршал, — ответил Степанов.

— Это хорошо. И в первую очередь необходимо укрепить Шлиссельбургскую крепость, не дать фашистам возможности форсировать Неву. Понятно? Вот

здесь. — Климент Ефремович подошел к карте и обвел красным карандашом точку в том месте, где Нева вытекает из Ладоги.

В ночь с 8 на 9 сентября я выехал из Ленинграда к месту назначения, а днем прибыл на командный пункт командира 1-й дивизии войск НКВД полковника С. И. Донскова. Комдив познакомил меня с обстановкой. Прямо скажем, была она сложной. Людей после тяжелых боев на левом берегу Невы осталось в дивизии очень мало. Прежний командир погиб. Полк принимать было не от кого. Штаб предстояло формировать заново.

— Как видишь, майор, обрадовать тебя нечем. Сейчас пойдет машина с командирами к Тарашкевичу в первый полк, по пути тебя в Морозовку забросят. А я завтра постараюсь приехать. На месте все посмотрим. Ну, желаю удачи.

В свой полк я прибыл во второй половине дня. Вышел из машины, оглядываюсь. В одиночку, вдвоем мимо проходят красноармейцы.

— Где штаб полка? — спросил я одного из них.

— Где-то там, а точно не знаю. Вон у тех на берегу спросите, может, они знают.

Иду к берегу. Навстречу мне молодой подтянутый командир.

— Кто вы? — останавливаю я его.

— Командир первого батальона второго полка старший лейтенант Подгорный.

— Ну, а я ваш новый командир полка, Золотарев. Покажите, старший лейтенант, где ваш батальон?

Пока шли к окопам, Подгорный рассказал о составе батальона, о командирах. Подошли к месту расположения батальона. Из свежевырытого окопа поднялся молоденький лейтенант. Доложил:

— Командир первой роты лейтенант Чернов.

С этими командирами я прошел в дом, где предполагалось развернуть командный пункт. Здесь оказался и лейтенант Макаров, начальник химслужбы полка. Присев на подоконник, я написал первый приказ: «Сего числа начальником штаба полка назначается старший лейтенант Подгорный. Командиром 1-го батальона назначается лейтенант Чернов».

Лейтенанта Макарова я взял себе адъютантом и приказал ему организовать переправу в крепость, а Подгорному — сформировать штаб полка и наладить связь с батальонами.

Ночью мы с Макаровым на лодке отправились в крепость. Встретил нас комендант Орешка капитан Чугунов. Вместе с ним мы обошли оборонительные сооружения, договорились о размещении огневых средств. Решено было пулеметы и пушки установить в крепостных стенах, пробив для этого амбразуры, а минометы расположить внутри крепости.

На рассвете мы возвратились на берег. Вместе с нами из крепости приехал старший лейтенант Кузнецов. Он был там ответственным за переправу. Его я назначил заместителем начальника штаба полка по разведке.

На КП меня ждал вновь назначенный и прибывший из Ленинграда комиссар полка старший политрук В. А. Меледин. Встречей с Виктором Александровичем я был искренне обрадован. Меледин был энергичный, хороший организатор. Мы давно знали друг друга, вместе учились в Ново-Петергофском военно-политическом училище пограничных войск имени К. Е. Ворошилова.

Вечером к нам приехал полковник Донсков. Я доложил об укреплениях крепости, о мерах, принятых комендантом Чугуновым. Потом на карте показал размещение полка, линию нашей обороны. Попросил

дополнительно людей для прикрытия участка от пристани до Кошкино, так как именно там в случае атаки гитлеровцев мог быть открыт путь к Морозовке.

Донсков согласился с моими доводами и обещал прислать людей. На второй день в мое распоряжение поступил батальон капитана Монахова.

К сожалению, батальон Монахова был в полном составе только три дня. А потом приехавший полковник Донсков отдал приказ батальону погрузиться на катера, форсировать Неву, захватить Шлиссельбург и укрепиться в городе. Мы не были готовы к такой операции. Но приказ есть приказ. Десантникам удалось высадиться у городской пристани, с боем достичь церкви... Однако силы были неравны. Фашисты открыли плотный артиллерийско-минометный огонь. Мы же оказать достаточную поддержку десантникам не могли. Многие не вернулись из этого боя на правый берег Невы.

С каждым днем чувство напряженности нарастало. Гитлеровцы, не жалея снарядов, днем и ночью обстреливали расположение полка. Несмотря на это, мы спешно пополняли крепость людьми, техникой, боеприпасами, продовольствием.

И вот пришло время, когда мы смогли показать фашистам, что мы живы и готовы сражаться с ними.

В полку уже было двенадцать 82-миллиметровых минометов. По тем временам это была немалая сила.

Мы сделали минометы кочующими. Сосредоточили их на правом фланге полка. Давали три залпа. Затем перетаскивали минометы с одной позиции на другую, и так до Кошкино. Залпы следовали один за другим.

Молчавшая до этого дня крепость неожиданно для гитлеровцев тоже открыла огонь. Поддерживали нас артиллерия дивизии и 302-й артиллерийский диви-

зион КБФ, которым командовал полковник М. И. Ту-роверов.

По разведданным, мы уничтожили тогда немало живой силы и техники противника. В ответ гитлеровцы подвергли наш полк интенсивному обстрелу. Но мы были к нему готовы, и у нас потерь было немного.

Дуэль с фашистами подняла настроение наших бойцов. Это было очень отрадно. Дело в том, что часть наших бойцов, особенно те, кто, отступая с боями, покидал левый берег, была угнетена кажущейся несокрушимостью гитлеровской военной машины. Нам нужно было вселить в красноармейцев уверенность в свои силы. Большую роль в этом сыграли коммунисты и комсомольцы. То в одном, то в другом подразделении проходили собрания, беседы. Тема у всех была одна: «Не так страшен черт, как его малюют».

Политработник лейтенант Рожков вместе с девушками-санитарками организовал концерт самодеятельности. Наши фронтовые артисты пародировали гитлеровцев, высмеивали их командование. Все это, вместе взятое, помогло. Бойцы ожили.

С каждым днем в подразделениях все успешнее шло укрепление обороны. Рылись новые траншеи, строились огневые точки. Командиры проводили тактические занятия, изучение оружия. От каждого бойца требовалось проявление личной инициативы. Красноармейцы учились искать участки, скрытые от противника, безопасные для передвижения, выбирать места, наиболее выгодные для обороны и наблюдения за противником.

Здесь добрым словом мне хочется вспомнить пограничников, которые прибыли к нам в полк еще в конце сентября. Это были повоевавшие, закаленные в боях воины. В момент их прибытия гитлеровцы обстреливали расположение нашего полка, а мы

готовили десант в Шлиссельбург. К ним, не отдохнувшим от марша, я обратился:

— Товарищи! Нужны добровольцы. Кто хочет идти на Шлиссельбург — шаг вперед.

Все 180 человек вышли из строя.

Пограничники стали впоследствии костяком полка, наставниками молодых бойцов, умелыми, самоотверженными воинами.

Все это время у нас в полку, да и в дивизии, большое внимание уделялось укреплению крепости. Подступы к ней фашисты держали постоянно под прицелом, и снабжение гарнизона было связано с большим риском. Однако мы понимали, что Орешек становится форпостом в нашей линии обороны. Несмотря на трудности, в крепость доставляли оружие, боеприпасы, продовольствие. Пополнялся и ее гарнизон.

С конца сентября в нашем полку был установлен лимит — три снаряда на орудие, три мины на миномет в сутки. Тут очень кстати оказались морские снаряды, вывезенные из крепости. Я приказал начальнику артиллерии полка лейтенанту Алехновичу испытать их на наших полковых пушках. Оказалось, нужно несколько сточить фланец, и они могут подойти по калибру. Самим нам это сделать было не под силу, и мы обратились к директору ближайшего завода Портнову с просьбой помочь нам. Специалисты, рабочие завода, выполнили заказ. Вскоре мы испытали эти снаряды. Они оказались бризантными (многоосколочными). Такие снаряды использовались для зенитных целей, а мы били по наземным.

Вскоре после первых залпов на моем КП зазвонил телефон.

— Кто стреляет бризантными по Шлиссельбургу? — услышал я голос полковника Трубачева, командира дивизии, сменившего полковника Донского.

— Мы, — отвечаю.

— Где взяли снаряды?

Я объяснил. На следующий день командующий артиллерией дивизии полковник Магдюк прислал к нам пиротехника. Проверка показала, что снаряды требуют дополнительного усовершенствования. Чтобы орудия не вышли из строя, надо было уменьшить заряд.

И снова нам помогли рабочие завода. Благодаря этим снарядам мы долгое время могли расходовать их без всякого лимита.

С первых дней мы начали тщательно изучать немецкую линию обороны. Крепость была для наших разведчиков той отправной точкой, от которой начинался путь в тыл противника. Вначале это были группы по три-четыре человека, перед которыми ставилась задача разведать береговую полосу, найти места безопасного причаливания лодок в случае десанта.

Затем разведка усложнилась. Бойцам приходилось часто проникать в глубь обороны противника, захватывать «языков», проводить диверсии. Следует подчеркнуть, что именно разведчики нашего полка первыми в Невской оперативной группе захватили и доставили «языка».

Разведчики действовали почти ежедневно. Вылазки проводились на участке от Черной речки до выхода на дорогу Шлиссельбург — Липки. Благодаря наблюдениям разведчиков у нас была возможность изучить действия противника, его режим, расположение огневых точек.

Память, к сожалению, не сохранила имена всех смельчаков, но некоторые запомнились мне на всю жизнь.

Это Первухин, Белоглазов, Куклин, Попков, Цветков, комсорг взвода разведчиков Сенцов. Особенно

большую известность приобрел в то время разведчик младший лейтенант Двоеглазов.

Стихией этого человека была диверсия. Он никогда не расставался с гранатами. Заведет группу захвата как можно дальше в глубь обороны противника, возмут разведчики «языка», а на прощание Двоеглазов обязательно подорвет землянку или блиндаж.

В январе 1942 года нам было приказано провести разведку боем между Шлиссельбургом и Липками. Руководил этой вылазкой командир 2-го батальона старший лейтенант Обрезкин.

Усиленная рота проникла в первые фашистские траншеи, забросала гранатами огневые точки и с боем отошла. Гитлеровцы открыли огонь. Нам только этого и надо было. Мы смогли установить месторасположение многих вражеских орудий.

В связи с этим эпизодом мне вспоминается еще один, который произошел в канун нового, 1942 года.

Перед праздником ко мне из Морозовки пришли женщины. Они просили помочь организовать для детей елку в одном из подвальных помещений поселка. Эта просьба и навела нас на мысль попытаться с помощью празднично иллюминированной елки выявить расположение вражеских орудий.

На опушке, видной гитлеровцам, выбрали три ели, развесили на них разноцветные лампочки. Вблизи елок сделали блиндаж с деревянным полом, чтобы была слышна дробь плясунов. В новогоднюю полночь вспыхнули елочные гирлянды, раздались звуки баянов и лихой солдатской пляски.

Минут десять гитлеровцы молчали, а потом открыли ураганный огонь. Я приказал отключить аккумуляторы. Как только обстрел прекратился, елки вспыхнули вновь. И снова фашисты обрушили шквал пулеметного, минометного и артиллерийского огня. В это

время корректировщики из крепости засекали огневые точки противника. Через некоторое время наша артиллерия накрыла их своим огнем.

В результате елочного «представления» фашисты израсходовали зря десятки тысяч пуль, сотни мин, снарядов и поплатились несколькими огневыми точками.

Невская эпопея богата фактами проявления солдатской выдумки и смекалки. У нас впервые под Ленинградом были применены бронированные саночки, на которых разведчики доставляли взрывчатку в тыл врага. Мы первыми в декабре 1942 года северо-восточнее крепости на Ладожском озере устроили ледовые укрепления, не давшие возможности фашистам предпринять атаки лыжных отрядов на Дорогу жизни.

Гарнизон крепости давал нам возможность проводить вылазки на передний край обороны противника.

Орешек был нашим авангардом, нашими глазами и нашей базой. Без помощи его героического гарнизона личному составу полка было бы намного тяжелее.

Чугунов Николай Иванович,

подполковник запаса, комендант гарнизона крепости с 11 сентября по 4 декабря 1941 года. Участник боев на Ленинградском и других фронтах.

НОВАЯ ИСТОРИЯ СТАРОЙ КРЕПОСТИ

8 сентября 1941 года отдел кадров пограничных войск Ленинградского округа направил меня в штаб 1-й дивизии войск НКВД, оборонявшей тогда западное побережье Ладожского озера и правый берег Невы до Дубровки.

Мне было известно, что еще не все части этой дивизии вышли из окружения и продолжали вести тяжелые бои.

С группой вновь назначенных командиров на трясучем грузовике я отправился в путь.

Штаб дивизии находился в поселке Морозовка, на правом берегу Невы против Шлиссельбурга, и размещался в школе.

Дежурный, проверив документы, сразу же проводил меня в кабинет командира дивизии. Здесь находились представитель Военного совета Ленинградского фронта генерал В. В. Семашко, командир дивизии полковник С. И. Донсков, командир артиллерийского полка майор Ф. А. Буданов.

Не требовалось особой смекалки, чтобы догадаться: меня ждало серьезное назначение. По тем вопросам, которые задавал генерал Семашко, было ясно, что он знает мое личное дело: что я коммунист, кадровый офицер-пограничник, что командовал сводным отрядом в Прибалтике. Знал и все-таки задавал вопросы обо всем этом...

Наконец генерал сказал:

— Вы назначаетесь комендантом Шлиссельбургской крепости. Уверен, справитесь. У вас хороший боевой опыт... — Генерал указал место и время, где будет ждать катер, и добавил: — Надо и нам осмотреть крепость. Так что у вас будут попутчики.

В условленное место на берегу Ладожского озера я пришел на несколько минут раньше назначенного времени: хотелось поглядеть, где мне теперь предстояло служить. Совсем рядом — рукой подать — высилась молчаливая громада старинной крепости. Выглядела она мрачновато и таинственно.

Точно в назначенное время к причалу подошли генерал Семашко, полковник Донсков и майор Буданов. Мы сразу же направились к замаскированному катеру и, не теряя ни минуты, расселись по местам.

Взревел мотор. Катер стремительно выскочил из укрытия на простор Невы и помчался вперед. Наблюдатели противника, очевидно, прозевали наш выход. Без единого выстрела преодолев опасную зону, мы высадились у крепостной стены, обращенной к правому берегу Невы.

Здесь нас встретил офицер-морьяк по фамилии Ганин. Он доложил генералу, что в крепости все спокойно, а разведчики ведут наблюдение за противником. Лицо у морьяка было землистым от усталости и бессонной ночи...

Разведчики появились в крепости всего лишь сутки назад. Было это так. Под утро, в 3 часа ночи,

полковник Донсков вызвал к себе двух командиров взводов, отличившихся в недавних боях: стрелкового — фамилия командира не сохранилась в памяти — и пулеметного — старшину Кондратенко. Они получили задачу: преодолеть протоку Невы и разведать крепость.

С момента получения приказа от командира дивизии прошло не более часа, как отчалили от берега тринадцать шлюпок с разведчиками. Их сопровождал Ганин, который раньше бывал в крепости и хорошо знал ее.

Когда выбрались на середину полукилометровой протоки, из Шлиссельбурга вдруг взвилась ракета, за ней вторая, третья.

Гитлеровцы, обнаружив разведчиков, открыли по протоке интенсивный огонь. В одну из шлюпок попала мина. Погибли помощник командира пулеметного взвода и вместе с ним шестеро бойцов, ушел на дно станковый пулемет. Близким разрывом разбило вторую шлюпку. Раненых пулеметчика Иванова и подносчика патронов Денисова, едва державшихся за разбитую шлюпку, спас командир взвода старшина Кондратенко, оказавшийся в тот момент поблизости.

Подобрав раненых, шлюпки с разведчиками вырвались из зоны обстрела и подошли к острову. Но считать, что опасность уже позади, было еще рано — разведчиков в крепости могла подкарауливать вражеская засада. Соблюдая меры предосторожности, они быстро высадились из шлюпок. Ганин и Кондратенко с десятью бойцами, прихватив два станковых пулемета, поднялись к Государевой башне, осторожно открыли ворота. Остальные бойцы составили группу прикрытия, готовую в любой момент прийти на выручку. Раненые под охраной нескольких бойцов остались у шлюпок.

Когда устанавливали пулеметы в башне, во дворе вдруг послышался топот: казалось, бежит не менее взвода солдат. Старшина Кондратенко подал команду: «К бою!» — и сам лег за пулемет. Топот приближался к башне. Все замерли в предчувствии жестокой схватки. Но из густых зарослей бузины выбежала... лошадь. Самая обыкновенная лошадь, с белой звездочкой на лбу. Она обрадованно заржала, обнюхала лежащих бойцов и спокойно потрусилла через ворота к речке...

Так было несколько часов назад...

Доложив генералу Семашко обстановку, Ганин стал знакомить нас с расположением крепости, с передним краем обороны противника.

Крепость и занятый врагом Шлиссельбург разделяла узкая полоска воды — левая протока Невы около 120 метров шириной. Через крепостные амбразуры невооруженным глазом был отчетливо виден оккупированный город. По улицам Шлиссельбурга сновали вражеские солдаты. Одни торопились вытащить из домов награбленное добро. Другие спешили к походным кухням. Третьи конвоировали гражданских с лопатами, ломami и кирками — рыть окопы и траншеи. Видеть все это было тяжело и горько...

После рекогносцировки мы возвратились к катеру. Здесь, у крепостной стены, обращенной к нашему берегу, состоялся импровизированный военный совет.

Поскольку возглавлять гарнизон Шлиссельбургской крепости предстояло мне, то и на совете у крепостной стены первое слово предоставили мне. Еще во время рекогносцировки я мысленно нарисовал схему расположения огневых точек, примерно прикинул, что для обороны крепости необходимо иметь две роты солдат, одну батарею 76-миллиметровых пушек, до десятка ротных минометов, 12 станковых и 24 ручных

пулемета. Все это я изложил вслух. Командование согласилось со мной. Генерал сообщил также, что вместе с нами оборону держать будет морская батарея, что в двухдневный срок с крепостью установят радиотелефонную связь штаб дивизии, начальник артиллерии армии и командир 302-го морского артиллерийского дивизиона полковник Туроверов.

— Огня без приказа командира дивизии не открывать, — в заключение распорядился генерал. — Примите все меры, чтобы не демаскировать гарнизон, до поры, до времени ведите себя так, как будто в крепости никого нет.

Теперь противник присматривал за нами более внимательно: как только катер с генералом и его попутчиками оказался в зоне обстрела, фашисты открыли огонь. Катер вынужден был вернуться назад и ждать, пока стемнеет...

После внимательного осмотра крепости, после того как заглянули в каждый каземат и закоулок, мы сделали «открытие», от которого по телу пробежали мурашки: крепостная церковь была до отказа заполнена средними морскими глубинными бомбами и снарядами разных калибров. Попади шальной снаряд в это хранилище, и, пожалуй, перестал бы существовать остров Ореховый вместе с крепостью, расположенной на нем.

Но была обнаружена находка и более приятная — в одном из помещений оказался продовольственный склад: мука, пшено и другие продукты — примерно трехдневный запас для всего гарнизона крепости.

Как потом выяснилось, все это добро принадлежало Ладожской флотилии, в ведении которой до этого находился остров с крепостью.

Около полуночи 12 сентября на остров прибыла половина будущего гарнизона — рота солдат, смешан-

ная батарея 76- и 45-миллиметровых пушек, были доставлены боеприпасы и продовольствие.

По-летнему погожим днем 11 сентября в крепости появился человек, ставший потом душой героического гарнизона, — комиссар Валентин Алексеевич Марулин. Я назвал его по должности, потому что тогда у него командирского звания еще не было. Уже одно то, что он отважился преодолеть на весельной шлюпке и на глазах у противника днем почти полукилометровую правую протоку Невы, говорило о многом. Да и трудные боевые будни Орешка позднее доказали, что, кроме личного обаяния, предельной честности и принципиальности, человек этот отличался завидной отвагой и стойкостью. Словом, это был настоящий, прирожденный комиссар, хотя он и признался сразу же, что «ни разу в жизни не комиссарил». Видимо, острое было чутье на людей у комиссара дивизии полковника Федорова, разглядевшего в Марулине его основное «воинское качество»...

Начались боевые будни гарнизона крепости. Первые несколько дней были относительно спокойными — мы выполняли приказ генерала Семашко: огня не открывали, вели себя так, как будто в крепости никого нет. Это вовсе не означало, что мы сидели сложа руки. Редкую для фронтовой обстановки передышку мы использовали до отказа: пробивали амбразуры в могучих крепостных стенах, а толщина их порой превышала 5 метров, строили огневые позиции, укрытия, налаживали несложный быт. Словом, делали все, чтобы как-то приспособить древнюю крепость к условиям современной обороны. Вместе с тем командиры вели непрерывное наблюдение за передним краем обороны противника. Мы составили схематический план Шлиссельбурга и его окрестностей, нанесли на нашу карту все обнаруженные огневые точки врага, места скоплений

его солдат и техники. Это нам очень пригодились в самом скором времени.

Во второй половине сентября 1941 года, в ту ночь, когда в районе Невской Дубровки войска Ленинградского фронта готовились форсировать Неву, чтобы, развивая удар, овладеть станцией Мга и прорвать блокаду Ленинграда, — в эту ночь я получил приказ штаба дивизии: из всех видов оружия открыть огонь по врагу в Шлиссельбурге.

По сигналу боевой тревоги стрелки, расчеты орудий, минометов и пулеметов в считанные минуты заняли свои места. Грянули разом все наши пушки и минометы. Вспыхнули дома на набережной и осветили весь город. По Шлиссельбургу в панике заметались перепуганные солдаты противника. Они были отлично видны нам и сразу же попали под свинцовый ливень наших пулеметов, стали мишенью для стрелков. Несколько вражеских орудий, расположенных на бровке канала, пытались вести ответный огонь, но тут же были подавлены. Особенно большой урон нанесли врагу наши пушки: они подожгли несколько домов на переднем крае, подавили многие огневые точки врага. К слову сказать, во время первой рекогносцировки, которой руководил генерал Семашко, мы обнаружили несколько совершенно непригодных к бою пушек — они были без замков и прицелов. Но во время затишья, когда «обживали» крепость, мы отыскивали и прицелы и замки, оказавшиеся припрятанными в разных местах...

Наш огонь был внезапным. Ошеломленный враг долго не мог прийти в себя и молчал всю ночь. Лишь в 7 часов утра загрохотали в крепости разрывы вражеских мин — мы насчитали около 100 разрывов. Это же повторилось в 16 и 19 часов. С этого дня и именно в эти часы пунктуальные немцы ежедневно

стали устраивать свои огневые налеты на крепость. Они так точно придерживались этого распорядка, что по первым разрывам мин можно было проверять часы.

Понеся потери, враг в отместку в тот же день трижды бомбил нас с воздуха. Вода вокруг крепости буквально кипела, вздымалась стеной от разрывов тяжелых бомб.

Из 302-го отдельного артиллерийского дивизиона к нам прибыл старший лейтенант корректировщик с опытным радистом, имевшим радиостанцию «Север». Это было более чем кстати.

На следующий день мы снова получили приказ открыть огонь. Снова заговорили наши пушки и пулеметы. Снова в городе вспыхнули пожары, снова в панике заметались по улицам вражеские солдаты.

Только спустя полчаса со второго рубежа обороны оккупанты открыли ответный огонь из пушек и минометов. В крепости стоял сплошной гул разрывов. Наши артиллеристы, которые стреляли с открытых позиций, стали нести потери и ослабили огонь. Противник сразу же воспользовался этим и подтянул к переднему краю два тяжелых орудия, начавших обстреливать позиции наших войск на правом берегу Невы. Гитлеровцы, видимо, предполагали, что готовится штурм Шлиссельбурга, и обрабатывали вероятные места сосредоточения наших войск. Не оставляли без внимания и гарнизон крепости.

На выручку Орешка и наших войск на правом берегу Невы пришла морская артиллерия, которой командовал полковник Туроверов. С ним связался по радиации находившийся у нас офицер-корректировщик. Через несколько минут на артиллерийские и минометные позиции врага обрушился огонь 130-миллиметровых морских батарей.

Почувствовав весьма ощутимую поддержку береговой артиллерии, и наши пушкاري приободрились. Меткими выстрелами они уничтожили расчеты обоих тяжелых орудий врага, подорвали снаряды, подвезенные к орудиям противника на нескольких машинах. Только с наступлением темноты фашисты сумели откатить в тыл свои поврежденные орудия.

Противник и в этот день устроил массированный авианалет на крепость. Прицельно бомбить фашистским стервятникам мешал плотный огонь с правого берега Невы. Гитлеровцы спешили избавиться от бомбового груза и поскорее улизнуть восвояси... Их бомбы рвались или в Ладожском озере или в протоках Невы. Лишь одна бомба угодила близко: она подняла гигантский столб воды в 10 метрах от крепостной стены, обращенной к Ладожскому озеру.

Для каждого из нас навсегда остались памятными первые дни боев вновь созданного гарнизона крепости. Наш Орешек оказался для врага действительно крепким, пришелся ему не по зубам. Сейчас, когда со времени этих боев минуло уже три десятилетия, многие детали стерлись в памяти, некоторые фамилии героев забылись — все-таки память человеческая имеет свои возможности и пределы, — но не забылась и до смерти не забудется общая картина боев, когда даже тяжелораненые бойцы и командиры отказывались покидать свои позиции. Не забудется, как всюду, где обстановка складывалась наиболее опасно, оказывался наш комиссар Марулин, воодушевляя бойцов товарищеским словом и личным примером.

Первое боевое крещение гарнизона крепости не обошлось без потерь: был убит пулеметчик, один командир оказался тяжелораненым, шестнадцать бойцов получили различные ранения. Враг потерял неизмеримо больше: его потери исчислялись десятками

убитых и раненых; все укрепления на переднем крае фашистам надо было строить заново — их разрушил огонь нашей артиллерии; в глубине обороны врага многие огневые точки также были разрушены снарядами наших пушек и морских батарей.

С этого дня гарнизон крепости не выходил из боя. Фашисты круглыми сутками, методично и налетами, обстреливали остров из дальнобойных орудий и минометов. В скором времени все здания крепости были разрушены. Крепчайший старинный кирпич превращался в пыль, и над островом все время висело красное облако. Но гарнизон, уйдя под землю, стойко оборонялся. Мы непрерывно днем и ночью вели наблюдение за врагом, огнем своей артиллерии, минометов и пулеметов мешали строить новые укрепления, сковывали его силы, держали его в постоянном напряжении.

Припоминается такая история. Наши артиллеристы разрушили водопроводную сеть в Шлиссельбурге. Гитлеровцы вынуждены были ведрами таскать воду из Ладожского озера, — без воды не проживешь... Надо сказать, что берег здесь был ровный, открытый, почти без всякой растительности. Каждый вражеский солдат, появившийся с ведрами или канистрами, был отличной мишенью. Не одного из них наши стрелки и минометчики замертво уложили на светлом прибрежном песке. Тогда враг пошел на коварную хитрость: вместе с водоносами стал выгонять к озеру шлиссельбургских ребятишек. Тут уж мы, конечно, не могли вести ни пулеметного, ни минометного огня. Даже из винтовок перестали стрелять: а вдруг мальчишку зацепишь нечаянно? Словом, враг вроде бы добился своего.

Но только — вроде бы.

На самом же деле он натолкнул нас на замечательную мысль.

Я уже говорил, что в гарнизоне нашей крепости было много пограничников, людей, которых сама служба даже в мирное время обязывала быть хорошими стрелками. Не хочу показаться нескромным, но я как кадровый командир-пограничник тоже обязан был хорошо владеть стрелковым оружием, и владел, конечно... Мы создали снайперскую команду из двадцати отличных стрелков. Подготовку снайперов я взял на себя. Обучение их продолжалось дней пять.

Когда мы с комиссаром убедились, что бойцы команды стали не просто отличными стрелками, а настоящими снайперами, они получили первую боевую задачу: снимать вражеских водоносов, оставляя невредимыми ребятишек, за спины которых фашисты трусливо прятались. Мне выпала честь первым открыть лицевой снайперский счет...

Буквально на следующий день после того, как наши снайперы принялись за свою боевую работу, гитлеровцам пришлось пробираться к озеру короткими перебежками и ползком. Но снайперские пули и в этом случае настигали их беспощадно. Вскоре фашисты совсем перестали показываться днем — водой запасались ночью. Нашу снайперскую школу окончила замечательная тройка разведчиков: Степан Левченко, Серафим Кузнецов и Петр Собольников. Ее выпускником был и Петр Голиченков, впоследствии знаменитый на весь Ленинградский фронт снайпер, Герой Советского Союза. В числе первых снайперов нашего гарнизона были также Боярский, Долинский, Глазман.

Поначалу особенно отличился Серафим Кузнецов. В первую свою снайперскую неделю он истребил более двадцати захватчиков. Был в этой неделе рекордный день, когда от его метких пуль отправились на тот свет девять гитлеровцев. Противник устроил настоящую охоту за Кузнецовым. Часто его боевая точка за-

волакивалась пылью и дымом, а крепостная стена слева от него была вся избита разрывными пулями. Мельчайшие осколки пуль вбивались в лицо и руки. Но снайпер продолжал выслеживать врага...

Я пробыл в крепости до 4 декабря 1941 года (потом получил назначение в другую часть), и к этому времени мои бывшие ученики уничтожили 186 вражеских солдат и офицеров. И выходило, что перестала существовать на свете целая рота ненавистных захватчиков, — это был не такой уж плохой итог снайперской работы...

Из частей и подразделений 1-й дивизии войск НКВД гарнизон Орешка к противнику находился ближе всех. Крепость занимала господствующую над прилегающей местностью возвышенность. Поэтому у нас всегда жили, как постоянно прописанные, корректировщики различных артиллерийских частей. Противник, естественно, догадывался об этом и, всячески стараясь помешать их работе, вел непрерывный огонь. Попутно этим же огнем «рассчитывался» враг и с гарнизоном. Не скупился он на мины и снаряды для крепости еще и потому, что отсюда время от времени совершали свои вылазки и дивизионные, и наши разведчики.

Командование дивизии постоянно требовало от нас захвата вражеских «языков» — и все по той же причине, что мы к противнику были ближе всех. Выполняя эти требования, мы несколько раз высылали разведгруппы на лодках, даже пытались преодолеть быструю левую протоку на спасательных поясах, но стремительное течение сносило разведчиков. Долго нам не удавалось добиться успеха. Сказывались отсутствие опыта и неважная специальная подготовка. Да и враг на нашем участке был очень насторожен.

Обстановка заставила нас создать специальную команду разведчиков. Выделили лучших бойцов, во главе их поставили старшину Васильева, кадрового пограничника, бывшего заместителя политрука заставы. Это был невысокий белокурый юноша, в котором гармонично сочетались два великолепных качества: гибкий, находчивый ум и, я не боюсь этих слов, выдающаяся отвага. Он наладил постоянную и напряженную учебу и тренировку будущих разведчиков. С башен и крепостных стен они также вели непрерывное наблюдение за противником, уточняли систему его обороны, расположение и оснащение огневых точек и режим переднего края. Все это пригодилось в самом скором времени.

В начале декабря мы снова получили приказ взять «языка». На этот раз он был весьма категоричным и исходил лично от командира дивизии.

Хотя наши разведчики к выполнению этой задачи были подготовлены значительно лучше, чем раньше, но неожиданно обстановка усложнилась. Виновницей осложнений оказалась капризная Ладога: лед на озере уже окреп, но поверх него вдруг проступила вода. Тут уж в валенках не пройдешь. Может, в сапоги обуться? Но мы знали, что бровка Ново-Ладожского канала каменистая. Стук сапог по камням обязательно выдаст разведчиков. Как же быть?

Из неожиданного затруднения вывел нас сам командир взвода разведчиков сметливый старшина Васильев. Он предложил поступить так: до бровки Ново-Ладожского канала идти в сапогах, а возле берега натянуть на них заранее приготовленные мягкие веревочные лапти. Он же взялся и за плетение их.

К вылазке готовились тщательно. В ней должны были участвовать три разведгруппы: две прикрытия и одна захвата. Их прикрывал стрелковый взвод с дву-

мя станковыми пулеметами. Все разведчики оделись в белые маскировочные халаты. Группу нападения возглавил сам старшина Васильев.

Около полуночи разведчики бесшумно двинулись в путь. Группа Васильева направилась на правый фланг противника — на северную окраину Шлиссельбурга. Направление это было выбрано заранее и хорошо изучено. Когда разведчики подошли к бровке Ново-Ладожского канала, по которой проходил передний край противника, и натянули на сапоги веревочные лапти, Васильев увидел двух вражеских солдат. Они не подозревали, что совсем рядом притаились советские разведчики, и о чем-то негромко беседовали. Наговорившись, разошлись в разные стороны. Место встречи солдат, видимо, было стыком двух подразделений противника. Васильев прикинул, что вблизи этого стыка и надо брать «языка». Он приказал своей группе остаться на месте, а сам, взяв одного бойца, выполз на бровку канала, на дозорную тропу. Здесь и залегли.

Вскоре старшина увидел, что прямо к нему неторопливо и спокойно шагает дозорный. Остановился шагах в пяти и повернул обратно. Через некоторое время снова вернулся, и Васильев одним стремительным прыжком метнулся к нему. На помощь подоспел притаившийся напарник и помог свалить гитлеровца. Но тот вскочил и устремился к блиндажу. Васильев успел ударить его рукояткой пистолета по голове. Солдат упал. На всякий случай ему завязали рот и скрутили руки. Обмякшего из-за потери сознания, а потому неправдоподобно тяжелого «языка» оттащили на лед озера метров за четыреста от места захвата, отдышались, прошли еще некоторое расстояние, и только после того, как убедились в полной безопасности, старшина Васильев подал ракетой условный сигнал «язык

взят!». Вскоре группа Васильева соединилась с остальными разведчиками...

Во время поиска я находился на командном пункте в крепости. Надо ли говорить, как медленно тянулось время: минуты казались часами, а часы — бесконечностью. Как я ни сдерживал себя, но все-таки не вытерпел, взял отделение солдат и вышел на озеро. В это время взвились ракеты разведчиков, и мы устремились туда.

Вскоре возбужденный Васильев докладывал мне: — Ваш приказ выполнен, «язык» взят!

Даже при слабом мерцании ракет было видно, что «язык» был мокрым и одежда на нем обледенела. Оказалось, что в пути он «окрестился» в ледяной купели — провалился в полынью. Пришлось дать ему внушительную порцию спирта из моей походной баклажки. Очень скоро язык у нашего «языка» развязался: усиленно жестикулируя, гитлеровец быстро-быстро о чем-то говорил...

Исчезновение своего солдата противник обнаружил с большим опозданием. Мы уже благополучно вернулись в крепость, когда над его передним краем встревоженно взметнулись десятки ракет, застрекотали пулеметы и автоматы. Поздновато спохватились, господа фашисты!..

Три месяца пробыл я комендантом Орешка. Три горячих месяца, каждый день которых был наполнен грохотом и огнем, и они навсегда врезались в мою память.

Марулин Валентин Алексеевич,

подполковник запаса, комиссар гарнизона крепости с 11 сентября 1941 года по октябрь 1942 года. Позже был заместителем командира по политчасти отдельного пулеметно-артиллерийского батальона укрепленного района Ленинградского фронта и на других политических должностях.

РУШИЛСЯ КАМЕНЬ, НО ЛЮДИ СТОЯЛИ...

Осень

На всю жизнь не покинет меня чувство гордости, что с сентября 1941 года по октябрь 1942-го, в течение грозных и суровых тринадцати месяцев, мне довелось быть в числе защитников Шлиссельбургской крепости, делить с ними все радости и невзгоды, быть свидетелем подлинно героических свершений. Здесь я близко узнал людей, которых иначе как богатырями не назовешь...

Все началось с того, что утром 11 сентября 1941 года меня вызвал к себе полковой комиссар Федоров. Разговор сразу же принял крутой поворот, потому что я отказывался от комиссарской должности. Федоров вскипел:

— Это еще что такое? Вы коммунист и кадровый пограничник и обязаны выполнять приказы партии и командования! Нам виднее, куда вас направлять!

— Я никогда не был комиссаром.

— Научитесь.

— У меня даже командирского звания нет.

— Присвоим! — отрезал Федоров.

Спорить дальше было бесполезно. Я вздохнул и согласился.

— Давно бы так, — подобрел полковой комиссар. — Шагайте в роту, забирайте свои вещички и без промедления — в Шереметьевку, там ждет шлюпка... Вот копия приказа о вашем назначении.

Велико ли солдатское имущество, да еще на фронте, — шинель да вещевого мешок. Прихватил я все это, простился с товарищами и поспешил в Шереметьевку, расположенную напротив Шлиссельбургской крепости.

Может, потому, что в эти часы не громыхали на берегу разрывы вражеских снарядов, день мне запомнился необыкновенно погожим, полетному солнечным и теплым. Даже не верилось, что по ту сторону Невы засел враг. О нем у причала напомнила мне сама действительность устами дежурного — старшего лейтенанта Кузнецова.

— Плавать умеете, комиссар? При надобности выберетесь на берег? Не пойдете на кормежку рыбам? — серьезно спросил он, проверив мои документы.

— Не утону — все-таки на Волге вырос.

— Спрашиваю не ради шутки. Придется плыть на виду у противника. Может обстрелять, пробить шлюпку. На всякий случай снимите сапоги и снаряжение — плыть будет легче. Течение здесь быстрое, в одежде не выбраться.

Возле шлюпки деловито копошился боец, придирчиво осматривал посудину, весла и уключины.

Я поблагодарил Кузнецова за предупреждение и советы, пожал ему на прощание руку, снял снаряжение, надел сапоги на босу ногу, сел в шлюпку и по старой спортивной привычке скомандовал:

— Весла на воду!

И пошла наша шлюпка вперед, разрезая тугую струю быстрого течения...

Если человеку беспримерно повезло в чем-нибудь, то люди говорят: под счастливой звездой родился. Это же можно было сказать и о нас с гребцом: полукилометровую правую протоку Невы мы преодолели без единого выстрела с вражеского берега — случай чрезвычайно редкий, как я убедился очень скоро.

Густо заросший кустарником и бурьяном, остров поначалу показался мне заброшенным и пустынным. В темных расщелинах старых крепостных стен росли молодые березки. И ни одной человеческой души вокруг. Только шустрые стрижи, не поделив чего-то между собой, с отчаянным пискom стремительно носились над крепостью. Как тут было не подумать: неважно охраняется крепость.

Но стоило нам с бойцом подойти к воротам башни, как раздался негромкий, но властный окрик:

— Стой! Кто идет?

Перед нами вырос вооруженный сержант. Он, конечно, окликнул нас просто так, для формы.

— Рискованные вы, ребята. День ясный, а они на лодочке прогуливаются, — улыбнулся сержант. — Я вас заметил сразу, как только от берега отчалили. Смотрел и побаивался: накроет фриц из минометов — и поминай как звали. Ваше счастье, что проморгали они...

Мой провожатый снова проверил шлюпку, весла и уключины, сильно оттолкнулся от берега и, усаживаясь поудобнее, помахал на прощание рукой.

Мы с часовым-сержантом, как будто сговорившись, не трогаясь с места, тревожно следили за каждым взмахом его весел. И только тогда, когда шлюпка скрылась за баржой у правого берега, мы оба облегченно вздохнули и, не говоря ни слова, направились

в крепость. Через узкую и низкую дверцу в массивных деревянных воротах Государевой башни вышли на крепостной двор.

Перед глазами предстали мрачные казенные здания: Четвертый и Надзирательский корпуса, в центре двора — белая церковь со звонницей без купола; слева, вдоль северной стены, тянулся полуразрушенный корпус, черные окна которого были переплетены мрачными тюремными узорами из толстых железных прутьев, красноречиво говорившими, что здесь когда-то был застенки.

— Штаб — в Надзирательском корпусе, — кивнул в его сторону сержант и предупредил: — Коридор там темный, хоть глаз выколи. Так что идите поосторожнее. А я на пост вернусь.

В коридоре действительно была непроницаемая темень. Я шел на ощупь и, добравшись до какой-то двери, приоткрыл ее. На нарах спали три бойца, за столом у окна сидел старшина. Он поднялся и четко доложил, как докладывают «вышестоящему»:

— Командир пулеметного взвода старшина Кондратенко!

— Мне нужен комендант крепости.

Старшина проворно вынырнул из комнаты, и здесь вскоре появился капитан в форме пограничника. Он стал не просто читать, а неторопливо и дотошно изучать мои бумаги, потом смерил меня с ног до головы пристальным взглядом. Только после этого протянул руку и проговорил с официальным холодком в голосе:

— Комендант крепости капитан Чугунов... Идемте ко мне, там и поговорим.

В подобном случае и я, наверное, так же внимательно разглядывал бы документы и не торопился с выводами, но все-таки невольно подумал: чем-то

я пришелся не по душе этому капитану-пограничнику...

Первый вопрос, который он задал, когда пришли в его кабинет, был такой:

— Курящий?

— Обязательно.

— А курево привез?

Я протянул пачку «Беломорканала». Чугунов с нескрываемым удовольствием взял папиросу, нетерпеливо размял ее в пальцах, несколько раз затянулся глубоко и со вкусом и снова, но теперь уже подобревшими глазами, прошелся по моим бумагам:

— Значит, комиссарить к нам прибыл? Прямо сказать, место здесь будет горячее.

— Я так полагаю, Николай Иванович, на войне прохладные места редко встречаются.

— Что верно, то верно...

Чугунов долго, заинтересованно и тактично, расспрашивал меня, где я служил в мирное время, где встретил войну, как сложилась моя личная жизнь. Попутно рассказал он и о себе, о своей службе. После этого обстоятельного разговора мы оба почувствовали себя так, как будто знали друг друга давно и хорошо.

Капитан поднялся, дружески улыбаясь, похлопал меня по плечу:

— Ничего, сработаемся, комиссар, пойдем друг друга. Должны сработаться и понять — мы же оба коммунисты, да и пограничники к тому же... Дайка еще закурить, и пойдем знакомиться с крепостью...

О трудных буднях первых дней боевой жизни гарнизона комендант крепости Чугунов уже рассказал в своих воспоминаниях. Чтобы не повторяться, я лишь дополню их некоторыми деталями и фактами.

Поначалу гарнизон жил, что называется, на подножном корме, питались тем, что оставили в крепости ее прежние хозяева.

Кроме небольшого количества продуктов, которые мы обнаружили в складе, имелся еще некий дополнительный резерв: на нескольких грядках в крепостном дворе росла капуста; за стеной, обращенной к противнику, был посажен картофель, и копать его приходилось с риском для жизни, но все-таки копали. Пищу для личного состава готовили только два раза в сутки — утром и вечером.

Из боевых эпизодов мне запомнился вот такой. На следующее утро после того, как наш гарнизон по приказу командования дивизии обрушил на врага, оккупировавшего Шлиссельбург, внезапный уничтожающий огонь, противник начал забрасывать крепость снарядами и минами всех калибров, — за ночь он успел оборудовать взамен разбитых несколько новых огневых точек. Наши артиллеристы некоторые из них засекли. По команде политрука Короткова расчеты выкатили свои 76-миллиметровые орудия на прямую наводку и сразу же открыли огонь.

Сама по себе очень заманчивая, но в то же время и весьма опасная эта прямая наводка: заманчивая — потому что стрельба очень уж эффективная, своими глазами видишь пораженную цель; опасная — потому что вести эту стрельбу приходится на глазах у противника, и он, понятно, не будет ждать, пока дерзкие пушкари нанесут побольше вреда. Потому здесь дорогá каждая секунда, потому и артиллеристы должны быть особенно искусными и отважными. За нерасторопность, за самую малую заминку — я уже не говорю о слабой воинской выучке и даже элементарной робости — здесь приходится рассчитывать собственной жизнью.

Случилось так, что у расчета, разместившегося в башне Головина, заклинило снаряд в стволе. Как ни бились артиллеристы, пытаюсь разрядить орудие, ничего не могли поделать. Каждая секунда промедления становилась смертельно опасной.

В этот критический момент на выручку расчету пришел старший лейтенант корректировщик из 302-го морского артдивизиона. Он находился поблизости, вел наблюдение за противником и корректировал огонь. Не сказав ни слова, старший лейтенант подскочил к замолчавшему орудию, схватил банник и вытолкнул застрявший снаряд. И так же, не говоря ни слова, сам сел за наводчика и третьим снарядом буквально разворотил пулеметный дзот противника, угодив в самую амбразуру огневой точки.

Задание выполнено — вражеская огневая точка вместе с расчетом перестала существовать. Теперь можно закатывать орудие в укрытие. Расчет, не мешкая, этим и занялся. Но именно в этот момент взбешенный противник в отместку открыл по орудию минометный огонь. Осколком мины был ранен в локоть старший лейтенант корректировщик. С наступлением темноты моряка-артиллериста вместе с его радистом, также получившим ранение, пришлось отправить на правый берег в санчасть 302-го артдивизиона. Чуть побольше суток пробыл у нас этот старший лейтенант. Сутки были горячими, и в моей памяти не сохранилось ни имени, ни фамилии этого отважного человека и отличного артиллериста. Может, сейчас он откликнется или кто-нибудь из читателей назовет его?..

Из частей и подразделений, занявших оборону по правому берегу Невы, гарнизон Шлиссельбургской крепости был к противнику ближе всех — нас разделяла левая протока Невы, ширина которой едва достигала и 120 метров. Такое близкое соседство ставило

наш гарнизон в особое положение, которое приносило немало хлопот. Утешением было то, что на долю врага этих хлопот выпадало куда больше, чем нам. С крепостных стен и башен улицы оккупированного города были как на ладони. А на войне видеть — значит бить. Что мы и делали без устали.

Пользуясь близостью к врагу, гарнизон бил его не только метким огнем орудий, минометов, пулеметов и винтовок. В разгар первых горячих дней в крепости мы с комендантом попросили политотдел дивизии доставить на остров радиопередвижку. Просьбу нашу удовлетворили без промедления, а мы установили прибывшие мощные громкоговорители на самой высокой точке перед противником — на башне Головина. Радиопередвижку сопровождал подполковник, отлично говоривший на немецком языке. Он несколько раз выступал перед микрофоном, разъясняя солдатам противника преступность войны, затеянной гитлеровской кликой против Советского Союза, говорил о неизбежном крахе этой кровавой авантюры.

Первые 10—15 минут после начала передачи на вражеском переднем крае стояла полная тишина — солдаты противника внимательно слушали голос нашего громкоговорителя, далеко разносившийся над Невой и Ладожским озером. Потом гитлеровцы, спохватившись, открыли по крепости артиллерийский огонь. Толстые стены башни Головина содрогались от рвущихся снарядов, но железный голос громкоговорителя продолжал звучать... А наблюдатели наши не дремали в это время — наносили на свои планшеты позиции вражеских орудий.

Политотдельцы порадовали нас хорошей выдумкой. Они прислали патефонные пластинки с записями характерных шумов, которыми обычно сопровождаются работы по сооружению укреплений или подготовка

к атаке. С наших наблюдательных пунктов хорошо было видно, как настораживались гитлеровцы и начинали интенсивно подтягивать к переднему краю свои резервы, едва заслышав с нашей стороны угрожающие звуки. Мы только этого и ждали и начинали обстреливать их прицельным огнем.

Наши бойцы с полным основанием говорили, что радиопередвижка стоит хорошей артиллерийской батареей, выступление подполковника на немецком языке и патефонные пластинки с шумами действуют на гитлеровцев не хуже снарядов и мин.

В памяти сохранился еще эпизод с флагами.

Как-то ранним утром мы увидели над колокольной собора в Шлиссельбурге фашистский флаг. Наши артиллеристы буквально считанными выстрелами сбили фашистское полотнище.

На следующее утро рядовые Левченко и Кузнецов на самой высокой точке крепости — на водонапорной башне — водрузили наш красный флаг. Увидев его, фашисты незамедлительно открыли интенсивный огонь. Надо сказать, артиллеристы они были неважные. Совсем рядом с флагом чертили свои огненные строчки трассирующие снаряды, ударялись в массивные стены башни, откалывали куски кирпича, но красное полотнище продолжало развеваться на ветру. В нескольких местах оно было пробито вражескими осколками. Только через несколько дней фашистам удалось разбить водонапорную башню...

На психику противника мы воздействовали не только громкоговорителями и нашим гордо развевающимся флагом, но и своеобразной «наглядной агитацией». Здесь отличился любимец всего гарнизона рядовой Степан Левченко, признанный снайпер и разведчик, а от природы — талантливый художник. На листе фанеры он нарисовал плакат, который вызывал у

гитлеровцев неистовую ярость. Горчицей и сажей — никаких красок у нас не было — кистью из конского хвоста Левченко изобразил весьма выразительную картину: на фоне темного неба — могила с березовым крестом; на крест надета пробитая осколком железная немецкая каска; в верхней и нижней частях плаката броская надпись на немецком языке — «Вот что ждет тебя под Ленинградом!».

Сам же Степан Левченко с помощью еще одного бойца темной ночью вывесил этот плакат, поддерживаемый стальными тросами, на крепостной стене, обращенной к противнику. Утром, как только рассвело, гитлеровцы открыли ураганный огонь по плакату, а заодно и по крепости. Неистовствовали вражеские артиллеристы до тех пор, пока плакат не превратился в щепки...

Одним словом, «просвещали» мы захватчиков всеми средствами и методами, которые были в нашем распоряжении.

Гитлеровцы старались создать гарнизону крепости невыносимые условия. Для этого не жалели ни мин, ни снарядов всех калибров. Конечно, и на авиабомбы не поскупились бы. Но слишком близка была наша крепость к их переднему краю, и нам неоднократно приходилось быть свидетелями, когда гитлеровские воздушные «асы» обрушивали смертельный груз на головы своих же вояк...

Непрерывные вражеские обстрелы не могли, конечно, сломить стойкости гарнизона. Но, чтобы не нести напрасных потерь, мы приняли соответствующие меры. Поначалу личный состав, санчасть и кухня размещались в первых этажах Надзирательского и Четвертого корпусов. Усилившийся обстрел крепости заставил нас

принять меры к более надежному укрытию людей, техники и боеприпасов.

Стрелковую роту мы разместили в башнях Головкина, Королевской и Флажной. Пулеметчики и минометчики надежно укрылись в Надзирательском корпусе. Связисты выкопали себе землянку у крепостной стены. Штаб гарнизона занял подвальное помещение.

По-новому расположили и огневые позиции. 76-миллиметровые орудия установили в Государевой башне и в дзоте у Флажной башни, 45-миллиметровые пушки — в красном домике у башни Головина и в крепостной стене против Четвертого корпуса. Также в крепостной стене, между башнями Головина и Головкина, против Четвертого корпуса и в бывшем Шереметевском проломе расположили станковые пулеметы, а позиции для ручных пулеметов оборудовали на башнях Флажной и Головкина. Батальонные 82-миллиметровые минометы вначале установили во дворе, а несколько позднее прибывший командир минометной роты старший лейтенант Зенин переместил их за крепостную стену, обращенную к правому берегу Невы. Позиции для ротных минометов оборудовали на крыше бывшего пожарного депо... Зенин в крепости показал себя отличным минометчиком. Бывший командир минометной роты Илларион Степанович Зенин здравствует и поныне — он Герой Советского Союза, подполковник запаса...

Наш главный наблюдательный пункт был оборудован на башне Головкина.

Боеприпасы и взрывчатку рассредоточили в подземелье Светличной башни и в нишах стен.

Для гарнизонной кухни выбрали место в Светличной башне, санитарную часть разместили в подвалах под кухней и под водонапорной башней.

Своевременно принятые меры позволили нам наилучшим образом сохранить личный состав, боевую технику и боеприпасы гарнизона.

Гитлеровцы с каждым днем усиливали обстрел крепости не только потому, что наш гарнизон не давал ему покоя своим огнем, вылазками разведчиков, разного рода «наглядной» и прочей агитацией, но еще и потому, что осенью 1941 года с нашего острова командование дивизии предпринимало попытки овладеть городом Шлиссельбургом. Об одной из них, хорошо сохранившейся в памяти, я и расскажу...

Это было в ночь с 27 на 28 сентября. В крепость на шлюпках был доставлен стрелковый батальон. Вместе с ним прибыли командиры и комиссары дивизии и полка. Мне было приказано подготовить и сосредоточить у берега острова со стороны Ладожского озера двадцать две шлюпки. Для разведки подходов к бровке Ново-Ладожского канала на шлюпке были отправлены трое отважных и находчивых бойцов гарнизона — Степан Левченко, Серафим Кузнецов и Петр Соболев.

Вылазку они провели успешно. Быстро и без шума разведчики подошли к каменной косе, которая выдавалась в Ладожское озеро метров на тридцать—сорок, шлюпку укрыли в камнях, а сами с оружием над головой двинулись вброд к бровке. То по колено, а то и по грудь в воде продвигались они вдоль каменной гряды. На дворе стоял конец сентября, вода в озере была ледяная, но разведчики упрямо шли вперед, сохраняя полную тишину.

Бесшумно выбрались на бровку канала, осмотрелись, перевели дух. Когда со всеми предосторожностями двинулись дальше, то как будто из-под земли слышали спокойный разговор на немецком языке. Здесь была землянка. Хорошо бы кинуть сюда гра-

нату, но нельзя подымать шум, у бойцов была другая задача — разведать проходы и обнаружить неизвестные огневые точки. Две из них оказались недалеко от землянки: одна смотрела на Ладожское озеро, вторая — на крепость. Разведчики, выполнив задачу, тем же путем двинулись обратно. Мокрые, посиневшие от холода, они вернулись в крепость и доложили находившемуся здесь командиру дивизии о результатах своей вылазки. Тот оценил их работу одним коротким словом:

— Молодцы!

После доклада разведчиков командир дивизии отдал приказ: стрелковому батальону двумя эшелонами форсировать левую протоку Невы, прорвать оборону противника и закрепиться в Шлиссельбурге; к выполнению задачи приступить немедленно и закончить ее к рассвету.

В этом бою участвовали и только что вернувшиеся из разведки бойцы Левченко, Соболев и Кузнецов. Зная пути подхода, они пошли на головной, направляющей шлюпке. Равняясь на них, отчалили от острова и остальные шлюпки с десантом.

Когда перед этим к вражескому берегу шла одна шлюпка с разведчиками, она осталась незамеченной противником, но теперь была не одна, теперь шли двадцать две шлюпки, и не на каждой соблюдалась предельная осмотрительность: где-то стукнула уключина, где-то был слишком громкий всплеск. Это решило исход дела. Не успели десантники дойти до середины протоки, как со стороны противника взвилась в небо осветительная ракета. За ней — вторая, третья, и стало видно не только любую из шлюпок, но и каждого бойца в них. Шквал огня обрушился на десантников. Только направляющая и две следовавшие за ней лодки достигли гряды камней, но усилившийся

огонь помешал высадиться бойцам. Лишь половина шлюпок вернулась в крепость, остальные были разбиты.

В этом бою был тяжело ранен рядовой Серафим Кузнецов. Боевые друзья Левченко и Соболев не оставили товарища в беде. Они сумели на пробитой шлюпке проскочить на правый берег Невы. Взяв Кузнецова на руки, отнесли его на пункт медицинской помощи... Мы потеряли в этом неудачном бою и одного из наших лучших командиров отделений — сержанта Новожилова...

С этих пор, кажется, не было такой минуты, чтобы не рвались в крепости вражеские мины и снаряды. На ураганный огонь мы могли отвечать только одиночными выстрелами — по суточной норме на орудие приходилось всего по 3 снаряда. И не только снаряды и мины, но даже винтовочные патроны мы вынуждены были экономить...

В своих записках мне бы хотелось подробнее рассказать о буднях, об укладе жизни нашего гарнизона. Перед этим считаю необходимым подчеркнуть, что крепость обороняли не только мы, частица сухопутных войск, были здесь и представители флота — 409-я батарея морской артиллерии. Почти в течение всех 498 дней боевой жизни гарнизона Шлиссельбургской крепости моряки бок о бок с нами сражались против фашистских захватчиков.

Организационно, как боевая единица, состоящая из представителей сухопутных и морских сил, гарнизон крепости сформировался в начале октября. Тогда в крепость прибыла небольшая группа моряков во главе с политруком Ганиным. С тем самым Ганиным, который месяц назад, как человек, знающий крепость,

был сопровождающим первой группы бойцов, положивших начало существованию гарнизона...

Политрук Ганин пробыл у нас до 25 октября — в этот день во время очередного огневого налета врага он был ранен осколком мины, и вечером его вместе с командиром стрелковой роты лейтенантом Петровым, также получившим ранение, отправили на правый берег. Той же ночью вместе с тринадцатью моряками в крепость прибыл новый политрук батареи — старшина второй статьи Алексей Григорьевич Морозов, отважный человек и толковый политработник. Нам с ним долго было суждено поработать рука об руку.

Некоторое время обязанности командира батареи выполнял единственный артиллерист среди моряков — старшина первой статьи Светанков. А затем — в самый канун Октябрьских праздников — прибыл командир, с именем и делами которого связана славная боевая вахта этой батареи, — младший лейтенант Петр Никитович Кочаненков. Это был замечательный артиллерист, отличившийся еще в финскую кампанию и награжденный тогда орденом Красного Знамени. В Отечественной войне Кочаненков участвовал с первого дня и пришел к нам в крепость после госпиталя.

Выше уже говорилось, что обстрел крепости гитлеровцы с чисто немецкой пунктуальностью начинали в 7 часов утра, повторяли в 16 и 19 часов, каждый раз выпуская около 100 мин и снарядов. Это были, так сказать, плановые, запрограммированные налеты.

Но почти каждый день обрушивались на нас и «внеплановые» обстрелы, в которых участвовала и тяжелая артиллерия. Гитлеровцам почему-то пришло в голову не по душе крепостная водонапорная башня. В один из октябрьских дней они открыли по ней огонь из тяжелых орудий. Пятьдесят 210-миллиметровых снарядов разорвалось в районе башни, но безрезультатно —

башня продолжала стоять. На следующий день вражеские артиллеристы снова обрушились на нее, и теперь уже к тяжелым пушкам подключились орудия среднего и мелкого калибров. Фашисты бесновались до тех пор, пока не упал с водонапорной башни резервуар — это произошло после того, как разорвался шестьдесят первый крупнокалиберный снаряд. После этого гитлеровцы оставили многострадальную башню в покое.

Перед полуднем, а точнее — в 11 часов, ежедневно из-за Шлиссельбурга начинал вести огонь бронепоезд противника. Он выпускал по крепости 50—60 снарядов и уходил в сторону станции Пелла.

Во время обстрелов расчеты не уходили в укрытия, а продолжали оставаться на своих боевых местах. Когда обстрелы становились особенно интенсивными, каждый раз объявлялась боевая готовность номер один — готовность к отражению возможной атаки противника. Надо ли объяснять, какая выдержка, какая стойкость требовались от каждого бойца и командира, чтобы не покинуть своего места во время этих жесточайших обстрелов!..

Из упомянутой выше пунктуальности противника мы сделали для себя немало полезных практических выводов. Один из них касался методического огня тяжелой артиллерии, который иногда длился часами. Была установлена закономерность: от разрыва одного тяжелого снаряда до другого проходило от минуты 50 секунд до 2 минут 5 секунд. Этого времени было вполне достаточно, чтобы без особого риска для жизни передвигаться по территории крепости. Опираясь на опыт бывалых «крепостников», мы научили всех остальных, как вести себя, как передвигаться в эти короткие промежутки между разрывами снарядов. Это спасло многих от гибели, прибавило золотых крупин-

нок к богатству, которое называется фронтовым опытом.

Наши орудия и пулеметы были неподвижными, и противник поэтому вел по ним прицельный и довольно точный огонь. Осколки снарядов пробивали стальные щиты пулеметов и орудий, и наши расчеты несли потери. Мы с комендантом обратились за помощью к рабочим одного из заводов, и они нашли выход: сконструировали и изготовили для орудий и станковых пулеметов дополнительные броневые щиты с надежными амортизаторами. Как только появились у нас эти щиты, сразу же резко уменьшились потери. Получив надежную защиту от осколков, артиллеристы и пулеметчики стали действовать увереннее, смелее, огонь их стал более точным...

Было еще одно обстоятельство, которое накладывало свою печать на повседневную жизнь гарнизона, серьезно усложняло ее — это наше островное положение.

Гарнизон состоял из многих десятков людей, и каждого надо было накормить, одеть, обуть. Гарнизон вел активную боевую жизнь, — стало быть, постоянно нуждался в пополнении боеприпасами. Почти каждый день появлялись у нас раненые — их надо было эвакуировать на правый берег. Словом, этих категорических «надо» набиралось множество, и без надежной и постоянной связи с правым берегом разрешить их было невозможно.

Встал вопрос об организации постоянно и надежно действующей переправы. Это жизненно необходимое для гарнизона дело осложнялось тем, что широкая правая протока Невы была отлично видна противнику и, следовательно, простреливалась за исключением малого участка, прилегавшего к крепости. Преодолеть протоку днем было почти невозможно — гитлеровцы

немедленно открывали свирепый огонь, проскочить через который удавалось немногим счастливицам. В нашем распоряжении оставалась ночь. Чтобы обеспечить гарнизон всем необходимым, надо было сделать на весельных лодках не один и не два рейса, причем и ночью это было далеко не безопасно — противник часто освещал Неву и озеро ракетами и, обнаружив лодку, открывал по ней огонь из пулеметов и минометов. Хотя ночная пальба была и не точной, но часто выводила из строя и гребцов и шлюпки. Однако другого выхода у нас не было, и мы вынужденно пользовались опасной лодочной переправой.

Для обеспечения переправы создали команду гребцов. Быстрое течение многоводной Невы, постоянные обстрелы переправы требовали от каждого из гребцов не только умения отлично ходить на веслах, но и большой физической выносливости, подлинного мужества, находчивости и хладнокровия. Добровольцев отыскалось много, но я запомнил только троих — Касаткина, Коргалева, Федотова.

Перед открытием переправы наши гребцы днем тщательно подготовили шлюпки, для тренировки несколько раз прошлись на них около крепости. Как только стемнело, наши шлюпки совершили свой первый рейс — вывезли раненых, нуждающихся в госпитализации.

Работа на переправе была физически тяжелой и смертельно опасной. Не один из героических лодочников был убит или ранен. Но что удивительно — самые отважные из них, ходившие на веслах чаще всех — Касаткин и Коргалев, — даже царапин не получили. А проработали они на переправе и осень сорок первого, и весь навигационный период следующего года. Одним везением этого не объяснишь. И Касаткин, и Коргалев были замечательными гребцами, отважными

и находчивыми солдатами. Мне не раз приходилось ходить с ними на шлюпках, не раз случалось попадать под вражеские обстрелы. Знаменитые наши гребцы так искусно вели свои лодки, так умело маневрировали между фонтанами, поднятыми разрывами мин и снарядов, так своевременно увертывались от пулеметных очередей, как будто всю жизнь только тем и занимались, что ходили на опасной грани жизни и смерти. Оба этих бойца пользовались в гарнизоне таким же огромным уважением, как наши прославленные снайперы и артиллеристы, как наши отважные разведчики...

Так выглядели будни гарнизона крепости в первые месяцы его боевой жизни — осенью 1941 года.

Но бывали на острове Ореховом и праздники. Как у всех советских людей, самым большим торжеством была у нас очередная, 24-я годовщина Великого Октября. Ныне здравствующие ветераны Орешка до сих пор помнят, как мы тогда праздновали. Помнят, потому что в этот день мы особенно остро почувствовали неразрывное единство фронта и тыла, воочию увидели, какой это героический народ — рабочий класс Ленинграда.

Вечером 5 ноября мы с комендантом, искренне удивленные и обрадованные, встречали на переправе у крепостных ворот только что прибывших на нашей шлюпке двух гражданских — мужчину и женщину, рабочих одного из ленинградских заводов.

Надо было видеть, с какой душевной радостью, как самых близких родных, встречали ленинградцев на своих боевых постах наши бойцы... Первым и настойчивым желанием гостей было как можно лучше ознакомиться с боевой жизнью гарнизона, обязательно побывать на огневых точках, поговорить в первую очередь с бойцами не где-нибудь, а непосредственно там,

где несут они свою нелегкую фронтовую службу. Бойцы из уст самих ленинградцев слышали, как они живут и трудятся в тяжких блокадных условиях. Каждая беседа кончалась словами, которые нам тогда не казались высокопарными, громкими:

— Стойте насмерть, товарищи! Не пускайте фашистских захватчиков в Ленинград!

На каждой огневой точке, на каждом боевом посту клятвенно звучали слова бойцов:

— Умрем, но город Ленина отстоим!

Гости пробыли у нас целые сутки. В их присутствии вечером 6 ноября мы повесили на Надзирательском корпусе красные праздничные флаги, потом провели торжественные собрания в землянках и подвалах, где размещались наши бойцы. Речи на митингах были горячими и прочувственными. Каждый говорил о том, что накипело на сердце. А накипело у всех одно и то же: боль за страдания советских людей, которые принесла им война, ненависть к фашистским захватчикам и твердая вера в скорую победу над врагом. Чего скрывать, немало было выступающих, которые годом Победы называли 1942 год. Им горячо аплодировали, хотя и не очень-то верили в столь короткий срок. Но верили в главное — победа будет за нами.

Потом ленинградцы стали раздавать лучшим воинам скромные подарки — папиросы, табак, конфеты, — тут уж слезы как-то сами собой набежали на глаза: каждому воину было понятно, что эти подарки выделены из скудного блокадного пайка, что ленинградцы делились с ними самым последним, лишь бы как-то скрасить великий праздник солдату, как-то поблагодарить его за тяжелый ратный труд. Очень дорогими были эти подарки, и никто не стыдился слез благодарности.

Когда наступили сумерки, мы переправили делегатов ленинградских рабочих на правый берег. Подождав, пока они высадутся, дали по гитлеровцам в Шлиссельбурге «праздничный салют». Встревоженный противник выбросил осветительные ракеты, но ответного огня не открыл...

Зато утром 7 ноября, едва развеялся туман над Невой, на крепость обрушились сотни мин и снарядов разного калибра. Как ни бесновались вражеские артиллеристы, красные флаги, потемневшие от гари и пыли, продолжали победно развеиваться над крепостью.

Зима и лето

Время брало свое. Приближалась зима — впервые в жизни такая нежеланная. Первая блокадная зима.

Мы, защитники Шлиссельбургской крепости, имели все основания считать, что наступающая зима будет не матушкой, а мачехой. С тревогой ждали мы то неустойчивое время, когда будет уже не осень, но еще и не зима, когда сообщение с материком станет чрезвычайно сложным и опасным — на лодке не проберешься и по льду не пройдешь. А людей надо кормить чем-то; мы не собирались оставлять врага в покое — значит, необходимы боеприпасы; эвакуация раненых также становилась трудно разрешимой проблемой...

Особенно тяжелой для нашего гарнизона оказалась вторая половина ноября. Ладожское озеро стало покрываться «салом», и Неву вскоре, и не на один день, забило мелким льдом. С величайшим трудом пробивались к берегу наши шлюпки. Их вполне могло затереть льдом и отнести в сторону противника. Рискованно было, но все-таки ходили — заставляла нужда.

Потом положение ухудшилось еще более — образовались ледяные закрайки, и к берегу вплотную стало не подойти. Пока лед был тонкий, гребцы обламывали его шестами и веслами и проводили шлюпку к причалу. Но мороз и северный ветер делали свое дело, лед с каждым днем становился толще, обкалывать его стало невозможно. Теперь шлюпку приходилось оставлять у кромки льда, а раненых и груз перетаскивать на себе. Часто лодочники проваливались в ледяную воду, промокшие и окоченевшие с трудом выбирались на желанный берег. В таких-то условиях каждую ночь совершалось больше десятка рейсов.

Самыми тяжелыми были те дни, когда Нева стала совершенно непроходимой, а телефонная связь с берегом прекратилась. Осталась только радиосвязь. Но и рацией мы пользовались очень скупо — плохо было с аккумуляторами.

В конце ноября Неву сковало надежным льдом, и остров Ореховый временно перестал быть островом: наша крепость как бы соединилась с материком. Собщение с берегом стало проще, но теперь и противнику стало легче добираться до нас — короткий рывок, и он у стен крепости. Теперь уже не с одной, а со всех сторон угрожало нападение врага. Мы вынуждены были усилить охрану и наблюдение. Во избежание вражеских провокаций установили свой гарнизонный пароль, отличавшийся от общеармейского.

Наши зимние будни начались с того, что мы первым рейсом эвакуировали на санках раненых, отправили на правый берег и лошадь, которую нечем было кормить.

Да, переправляться на правый берег стало легче, но далеко не безопасней. Противнику было известно место переправы, он вел за ней постоянное наблюдение и пристрелялся из всех видов оружия. Снаряды и

мины взрывали лед, а мороз, снег и ветер маскировали пробоины во льду. Дорожка наша проходила между коварными полыньями и ежедневно меняла направление. Без провожатого, хорошо знающего особенности нашей тропинки, в крепость добираться было рискованно.

Как бы там ни было, связь с правым берегом Невы наладилась. Только радости от этого было мало: наши санки возвращались с полковых складов полупустыми. Нормы на все необходимое неумолимо сокращались с каждым днем: все острее давала себя знать блокада. Дело дошло до того, что на каждое орудие и миномет стали выдавать по одному снаряду на двое суток. Полснаряда в сутки... Волей-неволей мы вынуждены были вести огонь только наверняка, и лишь по наиболее важным целям. Надо отдать должное нашим артиллеристам и минометчикам: стреляли они по-снайперски — вторым, а иногда и первым снарядом попадали в цель.

День ото дня сокращался и продовольственный паек: бывали в крепости дни, когда наши бойцы получали такую же норму продуктов, как и жители блокированного Ленинграда.

Зима 1941/42 года выдалась необыкновенно лютая. На ветреной Ладоге и всегда-то куда суровее, чем, скажем, в Ленинграде. Тогда же стояли 30-градусные морозы, с Ладожского озера постоянно дули северные ветры и всей своей леденящей силой обрушивались на крепость.

Особенно тяжело приходилось бойцам, которые несли службу на огневых точках и наблюдательных пунктах. С зимним обмундированием у нас было туговато. Чтобы люди не обмораживались, мы вынуждены были сократить время дежурств на постах до 30 минут.

Вместе с холодом и голодом пришли болезни. От постоянного недоедания и полного отсутствия свежих овощей люди стали болеть цингой. Кровоточили десны, опухали ноги. Чтобы как-то остановить коварную болезнь, по настоянию медицинских работников стали готовить настой из сосновой хвои... И здесь, пожалуй, самое место сказать доброе слово о наших гарнизонных медиках. Они заслужили его — их труд был воистину героическим.

Как только установился лед на Неве, старший лейтенант медицинской службы Куликов, наш гарнизонный фельдшер, организовал производство спасительных витаминов С. На правый берег отправляли санитар с одним или двумя бойцами. Днем они набивали мешки сосновой хвоей, а вечером перетаскивали их в крепость, и здесь Куликов готовил витаминизированный настой. Это было довольно противное на вкус снадобье, но солдаты вскоре убедились в его целебной силе, понемногу привыкли к нему и даже сами стали просить. Сколько человеческих жизней спасло это невкусное варево, в шутку прозванное «сказками Венского леса»!..

Уже не одно десятилетие прошло с тех пор, но с кем бы из ныне здравствующих защитников Орешка ни приходилось встречаться, все вспоминают санитарку Шуру — так ласково и уважительно звали ее и молодые и пожилые. Это была необыкновенно отважная женщина с добрейшей материнской душой, вечно чем-то занятая и озабоченная. Фамилия у Шуры была Васильева. Нашей Шуре тогда было что-то около тридцати лет. Она была небольшого роста, крепкого сложения. Надо было видеть, как она оказывала помощь — не каждая мать обходится так нежно и заботливо со своими детьми, как Шура ухаживала за ранеными, людьми взрослыми и огрубевшими в боях.

Когда она видела, что кто-то из нас ранен, бросалась на помощь, невзирая ни на какую опасность. В этот момент Шура о себе не думала, на разрывы вражеских снарядов и свист раскаленных осколков не обращала никакого внимания.

Из крепости отправлялась к переднему краю фашистов полковая и дивизионная разведка. Иногда случалось, что разведчикам не удавалось вынести из-под огня своих товарищей. Тогда на помощь им приходили наша Шура и ее напарник Сулейманов. Шура не умела сидеть без дела. Если в санчасти не было раненых, она принималась за стирку солдатского белья или чинила обмундирование. Опасные рейды за ранеными под огнем врага не всегда кончались для Шуры благополучно: она была дважды ранена — в плечо и ногу, но из крепости не уходила. Лишь в феврале 1942 года Шура Васильева покинула наш гарнизон, да и то по приказу вышестоящего командования...

С каждым днем первой блокадной зимы все труднее и труднее становилось защитникам Орешка. Мы жили впроголодь, не хватало боеприпасов. День ото дня крепчали свирепые морозы. Враг с каждым днем наращивал огневые удары по крепости. В гарнизоне увеличились потери ранеными и убитыми.

В один из таких тяжелых дней, в первых числах февраля 1942 года, старший наряда на наблюдательном пункте Рыжов отпустил за 15 минут до смены второго наблюдателя, а сам спрыгнул из окна башни Головкина в сугроб и сбежал к противнику.

Предательство всегда вызывает у честных людей чувство гнева и презрения. Дезертирство труса лишь еще сильнее сплотило наш гарнизон. Но позорный факт оставался фактом. Не было никакого сомнения, что дезертир, спасая свою шкуру и выслуживаясь перед врагом, выдаст систему нашей обороны, выболтает

другие секреты. На следующий день гитлеровцы попытались организовать выступление предателя по радио. Но как только он заговорил, защитники крепости, не ожидая команды, открыли огонь, и репродукторы замолчали.

Теперь противнику стало известно расположение наших огневых точек; мест, по которым до этого мы без потерь перемещались даже во время обстрелов; наш распорядок дня; точное расположение переправы у крепости, скрытое от противника крепостными стенами. Каждый день обрушивались на нас массированные огневые налеты, которые продолжались по 40—50 минут. Это был такой плотный огонь, какой обычно бывает во время артиллерийской подготовки перед атакой. С какой целью совершались эти налеты: подавить наши огневые средства? Разрушить крепость? Запугать ее защитников и вынудить их сдаться? Или это подготовка к штурму? Мы предполагали самое худшее, и при каждом таком налете подавалась команда: «К бою! Готовность номер один!», после которой все занимали свои боевые места... Мы срочно перестроили систему обороны, изменили места передвижения по территории крепости и установили строгий режим этих передвижений...

В это трудное время прибыл в крепость новый комендант гарнизона — капитан Василий Андреевич Стулов, только что выписавшийся из госпиталя, где он лечился после тяжелого ранения. Он оказался достойным продолжателем начинаний первого коменданта, Николая Ивановича Чугунова, много сделавшего для укрепления боеспособности гарнизона Шлиссельбургской крепости.

Бывалый фронтовик, капитан Стулов правильно оценил сложившуюся обстановку. Она требовала усиления огневой системы крепости. Но как это сделать

при наших скромных силах и возможностях? Стулов нашел выход, может быть единственный в наших условиях. На крепостной стене, обращенной к противнику, были оборудованы стрелковые ячейки. Для того чтобы забираться туда, было изготовлено необходимое количество приставных деревянных лестниц. Определив каждому бойцу его место, мы стали проводить тренировки. При обстрелах лестницы иногда повреждались, их немедленно ремонтировали. Словом, держали их в постоянной готовности — если враг затеет штурм крепости, уже некогда будет «тюкать» молотком да топориком...

Было еще одно нововведение, к которому поначалу бойцы отнеслись без особого энтузиазма, но постепенно втянулись и стали считать делом важным и даже необходимым. Я говорю о физподготовке, и притом постоянной и регулярной, хотя все мы уже забыли, когда ели досыта, хотя все мы находились под почти непрерывным огнем противника.

До войны капитан Стулов, как большинство кадровых командиров, был хорошим физкультурником. И не просто хорошим, а много раз участвовал в ответственных всеармейских соревнованиях по легкой атлетике. Он твердо придерживался той точки зрения, что в любых условиях хорошо поставленные занятия по физической подготовке — самый верный, самый надежный помощник солдата. Не изменил он этой точки зрения и тогда, когда пришел в крепость, где, казалось, уж для такого-то дела нет ни времени, ни малейших возможностей.

По указанию капитана Стулова, в полуподвале Четвертого корпуса мы соорудили штурмовую полосу, установили самодельный турник. Ежедневно физзарядку с личным составом Стулов проводил сам. Сначала он показывал, как надо выполнять упражнения.

Молодые бойцы и командиры старались добиться такой же легкости и четкости, с какой крутился на турнике или преодолевал штурмовую полосу наш комендант. Да и я, по старой своей привязанности к спорту, старался не отставать от него. Наши ежедневные занятия по физической подготовке заметно подбодрили и подтянули людей.

Из нашей «спортивной жизни» запомнился мне такой случай.

На правом берегу готовились лыжные соревнования. От нашего гарнизона для участия в них был выделен один стрелковый взвод, который перед рассветом уходил на берег, а с наступлением темноты возвращался в крепость. Как хороший лыжник, ходил на ежедневные тренировки и наш художник, снайпер и разведчик Степан Левченко. Деятельный, предельно честный и добросовестный человек, он всегда у нас был занят по горло, — в это время Левченко исполнял обязанности кладовщика, выдавал продукты на кухню и два раза в день хлеб личному составу. Чтобы не срывать его подготовки к ответственным соревнованиям, мы приказали Левченко выдавать хлеб раз в сутки — утром, перед уходом на лыжную тренировку. Он выслушал приказ с серьезным видом, ответил: «Есть!», только глаза его хитренько прищурились. И не зря.

Через несколько дней выяснилось, что наш кладовщик Левченко хлеб выдавал не один раз в сутки, как было приказано для его же удобства, а прежним порядком. Он возвращался в крепость за час до обеда. Возвращался специально для того, чтобы выдать людям хлеб перед обедом. И шел он светлым днем на виду противника, правда, шел в маскхалате. Выдав хлеб, прятался от начальства в одном из подразделений, пока не вернется взвод с тренировки.

Я хотел наказать его за невыполнение приказа, но не смог этого сделать. Левченко чистосердечно признался во всем. Оказалось, что ради товарищей рисковал он собственной жизнью: если бы Левченко выдавал утром сразу всю дневную норму хлеба, то люди этот хлеб и съели бы сразу, не дожидаясь обеда.

Рискуя собственной жизнью... Это были не просто слова, это было неписаное правило, которым руководствовались защитники крепости. Особенно твердо придерживались старой солдатской заповеди: «Сам погибай, а товарища выручай» — разведчики. В большинстве случаев живыми оставались оба — и попавший в беду, и тот, кто его выручил. Но бывало и так, что спаситель жертвовал своей жизнью. Всем нам памятен благородный поступок разведчика Сажина.

Как уже говорилось, наш гарнизон все время вел активную разведку переднего края обороны противника. Разведчики часто высылались для выявления скрытых огневых точек. Чаще всего в состав разведгрупп входили старшина Белов, сержант Белобородов, рядовые Соболев, Боярский, Касаткин и Сажин.

В названном составе, за исключением старшины Белова, вышли они и в тот поиск, о котором я хочу рассказать. Разведчики, как водится, подобрались к самым вражеским окопам, засекли одну огневую точку, вторую. Ползли со всеми предосторожностями, но вдруг залаяла собака. Тут же одна за другой взметнулись вверх и ослепительно вспыхнули несколько ракет. В ту же секунду ожил, оцетинился огнем вражеский передний край. Заговорили десятки огневых точек, в том числе и те, которые до этого не обнаруживали себя. Тяжело ранило командира разведгруппы сержанта Белобородова. Ранен был и разведчик Сажин. Но, несмотря на это, преодолевая боль, он

упрямо полз к вражескому пулемету, преграждавшему путь отхода нашим разведчикам. Когда до пулемета осталось метров двадцать, Сажин бросил туда одну за другой две гранаты. Вражеский пулемет замолчал, а Сажин стал отходить. Огонь открыла соседняя точка, и он снова был ранен. К нему подполз санитар, но Сажин сказал:

— Ты сначала вытащи командира, сержанта Белобородова, а я потерплю.

Но когда санитар, вытащив из-под огня раненного командира разведгруппы Белобородова, подполз к Сажину, тот уже был мертв...

Мужество, высокое сознание долга, а когда требовала обстановка, и самопожертвование — это было нормой боевой жизни личного состава гарнизона. Без этого, собственно, и не могло быть настоящего солдата-фронтовика, защитника своего Отечества.

Таковыми же солдатскими качествами в достатке были наделены и те, кто не носил военных шинелей. У нас бывали не только делегации ленинградских рабочих.

В одну из зимних ночей в гарнизон прибыла группа ленинградских артистов. Весть об этом мгновенно разнеслась по крепости. Забыв об усталости и отдыхе, бойцы под разными предлогами прибегали в штаб, чтобы взглянуть на артистов, обменяться с ними двумя-тремя словами, и от одного этого были уже счастливы.

Утром мы с комендантом обошли все подразделения и предупредили, чтобы в крепости, насколько это возможно, сохранялась тишина. Пулеметчики и артиллеристы получили в тот день необычный приказ: ограничить стрельбу, чтобы не вызывать на себя лишнего огня. Гитлеровцы, поскольку им не досаждали наши бойцы, вели себя в этот день относительно тихо:

лишь с утра забросили в крепость несколько мин и снарядов.

Задолго до начала концерта свободные от нарядов бойцы и командиры приоделись получше, пришили свежие подворотнички, побрились и стали собираться в комнате первого этажа Надзирательского корпуса — в этом своеобразном гарнизонном клубе. На всякий случай окна в комнате заложили кирпичами, оставив для света небольшие щели вверху.

Первые минуты все вроде бы помнили о нашем строжайшем приказе насчет соблюдения тишины. В клубе стоял приглушенный, сдержанный гул.

Но вот появился руководитель артистической группы, сказал вроде бы обыкновенные слова, передав привет защитникам исторического Орешка от артистов Ленинграда, и сразу раздались не только дружные аплодисменты, но и оглушительные крики «ура». Когда буря восторгов улеглась, перед зрителями появился первый исполнитель. Это была женщина. И снова раздались крики, аплодисменты.

Дождавшись тишины, артистка благодарно поклонилась и объявила свой номер. Прозвучал первый аккорд аккомпаниатора...

Под этот аккорд возле самой стены гарнизонного клуба раздался сильный взрыв, потом второй, третий. Начался свирепый обстрел крепости из тяжелых минометов и орудий. По стене дробно застучали осколки, полетели они и в зрительный зал через узкие щели.

Концерт пришлось прервать. Артистов срочно отправили в убежище. Зрителям сделали внушение, чтобы свой восторг выражали как можно тише.

Минут через двадцать обстрел прекратился, и артисты продолжали концерт. Наученные опытом, зрители выражали восторг не столь громогласно: после

каждого выступления артистов бойцы широко открывали рты, почти бесшумно произносили «бис», во всю силу махали и потрясали руками — показывали, что аплодируют.

Надо ли говорить, что концерт прошел с огромным успехом. Защитники крепости долго и горячо благодарили деятелей искусства. Вечером разведчики Левченко и Устиненков проводили дорогих гостей на правый берег...

Помнили о нас и свои, военные артисты — сухопутные и флотские: в крепость приезжали самодеятельные ансамбли дивизии и Ладужской военной флотилии. И самодеятельных артистов мы принимали со всем радушием.

Приближалась весна. Вряд ли среди поэтов найдется хотя бы один, не воспевавший этого времени года, вряд ли среди нормальных людей в нормальных условиях отыщется такой, которого не радовало бы приближение весны. А мы на ее приближение смотрели не без опаски: на какое-то время гарнизон Орешка опять окажется отрезанным от материка. Каждую ночь в конце марта и начале апреля по торосистому, искорванному снарядами льду мы возили на санках продукты и боеприпасы. В первых числах апреля по нашей просьбе пришел в крепость зубной врач Семенов — зубы болели почти у всех, и врачу приходилось работать по 12—16 часов в сутки. На время ледохода к нам был прислан военврач 3-го ранга хирург Р. Муртазин — толковый, знающий человек... Словом, было сделано все возможное в тех сложных условиях, чтобы как-то подлечить людей.

Лед тронулся 17 апреля, и уже через трое суток Нева очистилась ото льда. Наши шлюпки, заранее подготовленные Касаткиным и Коргалевым к навигации, в первый свой рейс на правый берег отправились с ра-

ненными. Хотя и знали мы капризный нрав Ладожского озера — оно выдало только первые свои ледовые запасы и главный ледоход еще впереди, — все-таки обманула кое-кого из нас эта чистая синева Невы. Среди «обманутых» оказался не кто-нибудь, а наш многоопытный комендант Василий Андреевич Стулов, отправившийся по чистой воде на занятия в штаб Невской оперативной группы (НОГ, как она тогда называлась сокращенно). Только выбрался Стулов на правый берег, как лед снова забил Неву и шел сплошной массой целых десять дней, и все эти дни комендант не мог попасть в крепость.

Мимо нашего Орешка плыли ледяные поля — остатки Дороги жизни — с искромсанными бревнами и щитами, с разорванными мешками и разбитыми автомашинами. Некоторые льдины несли на себе трупы и в гражданской, и флотской, и красноармейской форме одежды... У всех нас этот весенний ледоход 1942 года на всю жизнь врезался в память.

Было во время ледохода и такое.

Я под утро проверял посты. Часовой, наблюдавший за озером, доложил мне:

— Что-то непонятное движется во льдах.

Я минут тридцать присматривался к этому «непонятному» и тоже не мог разглядеть, что это такое. Лишь когда наступил рассвет, на фоне розово-синего неба мы разглядели самолет с пятиконечной звездой на фюзеляже. Льдина со своей ношей остановилась метрах в двухстах от вражеских позиций на берегу озера.

С восходом солнца озеро и Неву затянуло густым туманом, и ледяное поле с самолетом как бы растаяло в его белесой мгле. Я отдал приказание командиру 409-й морской батареи старшему лейтенанту Кочаненкову вести непрерывное наблюдение за самолетом и

поведением противника: в случае, если гитлеровцы появятся у самолета, — открыть огонь.

Вскоре подул ветер, и туман рассеялся. Артиллерийские наблюдатели Кочаненкова донесли: к льдине с самолетом направляется около десятка вражеских шлюпок. Батарейцы, не мешкая, открыли огонь и первыми же выстрелами накрыли несколько шлюпок. Уцелевшие гитлеровцы, кто вплавь, кто вброд через отмель, выкарабкивались к берегу. У морских батарейцев неожиданно появился помощник — над льдиной закружил наш самолет-истребитель и стал поливать фашистов из своих пушек и пулеметов.

Льдина от прямых попаданий снарядов развалилась, и самолет ушел под воду. Батарея Кочаненкова стреляла теперь по берегу. Истребитель развернулся, пролетел над крепостью, качнул на прощание серебристыми крыльями и удалился в сторону Ленинграда...

Ледоход на Неве закончился накануне Первомайских праздников, и в крепости после длительного вынужденного отсутствия появился капитан Стулов. После горячих рукопожатий он признался:

— Истомился я там на берегу, все сердце изныло.

Первомай у всех советских людей — большой праздник. Мы готовились к нему и отпраздновали, как позволяли условия. В ночь на 1 мая артиллеристы-моряки установили на колокольне церкви новый красный флаг и красную звезду.

Мы, конечно, знали, что с утра, как только станут различимы флаг и звезда, противник сразу же обрушит на нас жестокий огонь.

Действительно, едва рассеялась ночная темень, на крепость обрушился ураганный огонь вражеских орудий и минометов. По флагу и звезде стреляли автоматические пушки, на крепостном дворе стали рваться

крупнокалиберные снаряды. Один из них угодил в колокольню. Густое облако красной пыли на какое-то время скрыло из глаз и флаг и звезду. Обстрел все нарастал и нарастал, вскоре стоял уже сплошной гул, какой бывает во время артподготовки перед атакой. Как всегда в таких случаях, весь личный состав был поднят по тревоге, каждый занял свою боевую позицию, готовый к отражению штурма.

Сорок минут свирепствовали вражеские артиллеристы. Но всему бывает конец, пришел конец и арт-обстрелу. Постепенно стали оседать пыль и копоть. И тут мы с радостью увидели: на фоне чистого майского неба развевается на ветру наш флаг, а невдалеке от него возвышается красная звезда. Выстояли!.. Потом выяснилось, что тяжелый снаряд угодил между флагом и звездой, но не разорвался, а лишь оставил на кирпичной кладке глубокий след.

Праздник есть праздник. В такие дни наши люди не любят сидеть в одиночку. После завтрака весь личный состав гарнизона собрался в красном уголке. Капитан Стулов открыл торжественный митинг, а я сказал короткое слово о Первомайском празднике. Зачитали поздравительные радиogramмы командования дивизии и полка. Спели «Интернационал». Словом, все было так, как и в доброе довоенное время. Но какой советский праздник обходится без веселого концерта? Нашлись среди «крепостников» и певцы, и декламаторы, и плясуны. Даже владеющие цирковыми жанрами отыскались — они показали акробатические номера и вольную борьбу. Хорошо скрасил праздник патефон с полусотней пластинок, подобранных для нас жителями поселка имени Морозова.

Шум нашего праздничного веселья доносился, конечно, и до Шлиссельбурга, потому что гитлеровцы

в нарушение своего педантичного расписания огневых налетов несколько раз обстреливали крепость, так сказать, внепланово. Но мы выбрали надежное укрытие, и обстрелы не могли сорвать праздника.

Песню у нас любили, она имела в крепости постоянную прописку. Даже в будние дни песня часто слышалась и в подземельях башен, и в бывших казематах, и в землянках — всюду, где жили бойцы. А разве могли мы разойтись в праздник, не спев песни о Волге, о Байкале, о Стеньке Разине, всеми любимую «Катюшу»!..

Наступили белые ночи. Они принесли нам дополнительные хлопоты. Безветрие стояло тогда удивительное. Вода на озере и реке — не вода, а зеркало высшей марки, и в глухую полночь даже самый маленький камень, возвышающийся над зеркальной гладью воды, был виден далеко-далеко. Что уж и говорить о шлюпках, наших кормилицах и спасительницах! Невозможно было пройти незамеченным ни на правый берег, ни тем более к нам, в крепость. Выйти в белую ночь на шлюпке было равносильно тому, чтобы сознательно подставить себя под прицельный огонь вражеских пулеметов.

Число раненых у нас все прибавлялось и прибавлялось. Лечить их в крепости было трудно, а если судить по мирным меркам, то и невозможно. И кто знает, сколько раненых погибло бы, если бы у нас в это время не было Муртазина, хирурга редкостного, находчивого и самоотверженного. Он был прикомандирован к нам на время ледохода, да так и застрял по собственной воле до белых ночей. Работать ему приходилось в таких условиях, которые и нам, людям совершенно несведущим в медицине, казались решительно невозможными.

Судите сами.

Приемным поксем, перевязочной и операционной служила маленькая ниша в Светличной башне. Вдоль стен тянулись нары, а в центре, вплотную к нарам, стоял деревянный стол, который был одновременно и обеденным и операционным. Днем освещалась эта келья крохотным окошечком размером 10 на 20 сантиметров, врезанным в дверь, а ночью — парафиновой плашкой. Во время обстрелов со стен и потолка сыпались известь и песок. Чтобы не попадал этот мусор на оперируемого, над столом была прикреплена простыня.

В таких условиях и работал медик-кудесник Муртазин. Люди настолько верили в его умение, что даже тяжелораненные упрямо настаивали, чтобы лечиться здесь:

— Наш Муртазин все может... Разве на правом берегу встретишь такого?

Но тяжелораненных мы все-таки отправляли на правый берег. Тут уж никакие ссылки раненых на чудодейственный талант Муртазина в расчет не принимались...

Шлюпки в белые ночи ходили редко, главным образом тогда, когда надо было срочно переправлять тяжелораненных, нуждавшихся в таких операциях, которые Муртазин не имел возможности сделать.

Равные по расстоянию концы: крепость — правый берег и обратно — имели между собой существенную разницу. От крепости до берега дойти было проще. Примерно до середины протоки противник не видел нашу шлюпку — она шла под прикрытием массивной громады крепости и выходила в опасную зону всегда неожиданно для противника... Гребцы нажимали изо всех сил, и пока успевали спохватиться вражеские пулеметчики, шлюпка скрывалась за баржей, когда-то севшей на мель у правого берега.

Хуже обстояло дело с обратным рейсом.

Пока шлюпка выходила из-за баржи, пока разворачивалась и преодолевала первый десяток метров, пулеметчики противника успевали засечь ее, и до самой середины протоки она шла под свинцовым ливнем.

Не всякий шлюпочник мог выдержать такое крещение огнем. Но Касаткин и Коргалев, наши постоянные гребцы, хождение на шлюпках под вражеским огнем считали чуть ли не обычным делом. Когда им говорили, что это героизм, они только отмахивались... Но даже их, опытных и смелых до дерзости, в дневные рейсы мы старались посылать как можно реже, разве только в исключительно неотложных случаях. Когда наступили белые ночи, походы на шлюпках и ночью сравнивались по опасности с дневными.

Кроме Касаткина и Коргалева были у нас и другие смелые гребцы, правда, штатными они не считались. К ним относились старшина Васильев и рядовой Семенов.

Мне запомнился такой эпизод.

В один из ясных июньских дней во время жесточайшего обстрела сразу тяжело ранило троих бойцов. Да так ранило, что их надо было срочно отправлять на материк — смертью грозил даже час промедления. В таких случаях мы не дожидались темноты.

В разгар дня, когда солнце стояло в зените, старшина Васильев и рядовой Семенов осторожно погрузили раненых в шлюпку, проворно оттолкнулись от берега и пошли вперед. Провожающие с тревогой следили за каждым взмахом весел. Вот шлюпка вышла на середину бурной протоки и теперь отчетливо видна противнику. Вот сейчас, вот сию секунду резанет смертельной строчкой вражеский пулемет. Но — тишина,

полная тишина, такая, что даже в ушах звенит. Видимо, никак не ожидали фашисты, что кто-то отважится в середине ясного дня на такую дерзкую вылазку. Как раз на внезапность мы и рассчитывали. И лишь тогда, когда шлюпка начала разворачиваться и уходить за баржу, запоздало загавкал пулемет. Мы все с облегчением вздохнули: пронесло!

Но не всегда рейс заканчивался благополучно. В одну из белых ночей Семенов с Васильевым шли на шлюпке с продуктами для гарнизона. Почти от самого правого берега шлюпка шла под непрерывным пулеметным огнем, и в тот момент, когда она вот-вот должна была войти в спасительное «мертвое пространство», Семенова ранило в голову, и он уронил весло. Шлюпку сразу же подхватило течение и стремительно понесло. Пока старшина Васильев, сидевший на веслах рядом, уложил раненого, пока ловил его весло, шлюпку отнесло далеко вниз.

С тяжелым сердцем следили мы за происходящим и были почти уверены, что и Васильев погибнет. Но старшина, не раз побывавший в смертельных переделках, не растерялся и сумел под непрекращавшимся огнем подойти к самой оконечности острова.

Здесь на выручку ему поспешили бойцы, которые специально дежурили у стены крепости. Они вывели шлюпку из зоны обстрела, бросились к Семенову, но он был без памяти. Бережно унесли его. Через два часа Семенов скончался, так и не приходя в сознание...

К старшине Васильеву, доставлявшему продукты питания в крепость, вместо погибшего Семенова назначили другого гребца, но и того через несколько дней ранило в руку. Старшина Васильев и на этот раз сумел провести тяжело нагруженную шлюпку в крепость...

Такой-то вот ценой давалось нам сообщение с материком.

Мне бы хотелось остановиться на факте, раскрывающем еще одну сторону жизни гарнизона.

В погожий июльский день мы получили по телефону такой приказ командования:

— На правом берегу организуется база отдыха для **особо** отличившихся на переднем крае. Вам надлежит направлять каждые десять дней по пять—семь лучших защитников крепости. Для них устанавливается специальная палатка. Они получают усиленное и улучшенное питание. Ясно? Завтра сообщите список первых отдыхающих.

Мы с комендантом поначалу удивились: какой может быть отдых, когда идет война? Однако немного погодя пришли к противоположному выводу: правильно действует командование — на войне тоже надо отдыхать, потому что отдохнувший солдат будет бить врага еще крепче.

Мы со Стуловым заранее были уверены, что приказ этот вызовет всеобщее одобрение. Но ошиблись. Большинство защитников Орешка, измотанные постоянными тревогами и обстрелами, высказались в таком духе:

— Отдохнуть, конечно, очень даже не вредно. Но на правом берегу мы не отдохнем. К примеру, начнется обстрел крепости — вся душа изболится: как вы там держитесь, не случилось бы чего... Какой это отдых? Нет, уж лучше здесь организовать такое дело. Можно и под обстрелами отдыхать за милую душу — нам ведь только отоспаться надо...

Мы хорошо знали, что все наши люди дорожат своим беспокойным Орешком, но что так глубоко дорожат — не предполагали... Тут уж мы с комендантом не могли приказывать, о единодушном мнении защит-

ников крепости доложили командиру и комиссару полка. Они нас поняли и разрешили оборудовать комнату отдыха в крепости. Мы не стали тянуть с этим делом. На втором этаже Четвертого корпуса отыскивали подходящую комнату, привели ее в порядок, поставили несколько железных коек, привезли с правого берега несколько десятков книг художественной литературы, шахматы, шашки, домино, — раздобыли все это с помощью жителей поселка имени Морозова. Разведчик и снайпер, а по совместительству почтальон Устиненков ежедневно доставлял с правого берега отдыхающим специально выделенные свежие газеты.

Комнату отдыха гарнизонные шутники прозвали «курортом Орешек», а ее обитателей — «курортниками». Отдыхающие менялись каждую пятидневку, на этот срок от каждого подразделения выделялись один или два человека. «Курортники» освобождались от несения караульной службы на постах и занятий, но когда объявлялась боевая тревога или начинался «внеплановый» интенсивный обстрел вражеской артиллерией, занимали свои места на огневых точках.

Как правило, первые два дня «курортники» бодрствовали только во время приема пищи, а в остальное время отсыпались. Но уже в следующие дни, вволю отоспавшись «за всю войну», с увлечением читали книги, газеты, писали письма, сражались в шахматы или шашки, вели неторопливые «стратегические» собеседования о ходе и перспективах войны... Мы с комендантом частенько заходили к нашим «курортникам» и засиживались у них, отдыхали душой от повседневных забот и тревог...

Высокую оценку боевая деятельность гарнизона получила в мае 1942 года, когда командование дивизии

в обращении ко всем своим частям и подразделениям ставило в пример наш гарнизон. В обращении говорилось о стойкости и героизме, проявленном защитниками Шлиссельбургской крепости в жестокой борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Что и говорить, добрые слова всегда приятны. Тем более, если сказаны они столь торжественно и так ответственно. Это невольно заставило каждого из нас на собственные дела взглянуть как бы со стороны и с удовлетворением признать, что и в самом деле воюем мы как положено. У нас прошел митинг, посвященный обращению командования дивизии, и каждый боец, каждый командир торжественно поклялся: не пропустить врага в Ленинград, даже если придется во имя этого отдать свою жизнь.

Вскоре произошло еще одно событие, очень памятное для защитников крепости. Это уже было признанием боевых заслуг гарнизона в масштабе всего Ленинградского фронта. В дивизионной и фронтовой газетах был опубликован приказ командующего войсками Ленинградского фронта от 7 июля 1942 года. В нем говорилось:

«От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество награждаю:

Орденом Красного Знамени

1. Политрука Марулина Валентина Алексеевича.

Орденом Красной Звезды

1. Младшего сержанта Калистратова Николая Гавриловича.

2. Старшину Нетужилова Николая Ивановича.
3. Лейтенанта Тяжева Ростислава Васильевича.

Медалью «За отвагу»

1. Ефрейтора Боярского Константина Даниловича.
2. Красноармейца Долинского Ивана Терентьевича.
3. Сержанта Каменева Александра Михайловича.
4. Красноармейца Левченко Степана Александровича.
5. Ефрейтора Устиненкова Евгения Андреевича.

Медалью «За боевые заслуги»

1. Красноармейца Коносова Александра Степановича».

Высокое признание вдохновило наших бойцов на новые подвиги во имя защиты Родины. Примером стойкости в бою и сознательного отношения к солдатскому долгу служили для всего гарнизона коммунисты. На них равнялись все, а лучшие из защитников крепости пополняли ряды ленинской партии большевиков. Если в первые дни существования гарнизона крепости нас было всего четыре коммуниста, то к апрелю 1942 года партийная организация выросла на тридцать два человека. Она выросла не за счет приходящих с правого берега, а за счет отличившихся в бою, за счет лучших комсомольцев. Ряды коммунистов росли, хотя они постоянно несли потери, потому что коммунисты всегда находились на самых опасных, на самых ответственных боевых участках.

Основным костяком гарнизона крепости были солдаты и сержанты 152-го полка войск НКВД, прибывшие на Ореховый остров в сентябре 1941 года в

составе разведки и стрелкового подразделения. Это были кадровые бойцы, и большинство из них состояло в комсомоле. Мы с первых же дней создали комсомольскую организацию, перед которой поставили задачу: быть для всех бойцов примером в стойкой обороне Орешка, в истреблении немецко-фашистских захватчиков. И комсомольцы с честью выполнили свой долг перед Родиной. Они всегда были на самых ответственных участках, своим мужеством, юношеским задором, стойкостью и сознательностью подавали пример всему гарнизону.

Как-то поздней осенью побывал у нас в крепости начальник политотдела дивизии батальонный комиссар Ф. П. Степченко. Он обстоятельно познакомился с боевой жизнью гарнизона, и наши люди понравились ему своей организованностью, спокойной уверенностью и постоянной готовностью к бою. Но перед возвращением на материк батальонный комиссар сказал вроде бы с недовольством:

— Очень маленькая у вас парторганизация, комиссар. Думаете расти?

— Рады бы расти, но как? Людей замечательных у нас много, и мы, коммунисты, готовы рекомендовать их в партию, но не имеем формального права: знаем людей всего лишь полтора-два месяца.

И начальник политотдела сообщил главную новость, с которой пришел к нам и которую берег до самого последнего момента:

— К фронту мерки мирного времени не подходят: здесь человека можно узнать и в одном бою... Народ у вас отличный, в этом я убедился. Так вот, комиссар, Центральный Комитет партии пошел навстречу фронтовикам: разрешено досрочно принимать в партию отличившихся в боях. Так что достойных принимайте.

Прошло самое малое время, и наша партийная организация стала расти. В партию мы принимали на открытых партийных собраниях, каждое из которых было настоящим событием в гарнизоне. В разговоре о каждом, кто хотел стать коммунистом, активно участвовали беспартийные солдаты, сержанты и офицеры.

Мне запомнилось, как принимали мы в партию командира взвода сержанта Цветкова. На собрание пришел весь его взвод, кроме тех, кто нес в этот момент сторожевую службу. И весь взвод был единодушен:

— Не подведет Цветков партию! Настоящий коммунист получится из нашего взводного. Несем за него полную ответственность!

Как видите, за вступающего в партию несли ответственность не только рекомендующие, но и все боевые товарищи, воевавшие рядом. А это уже говорило о многом.

Цветков не подвел. Не подвели все, кого мы приняли тогда в ленинскую партию большевиков на нашем огненном Ореховом острове, в стенах древней русской крепости. Они через всю Отечественную войну с достоинством пронесли высокое звание коммуниста. Многие отдали свою жизнь за Родину, а оставшиеся в живых ветераны Орешка и сегодня учат своим примером детей и внуков своих, кому предстоит продолжать наше общее дело.

Журнал „Орешек“

Завершить свои воспоминания мне бы хотелось рассказом о рукописном окопном журнале «Орешек», который явился своеобразной летописью славных дел

гарнизона крепости. Журнал начал выходить с апреля 1942 года. Первым редактором его был лейтенант Цивилев, а членами редколлегии замполитрука Мазаев, красноармейцы Тетерин и Левченко. Всего вышло десять номеров журнала, и все они стали реликвиями Музея истории Ленинграда.

Бережно завернутый в бумагу, «Орешек» передавался из подразделения в подразделение и пользовался большим успехом, потому что на его страницах точно и достоверно воспроизводились боевые будни гарнизона.

О чем же писал окопный журнал?

К выходу первого номера журнала гарнизон крепости имел за плечами солидный боевой опыт — более семи месяцев стойкой обороны. Авторы журнала как бы подводили итоги нелегкому ратному труду личного состава гарнизона за это время. Главным итогом было то, что можно выразить одним коротким и объемным словом: **выстояли!** Выстояли, несмотря на беспощадные обстрелы, невзирая на холод и голод; выстояли, потому что свято выполняли свой солдатский долг перед Родиной; выстояли, потому что каждый день, каждый час ощущали материнскую поддержку всей страны, и прежде всего — Ленинграда, города-труженика, города-воина, города-героя.

Непременным участником каждого номера журнала был наш разведчик и снайпер Степан Левченко, одаренный художник, — все иллюстрации выполнял он. Столь же активно участвовал в «Орешке» пулеметчик Александр Тетерин. Пусть его очерки, статьи и стихи были не столь профессиональными, как рисунки Левченко, но они оперативно откликались на все большие и малые события из боевой жизни гарнизона, прославляли героев боев, бичевали недостатки и всегда находили живой отклик читателей.

Левченко и Тетерин были, что называется, штатными авторами журнала, но не единственными. На его страницах выступали командиры подразделений, политработники, красноармейцы.

В первом номере журнала редакция поместила статью командира пулеметного взвода старшины Кондратенко, которая называлась «Пулеметчики крепости».

«За это время, — писал Кондратенко, — выполняя приказ командования, огнем своих пулеметов станкисты сожгли одиннадцать домов, в которых разместились на зиму гитлеровские молодчики, чтобы продолжать свое черное дело по захвату Ленинграда... Пулеметчики подавили тринадцать огневых точек противника.

...Лучшие люди пулеметной роты — красноармейцы Атаулин, Яковлев, Траньков, Шикаев, Тетерин, ефрейтор Смирнов, помкомвзвода Стройный...»

Старший политрук Иващенко в заметке «Артиллеристы крепости» сообщал читателям, что «за это время они уничтожили 118 гитлеровцев, уничтожили 8 станковых пулеметов, 7 ручных, разбили 6 блиндажей, разрушили и повредили 9 построек, используемых противником».

«Связисты крепости» — так называлась следующая заметка.

«Ни разрывы мин и снарядов, ни водная преграда не могут остановить отважных связистов! Ничто не может помешать им поддерживать бесперебойную связь с подразделениями дивизии! Связисты поклялись в этом и клятву свою выполняют на деле.

Сержант Каменев, красноармейцы Коносов, Чуркин ежедневно под огнем противника устраняют повреждения телефонного кабеля...»

Нынешние читатели извинят нас за шероховатый стиль, за однообразие названий статей — тогда у нас не было времени оттачивать стиль, да ведь и литераторы мы были доморощенные.

Через все десять вышедших номеров журнала проходила одна мысль, суровая и неумолимая: беспощадно уничтожай захватчиков! Самым популярным и действенным был призыв: каждый боец гарнизона, каждый командир должен иметь лицевой счет мести оккупантам! Этим все мы жили, и этому посвящал свои страницы окопный журнал «Орешек». Его корреспонденции рассказывали об опыте работы лучших истребителей, о мастерах меткого огня из всех видов оружия. Помещалось много материалов о страданиях советских людей под пятой оккупантов.

Всех взволновала заметка ефрейтора Ф. М. Иванова, помещенная во втором номере «Орешка». Иванов рассказал о своей семье, побывавшей в фашистской неволе. Его семья жила в деревне Ольховка Лощинского сельсовета Киришского района Ленинградской области. Из этой деревни летом 1941 года ушел Иванов защищать Родину. Осенью того же года Ольховку оккупировали гитлеровцы. Иванов долгое время ничего не знал о судьбе своей семьи. Наконец весной 1942 года в крепость на имя Иванова пришло долгожданное письмо. Жена писала Иванову:

«Немцы отобрали у колхозников всех коров, овец, перерезали всех кур, забрали теплую одежду, валенки. Колхозники голодали, ходили полураздетыми. Мы не думали выжить.

Но вот однажды, в один из морозных дней, фашисты поспешно стали удирать. При отступлении жгли дома, а людей гнали, как скот, в свой тыл.

Больше десяти километров нашему пятилетнему сыну Толе пришлось идти пешком. Твоя семидесяти-

летняя мать с нашим грудным ребенком на руках еле дотащилась. Я несла нашу дочку и страшно измучилась. Нас, голодных и холодных, гнали под конвоем. Мы не знали, куда и зачем нас гонят. Ночевали в гумнах и банях, дрожали от холода, а фашисты запирали нас на замок. Убежать было нельзя.

Я не знаю, что было бы с нами, если бы нас не выручила Красная Армия...»

Рассказ Иванова заканчивался словами:

«Мстить! Буду мстить! За издевательство над моим Толькой, за родную старуху-мать, за мучения и лишения моей жены! За мою разоренную Ольховку, за нашу Родину! Смерть вам, бешеные собаки, всем до единого!»

Страшным горем поделился со своими боевыми товарищами со страниц «Орешка» замечательный наш связист Александр Степанович Коносов:

«В деревне Волыно-Кожевниково Высоковского района Калининской области жила моя семья. Во время прихода в эту деревню фашистских извергов начались неслыханные издевательства над мирным населением, грабеж, разбой, расстрелы. Фашисты сожгли 29 дворов, 6 дворов разбомбили с воздуха, забрали подчистую весь колхозный скот и птицу, отнимали одежду и обувь. Во время отступления бандиты увели с собой насильно 37 семей.

Жена моя, спасаясь от фашистских снарядов, по неопытности ушла с тремя детьми в сарай. От зажигательного снаряда сарай загорелся и сгорел вместе с моей семьей.

Рядом с Волыно-Кожевниковом расположена деревня Соплово, в которой жила моя мать. Немецкие разбойники сожгли 56 дворов, также дочиста ограбили колхозников и превратили деревню в пепелище.

И вот теперь, зная о страшной смерти моей семьи, о мучениях и страданиях моей родной матери, я горю желанием мстить фашистам жестоко, беспощадно! Образ моей жены и любимых детей зовет меня к этому.

Я связист по специальности, но я и истребитель немецких оккупантов. В свободное от прямых работ время я уничтожил уже четырех бандитов, но я наметил убить 10. Это будет сделано».

О зверствах оккупантов на советской земле много писалось тогда в газетах. Но одно дело читать в газетах о страданиях людей, которых ты не знал и не видел, и совсем другое — когда рассказывает о муках своих родных и близких боец, который воюет рядом с тобой, с которым ты ешь чуть ли не из одного котелка. Такие письма, написанные кровью сердца твоего боевого товарища, переполняли горячим гневом к врагу и твое сердце. Главным личным делом становилось одно: беспощадно бить ненавистных оккупантов.

Журнал «Орешек» в каждом номере рассказывал читателям об истребителях. Признанный в гарнизоне очеркист и пулеметчик Александр Тетерин часто писал о них. Вот отрывок из его очерка, опубликованного во втором номере журнала:

«13 мая помощник командира взвода Стройный и снайпер Долинский уничтожили по одному фашисту.

В 10 часов утра Стройный пошел на огневую точку, где у станкового пулемета дежурил младший сержант Смирнов.

— Немцы что-то разбегались, — сказал Смирнов.

Стройный наклонился над пулеметом и стал наблюдать за мостиком, что перекинут через канал. По мостику прошмыгнул немец. Стройный быстро определил расстояние, сделал соответствующую установку прицела и стал ждать. Скоро по мостику пробе-

жал еще один немец. Стройный дал короткую очередь, и фриц, взмахнув руками, повис на доске. Еще одна очередь — и незадачливый бандит камнем рухнул в воду канала...

...В 12 часов дня снайпер Долинский отправился на «охоту». Он уже знал, что Стройный отправил сегодня на тот свет одного фрица.

Долинский занял боевую позицию. Где-то близко беспрерывно строчил немецкий автоматчик. Долинский обстрелял все известные ему вражеские амбразуры, но автоматчик никак не унимался. Где же он, черт, засел? Но вот Долинский заметил, как между двумя камнями, лежавшими у самой кромки воды, появились короткие и еле видные вспышки. Долинский всадил меткую пулю чуть ниже этих вспышек, и между камнями поднялась грузная фигура.

— Смотри, какого краснорожего поднял! — крикнул Долинский снайперу Боярскому.

Жирная «дичь» уткнулась головой в землю и уж больше не поднялась...»

В другом очерке, который появился в очередном номере журнала, Александр Тетерин рассказал о том, как стал отважным воином молодой ленинградский паренек Володя Траньков. Он пришел в крепость еще неопытным и необстрелянным солдатом. Стать настоящим воином помогли Транькову боевые друзья, которые были рядом. С помощью бывалых фронтовиков он отлично освоил станковый пулемет, изучил повадки врага. Вскоре командование гарнизона заметило старательного бойца и оказало ему высокую честь: назначило в снайперский расчет знаменитого в крепости станкового пулемета «Ленинградец».

Это был особый пулемет. Рассказ о нем был опубликован в седьмом номере «Орешка».

В одну из майских ночей 1942 года пулеметчики Орешка получили на вооружение новый пулемет. Лейтенант Платов с двумя бойцами бережно перенес его из лодки в кладовую. Когда стали снимать с него смазку, то на коробе увидели бронзовую пластинку с выбитым на ней словом: «Ленинградец». Это сразу напомнило им о тех, кто помогал бить врага — о героических ленинградцах, которые, несмотря на блокадные невзгоды, неустанно ковали для фронта грозное оружие. И надо полагать, над этим пулеметом они старались особенно, ведь не зря же присвоили ему такое обязывающее ко многому название — «Ленинградец». Значит, и характер у этого пулемета должен быть ленинградский: беспощадный к врагу.

Пулемет тщательно вычистили от смазки. Бронзовая пластинка со словом «Ленинградец» отливала золотом. Во время пристрелки пулемет показал отличные результаты. Нет, не зря старались ленинградцы, сработали отличную боевую машину.

Командование гарнизона решило использовать новый пулемет как снайперский, выделив в его боевой расчет лучших людей пулеметной роты — Транькова, Яковлева, Федорова, Теплякова, Смирнова.

Первого фашиста из снайперского пулемета «Ленинградец» уничтожил помощник командира взвода Стройный. Как это произошло, было рассказано в очерке того же Александра Тетерина, отрывок из которого приводился выше.

«Начало было положено, — писал далее наш очеркист. — После помкомвзвода Стройного младший сержант Смирнов уничтожил двух фашистов, но сам получил ранение в ногу. За его рану крепко отомстил врагу сержант Федоров. Он истребил из «Ленинградца» девять мерзавцев и продолжает настойчиво выискивать врага. Он мстит не только за друга, но и за

раны своего отца-партизана, который громил немцев в одном из оккупированных районов Ленинградской области».

Так воевал расчет знаменитого «Ленинградца»...

Спустя тридцать лет с душевным трепетом перелистывал я пожелтевшие страницы нашего окопного журнала «Орешек», ставшего теперь музейным экспонатом. Перелистывал, и в памяти возникали образы моих однополчан — защитников крепости. Многих из них я попытался в своих записках вспомнить добрым словом. Но вспомнить всех одному человеку невозможно.

Рубцов Михаил Николаевич,

*майор медицинской службы запаса,
бывший фельдшер транспорта «Щорс»
Ладужской военной флотилии. Войну
закончил службой на кораблях КБФ.*

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС „ЩОРСА“

26 сентября транспорт «Щорс» получил задание командования Ладужской военной флотилии доставить в Шлиссельбургскую крепость один из отрядов бойцов 1-й дивизии войск НКВД, вооружение и боеприпасы. Попытка выполнить задание в дневное время не увенчалась успехом. Едва транспорт приближался к фарватеру, враг открывал интенсивный артиллерийский огонь. Приходилось отходить обратно в озеро.

Команда «Щорса» во главе с капитаном в основном состояла из лиц, мобилизованных из торгового флота, однако большая ее часть уже имела боевой опыт: капитан транспорта Г. П. Коркин, механик Н. Дроздов, рулевой А. В. Седов и другие члены экипажа в августе принимали участие в высадке десанта на островах Лункулансаари и Мантсисаари и в эвакуации окруженных противником наших воинских частей из района севернее Кексгольма.

Пройти к Орешку не удавалось. Вскоре к «Щорсу» подошел на «морском охотнике» начальник ОВРа

капитан 1-го ранга М. С. Клевенский. Выяснив обстановку, он приказал командиру отряда военных транспортов Ладожской флотилии старшему лейтенанту В. П. Белякову и военному старшему политруку А. Благову, находившимся с ним на катере, перейти на транспорт и вести его в Орешек.

С наступлением темноты транспорт вышел к Ореховому острову. Шлиссельбургские створы¹ в то время не действовали, так как находились на территории противника.

Ориентируясь по видимому Посеченскому створу, корабль повернул влево и вышел на фарватер. Несмотря на вражеский огонь, транспорту удалось в этот раз пробиться к Орешку.

В крепости нас встретили радостно. Выгрузив бойцов, вооружение и боеприпасы, транспорт лег на обратный курс.

«Щорс» шел малым ходом в сплошной темноте. Отойдя сотни две метров от крепости, мы почувствовали сильный толчок. Было ясно, что сели на камни. Все попытки сняться своими силами с камней не дали результатов. Чтобы облегчить судно, командир отряда военных транспортов В. П. Беляков приказал на шлюпках вывезти в крепость корабельный боезапас, продовольствие и людей, не стоящих на вахте. Экипаж трудился самоотверженно и умело. К перевозкам были привлечены корабельные шлюпки и две шлюпки защитников крепости.

Особенно отличилась часть экипажа, работавшая под командованием боцмана транспорта Охапкина с сигнальщиком Ползковым.

Все, что смогли снять с транспорта, было переправлено на шлюпках в крепость. Но и это не помогло.

¹ Навигационные знаки для указания фарватера.

Машины работали на пределе, а транспорт стоял на месте. К нам пытались подойти два тральщика, но приблизиться к транспорту из-за камней им не удавалось.

Начинался рассвет. Гитлеровцы, увидев стоявший на мели транспорт, открыли ураганный огонь. «Щорс» загорелся. Тогда покинули транспорт оставшиеся на нем командир отряда В. П. Беляков, военком отряда А. Благов, капитан транспорта Г. П. Коркин, военный комендант Г. М. Носко и другие члены экипажа. Так закончился последний рейс «Щорса» к Ореховому острову.

Вальков Александр Никитович,

майор запаса, бывший механик «ТЩ-82»
Ладужской военной флотилии. Участник
рейсов в сентябре 1941 года в Орешек.
Войну закончил службой в дивизионе
тральщиков КБФ.

ИДЕМ К ОРЕШКУ

Наш тральщик «ТЩ-82» входил в состав 6-го дивизиона тральщиков Ладужской военной флотилии, которым командовал капитан-лейтенант М. П. Рупышев.

Корабль принимал активное участие в боевых действиях на Ладужском озере. Швартовался и у Орешка.

Наш командир старший лейтенант Иван Павлович Тюньков едва ли не лучше всех на флотилии знал Ладужское озеро, так как до войны работал капитаном-наставником Свирской пристани. Экипаж, состоявший почти целиком из ленинградцев, самоотверженно сражался за родной город.

В середине сентября сорок первого года нам пришлось вблизи Орешка снимать с катера «КМ», севшего на камни, десантников. Видимость была хорошая, и фашисты, засевшие в Шлиссельбурге, могли расстрелять наших бойцов в любую минуту.

Надо было спешить. Тральщику предстояло подойти к катеру как можно ближе и спустить шлюпку.

Оставшиеся несколько сот метров надо было пройти под огнем врага, снять с катера людей и переправить их на берег.

Выполнить эту задачу мог только смелый, решительный, не теряющийся в момент опасности, физически крепкий матрос, хорошо владеющий веслами. Желающих идти на шлюпке вызвалось много.

Выбор пал на старшину второй статьи минера Ивана Борисовича Давыдова. На него можно было положиться.

В операции по снятию с берега окруженных возле Сортавалы наших войск Давыдов был одним из тех, кто проявил себя с наилучшей стороны.

...Давыдов выслушал последние указания командира корабля, и тральщик пошел в сторону виднеющегося вдали катера.

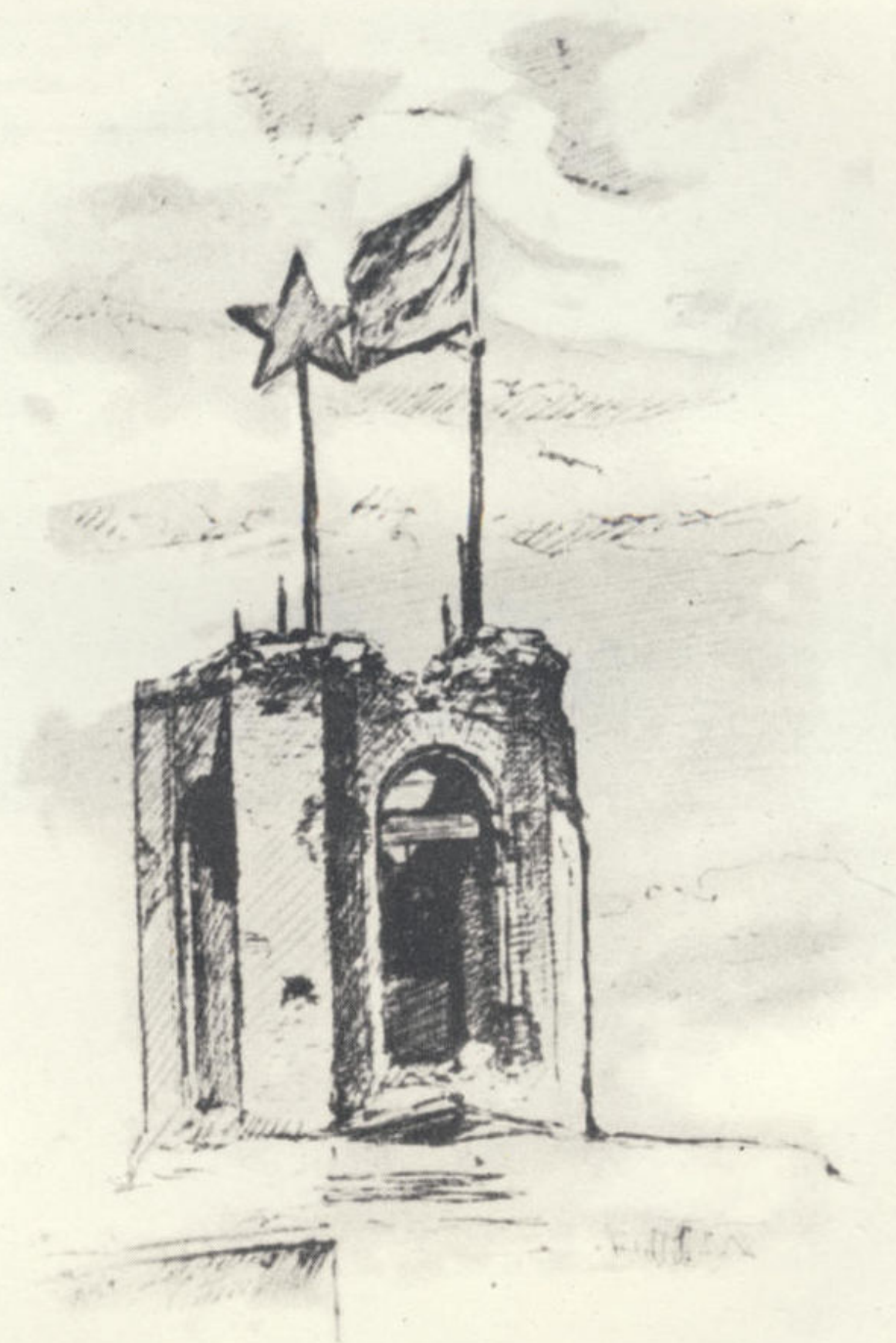
Примерно в километре от катера Давыдов, легко одетый, в ботинках на босу ногу, спустился в шлюпку и, сильно оттолкнувшись от борта тральщика, взялся за весла.

Тральщик еще некоторое время на малом ходу шел в том же направлении. Но мы были слишком хорошей мишенью для вражеской артиллерии, и поэтому, развернувшись на 180 градусов, тральщик лег на обратный курс.

В бинокль наблюдали мы за действиями нашего матроса.

На пути шлюпки, по левому борту, находились три затопленные землечерпалки. Вот одна из них пройдена. До второй метров сто—двести. На более мелком месте высится третья.

Когда шлюпка прошла третью землечерпалку, гитлеровцы открыли огонь. Перелет, недолет. Давыдов решил пойти на хитрость. Мы видели, как он встает на корму и затем падает в воду.

Флаг и звезда, установленные 1 Мая 1942 года.

В башне Головкина.

Комендант крепости
к-н Стулов В. А.

Комиссар крепости ст. политрук
Марулин В. А.

Лейтенант Цивилев.

Сержант Каменев.

Сержант Калинин.

Старшина Кондратенко.

Кр-ц Васильев.

Снайпер Коростылев.

Устиненков.

Ст. сержант Калистратов.

Кр-ц Федосеев.

Снайпер Боярский.

К-р Елесин.

Мл. серж. Смирнов.

Снайпер Долинский.

Серж. Федоров.

Наказ брату

Письмо 11-летнего брата Витория
красноармейцу Ивану Чупцову

Ванюшка! Бей фашистских гадов!
Стойко защищай наш любимый город
Ленинград!
Бей беспощадно немецких оккупантов!
Бей до последней капли крови!
Защищай наш любимый и хороший город
Ленинград, ты защищай на фронте город
Ленинград, а я буду с твоей нести свою

службу, защищать свой дом от зажигательных бомб

Бей гадов беспощадно, чтобы ни один
немец не ушел в живых с нашей
земли.

Ну, затем дорогой и любимый Ванюшка
до свидания, остаемся живы и
здоровы.

Письмо красноармейцу Ивану Чупцову.

Левченко.

Королев.

или грустно
ПОТОМУ,
что весело
ЕМУ

Стройный ходит очень весел,
От удачи сам не свой.
«Дуль» за поясом повесил
Прямо книзу головой.

А. П.

Дружеский шарж.

Нетужилов.

Ефрейтор Толстиков.

К-ц связист Коносов.

Обложка окопного журнала «Орешек».

Шлюпка продолжала идти вперед по течению без гребца. Давыдов заплыл с правого борта и, спрятавшись за шлюпкой, направлял ее движение.

С нашего берега поняли, в какой опасной ситуации оказался Давыдов, и открыли по фашистам артиллерийский огонь. Стрельба со стороны противника уменьшилась, а затем и совсем прекратилась.

Давыдов, с трудом взобравшись в шлюпку, начал усиленно грести. Вскоре он был у цели. Тут выяснилось, что кроме четырех человек команды на борту катера находились двадцать два бойца десантной группы.

Всех сразу взять было невозможно. Разместив в шлюпке четырнадцать человек, Давыдов отправился к берегу.

Обнаружив, что шлюпка сняла с катера людей и готова к отплытию, гитлеровцы снова открыли артиллерийский огонь. И снова наша артиллерия начала дуэль с артиллерией противника.

Вплотную подойти к берегу шлюпке не удалось. Высадив первую группу на мелководье, Давыдов под непрерывающимся обстрелом противника направился обратно к катеру. Взяв в шлюпку оставшихся десантников и команду, Давыдов вернулся к нашему берегу.

За выполнение этого задания Иван Борисович Давыдов был награжден орденом Красной Звезды.

Во второй половине месяца командир тральщика получил приказ выйти на Кошкинский рейд, ошвартоваться у затопленной на мелководье баржи, принять на борт очередную группу бойцов 1-й дивизии войск НКВД, боеприпасы, оружие, продовольствие и идти в крепость.

Около полудня мы подошли к импровизированной пристани (затопленная баржа), от которой до твердого грунта следовало настлат сходни длиной 10—12

метров. Ошвартовавшись, мы всей командой бросились на поиски материалов для настила. Наконец на берегу и на барже обнаружили доски. Вместе с бойцами гарнизона соорудили настил, способный выдержать 76-миллиметровую пушку, которую надо было погрузить на тральщик. Туда же предстояло перенести и ящики с боеприпасами и продовольствием.

Не успели мы оборудовать сходни, как начался интенсивный артиллерийский обстрел тральщика и берега, где велись работы и сосредоточивались солдаты.

Продолжать работы при реальной возможности прямых попаданий в тральщик, боезапас, подвезенный к берегу, и солдат было рискованно. Мы получили приказ прекратить работу, отойти в озеро, возвратиться через полчаса и возобновить прием на борт людей и груза.

Во второй раз гитлеровцы не дали нам даже ошвартоваться. «ТЩ» снова отошел в озеро. 30—40 минут маневрировал и снова направился к барже. Артиллерия противника возобновила обстрел. Осколками ранило нескольких матросов. На верхнем мостике был убит сигнальщик старшина первой статьи Семен Байрак.

Семь раз в течение дня мы пытались пришвартоваться, но каждый раз интенсивный огонь противника заставлял нас прекращать работы и отходить в озеро. Потери, вероятно, были не только у нас на корабле, но и на нашем берегу. Только в вечерней темноте удалось подойти к берегу. Теперь гитлеровцы не видят нас. Объявляется аврал. Вся команда, за исключением вахты, вышла на работу. То, что было подготовлено на берегу в светлое время дня, разбросано разрывами снарядов. Работать в темноте трудно. Однако сборку настила удалось закончить быстро.

Проверив прочность мостков, командир разрешил тащить на борт тральщика пушку. В темноте по

шаткому настилу вкатить на борт корабля пушку — задача нелегкая. Людям приходилось идти по неровностям, по камням, в воде. Работали все напряженно. Из нашего экипажа особенно отличились опытные минеры старшины Фомин и Давыдов. От них не отставали старшина котельных машинистов Алешихин, котельные машинисты Щукин и Павлов, старшина второй статьи химик Ракицкий, машинисты Чистяков, Яковлев, Яшин. Отлично работали старшина первой статьи комендор Петров, пулеметчик Гладкий, баталер Берлин, кок Иванов и многие другие матросы и старшины. В общем, весь экипаж трудился с полной отдачей.

Погрузив пушку, мы вместе с бойцами перенесли на тральщик ящики со снарядами, минами и продовольствием. Ящики разложили по бортам так, чтобы в случае обстрела наименьшей вероятности попаданий подвергался боезапас.

Наконец свои места на судне заняли бойцы (их было человек тридцать), отправлявшиеся в Шлиссельбургскую крепость.

Идем в направлении на Орешек.

Не простое это дело двигаться в темноте в узком фарватере, где полный ход дать рискованно. Бакены не зажигались. Фарватер надо было определить по еле видимым береговым ориентирам. Однако наш командир старший лейтенант И. П. Тюньков вел тральщик безошибочно.

...Тихо. Чем ближе к крепости, тем больше настороженность. В любой момент гитлеровцы могут открыть пулеметный огонь.

Наконец крепость совсем рядом. И с правой, и с левой стороны ладожская вода с огромной скоростью устремляется в суживающиеся рукава, огибает крепость и затем выходит в русло Невы.

Заходим справа от крепости по течению Невы. На берегу едва можно различить деревья и еще что-то темное.

Времени разбираться нет. Берег короток. Не успеешь уцепиться, и пронесет стремниной в Неву. С берега слабым светом фонаря подсказывают место, где можно подать концы. Командир принимает решение приставать. Ни о каком пирсе, конечно, не могло быть и речи. Просто крутой береговой скат.

Тральщик уткнулся носом в берег. Машины малым ходом работают вперед. Боцман Архипов, матросы Фомин, Ракицкий, Петров быстро выскакивают на берег, закрепляют швартовы за деревья и пни. В машину подается команда: «Стоп». Тральщик развернуло примерно на 140 градусов, и мы уже в какой-то мере готовы к обратному рейсу.

Аврал! Снова вся команда участвует вместе с красноармейцами в работе. Отдав необходимые распоряжения по своей боевой части, ухожу и я помогать выгрузке пушки и боезапаса.

У котла и машин остались старшины Першин и Алешихин, матросы Чистяков и Яшин.

Выкатить пушку на берег оказалось значительно сложнее, чем закатить с пологого берега на палубу. Досок для настила маловато. Стучать нельзя, можно привлечь внимание фашистов.

Но мы все-таки подняли пушку на крепостной берег. Вместе с красноармейцами перенесли на сушу и аккуратно сложили снаряды, мины, продовольствие. Приняв на борт тральщика раненых, десантников и экипаж транспорта «Щорс», отдаем швартовы и по быстрой встречной воде идем обратно.

Шарков Федор Арсентьевич,

подполковник запаса, бывший командир
стрелковой роты 2-го полка 1-й дивизии
войск НКВД.

У СТЕН ОРЕШКА

В ночь на 11 сентября 1941 года шестеро бойцов из нашего батальона во главе с командиром отделения И. Нечипуренко были направлены в Орешек на пополнение маленького, только что созданного гарнизона крепости.

С этого дня наше подразделение было неразрывно связано с Орешком, и каждый человек оттуда стал для нас своим. Ведь он приходил с острова, где сражались наши товарищи.

Эта связь укрепилась еще больше в декабре, когда на должность начальника штаба батальона был назначен лейтенант Ростислав Тяжов, бывший до этого короткое время комендантом Орешка. Это был молодой волевой командир, который о службе в Орешке рассказывал всегда с гордостью.

Несмотря на то что он был комендантом, Тяжов частенько выходил на снайперский рубеж, чтобы «поохотиться» на гитлеровцев. Свою винтовку с оптиче-

ским прицелом лейтенант принес и в штаб батальона.

Бойцы и командиры нашего батальона, а особенно роты, которой я командовал, довольно часто бывали в крепости. Происходило это потому, что Орешек был нашим наблюдательным пунктом. Оттуда, со стен крепости, мы проводили рекогносцировку оборонительных рубежей противника, намечали места будущих атак.

В ночь с 4 на 5 февраля 1942 года отряд, который состоял из бойцов 4, 5 и 6-й стрелковых рот 2-го батальона, сосредоточился на правом берегу Невы в Шереметьевке. Развалины деревни, белые маскировочные халаты бойцов скрывали их от гитлеровцев.

В 3 часа ночи «заговорили» наши пушки и минометы. Полковую артиллерию поддерживали крепостные орудия.

Артподготовка была короткой. И вот взвилась зеленая ракета...

Смолкли пушки, и мы ступили на лед. Броском преодолели Неву, прорвались сквозь разбитые снарядами и минами проволочные заграждения противника и выскочили к самому шлиссельбургскому берегу. Мы должны были выбить оттуда гитлеровцев и захватить окраину города.

Первым в рукопашную схватку вступило отделение сержанта Александрова, затем перебрались на берег бойцы роты капитана Чернявского...

И тут гитлеровцы обрушили на нас шквальный пулеметный и минометный огонь. Погиб комбат Панечкин, батальон возглавил лейтенант Гандеров. Убит Чернявский. Рядом падали другие наши товарищи.

Атака захлебнулась. В этом бою был ранен и я. Бывшие рабочие Кировского завода 19-летний красно-

армеец Георгий Чулков и Дмитрий Ермаков под огнем вынесли меня с невского льда. В крепости мне оказали необходимую помощь — сделали перевязку — и в бессознательном состоянии отправили в госпиталь.

Через три месяца я вернулся в батальон, в свою роту. Из старых знакомых встретил немногих... Еще долгих девять месяцев воевал я у стен Орешка. И каждый из этих месяцев, дней на всю жизнь врезался в память.

Морозов Алексей Григорьевич,

подполковник запаса, с 26 октября 1941 года по январь 1943 года — комиссар 409-й артбатареи КБФ. Участник боев под Синявином. С сентября 1943 года служил в ВВС. Участвовал в боях по взятию Кенигсберга.

МОРСКАЯ БАТАРЕЯ ВЕДЕТ ОГОНЬ

...Летом 1968 года я шел по залитому солнцем Невскому. Меня остановил убеленный сединами старичок. «Скажите, ваша фамилия не Морозов?» — спросил он.

— Морозов.

— А вы меня узнаете?

Я, откровенно говоря, растерялся:

— Извините, но я что-то вас не припоминаю.

— Эх, молодость, молодость, — огорченно покачал головой старичок. — Фадеев я. В войну с группой рабочих был у вас в Орешке.

— Железнодорожник?

Мы как-то неловко обнялись, расцеловались, прослезились, и оба вспомнили...

Осень 1942 года. Блокада еще давала о себе знать. Гитлеровцы систематически обстреливали Ленинград. Тяжелая обстановка была и на Орешке. Фашисты в неистовой злобе за свои поражения усиливали удары по крепости, которая прикрывала от них Дорогу жизни.

Были дни, когда на маленьком клочке земли рвалось до тысячи мин и снарядов.

6 ноября мы получили радиogramму от командования 302-го дивизиона: «Вышлите шлюпку, встречайте гостей». С наступлением темноты матросы К. Шкляр и В. Коньков переправились на правый берег Невы, где их уже ждала группа людей. Это были рабочие Финляндского железнодорожного узла. Немногочисленная (пять человек) делегация была послана на батарею в Орешек, чтобы поздравить нас с праздником 25-й годовщины Октября. Возглавлял делегацию старый питерский рабочий Иван Акинфьевич Фадеев.

Много воды утекло с тех пор, многое стерлось в памяти, но невозможно забыть ту радость, с которой бойцы батареи встречали делегацию. Создавалось впечатление, что каждый из бойцов батареи считал просто-таки своим долгом расцеловаться со всеми гостями. Для меня — военкома батареи — это, по правде сказать, не было неожиданностью. Иногда, прислушиваясь к беседам в кубрике, я замечал, что больше всего разговоров было о Ленинграде. Казалось, каждый боец — исконный ленинградец, хотя на самом деле коренных жителей города на батарее было всего несколько человек.

И вот у нас рабочие из Ленинграда. Вокруг каждого делегата по несколько моряков. Вопросы, вопросы, вопросы... Как город? Работают ли заводы? А кино?

А вот уже батарейный весельчак Володя Коньков, лукаво улыбаясь молодой железнодорожнице Жене Шаповаловой, ударяет по струнам гитары. Все подхватывают песню:

На позицию девушка
Провожала бойца...

Вдруг с наблюдательного пункта:

— Тревога! Самолеты противника с четырех направлений курсом на Орешек!

Властно звучит голос командира батареи Кочаненкова:

— Орудийным расчетам к бою! Гостям — в укрытие!

Бойцы занимают свои места. Фашистские самолеты, не нарушая строя, уже выходят на боевой курс. Один из них прорывается к крепости и на бреющем полете открывает огонь. В ответ один из наших зенитных пулеметов посылает очередь за очередью. Фашистский ас не выдерживает встречного огня, уходит с курса.

И вдруг я слышу голос:

— Так их, ребята, мы этих гадов били еще в восемнадцатом!

Это был Фадеев. И другие наши гости, вместо того чтобы уйти в укрытие, подносили снаряды и пулеметные ленты. Насколько я помню, приказ: «Гостям — в укрытие» — был единственный в Орешке, который не был тогда выполнен.

Отбой тревоги. Короткий митинг. Гости поздравляют нас с праздником и... вручают подарки: вязанные шерстяные носки, перчатки, гостинцы. Это из блокадного, голодающего Ленинграда! Невероятно! Вижу, что суровые, мужественные наши моряки растроганы чуть не до слез.

Гости пробыли у нас несколько часов. На прощание старик железнодорожник Евстигнеев, расцеловав провожавших его матросов, сказал:

— Спасибо вам, сынки! Трудно вам здесь, но мы верим в вашу храбрость и стойкость.

Отвечал ему старшина второй статьи Шелепень — один из лучших командиров орудия:

— Да, папаша, здесь трудно. Но жить, сражаясь, уничтожая врага, можно и нужно. Так жить мы будем и дальше!

К тому времени, когда мы принимали у себя делегацию железнодорожников, прошло уже больше года пребывания моряков 409-й батареи в крепости.

Личный состав морской батареи насчитывал вначале не более тридцати пяти человек. В числе батарейцев были моряки-кронштадтцы, получившие в свое время хорошую флотскую закалку на кораблях и береговых фортах: лейтенант Афанасьев, артиллеристы Мокрицкий, Конюшкин, старшина Косяченко.

Работами по установке орудий руководил временно исполняющий обязанности командира батареи старшиной первой статьи Свитанков. Это был трудолюбивый, храбрый человек. Он постоянно находился на огневой позиции. Во время одного из обстрелов Свитанков был ранен, и его пришлось эвакуировать в госпиталь.

В начале ноября 1941 года в крепость прибыл вновь назначенный командир батареи младший лейтенант Петр Никитович Кочаненков. Молодой, энергичный командир, еще в 1940 году получивший боевую закалку в лыжном отряде, воевавшем с белофиннами, он как-то сразу стал по-настоящему своим на батарее. Блестящее знание материальной части, внимательность к подчиненным снискали ему заслуженный авторитет. Иногда бойцы просто недоумевали, когда он, такой молодой, успел познать все премудрости нелегкого артиллерийского дела.

— Да полноте, ребята, — отшучивался командир, — просто все это. Неделя-другая, и вы не хуже меня будете знать любые хитрости.

А сам все время помогал, советовал, учил. Знал: хорошие бойцы — хорошая батарея. Опыт же своей

довоенной службы комендором на кронштадтских фортах использовал полностью. Я, пожалуй, не погрешу против истины, если скажу, что становление батареи связано с Кочаненковым.

Верил людям командир безгранично. Но состояние орудий перед боем проверял сам.

— Знаешь, — говорил он, — и на старуху бывает проруха, а потом — опытный, наметанный глаз увидит то, что и самые добросовестные два глаза не всегда заметят. Когда-нибудь и они, — он показал на бойцов, — будут проверять орудия своих батарей перед боем.

Постоянную помощь оказывала командиру наша, вначале совсем малочисленная, партийная организация. В октябре сорок первого на батарее было всего два коммуниста. Но вот прибыл к нам третий коммунист — кронштадтец Павел Григорьевич Сивачев. Вскоре наша маленькая партия выбрала его парторгом батареи. Наше решение было не случайным. Кадровый ленинградский рабочий, человек большого жизненного опыта, бывший моряк с линкора «Петропавловск», Сивачев быстро завоевал всеобщее уважение. Я, молодой политработник, постоянно ощущал большую помощь в работе со стороны Сивачева.

В один из вьюжных декабрьских дней 1941 года состоялось первое партийное собрание нашей батареи. Оно было открытым. Все моряки — за исключением лишь тех, кто нес вахту, — собрались в тесном кубрике. Говорили коротко. Хорошо помню взволнованную речь Сивачева:

— Товарищи! Мы собрались в трудное, суровое время. Враг — у стен Ленинграда. На беспощадный бой зовет нас Родина, наша партия. И мы должны быть готовы до конца выполнить свой священный долг.

Один за другим брали слово комсомольцы Воробьев, Конюшкин, беспартийные Пушкарев, Зайцев. «Да, — говорили бойцы, — фашисты порой стреляют лучше нас, и одной лишь храбростью, на «ура», их не возьмешь. Надо нам приобретать настоящее мастерство в своем деле». В каждом выступлении звучала твердая решимость защищать до последней капли крови советскую землю, грудью стоять за родной Ленинград.

Последним выступил командир батареи:

— Над Ленинградом нависла смертельная опасность. Будем сражаться, не щадя своей жизни, до полной победы. Всю волю, все свои силы мы отдадим Родине!

Собрание еще более спаяло небольшой коллектив батареи. Еще более окрепла уверенность в своих силах, в нашей грядущей победе.

Шли дни, заполненные почти непрерывными обстрелами. В то трудное время многие комсомольцы и беспартийные товарищи решили связать свою судьбу с Коммунистической партией. По боевой характеристике вступили в ряды партии Н. Конюшкин, К. Шкляр и другие батарейцы. Здесь же на батарее в боевой обстановке они получали партийные билеты из рук начальника политотдела Ладужской военной флотилии Петра Ивановича Власова.

Партийная организация активно вникала во все стороны жизни батареи. Однажды на партийном собрании у нас зашел разговор, как при наименьших затратах боезапаса поражать больше целей. Незадолго до этого я, будучи на совещании, проводимом Военным советом КБФ в военно-морской базе, получил записку от члена Военного совета Н. К. Смирнова. Он писал: «Тов. Морозов! Было бы хорошо, если бы ваша батарея оказалась в числе первых снайперских

батарей на КБФ. Возможности у вас есть. Нажмите. Передайте привет личному составу батареи и пожелания новых боевых успехов».

С этим предложением Военного совета я выступил на партийном собрании. Предложение было горячо подхвачено всеми бойцами. Коммунисты В. Шелепень, Н. Конюшкин, Афанасьев высказали много полезных советов по организации учебы молодых артиллеристов, а затем сами возглавили снайперское движение наших бойцов.

Мастерство, находчивость и умение ориентироваться в сложных условиях не раз помогали нам. Как-то ранним июньским утром 1942 года, пользуясь утренней дымкой, в фашистском тылу шла автомашина. Вахтенный краснофлотец Василий Поршневу, находившийся на наблюдательном пункте, заметил ее и немедленно доложил командиру батареи. Тот быстро дал команду: «Орудийным расчетам Шкляра и Конюшкина к бою». Два выстрела, и цель накрыта, машина сгорела. Это уже неплохой результат. А вскоре метким огнем наших орудий был взорван и склад боеприпасов противника.

Несмотря на близость к противнику, мы старались лучше устроить свой быт. Вечерами, особенно если хоть ненадолго утихала канонада, в кубрике можно было услышать и шутку, и сердечную беседу, и задумчивую песню. В часы затишья матрос Дворецкий растягивал мехи гармони.

— Споем, что ли? — обращался он к товарищам. И сам запевал:

Играй, мой баян,
И скажи всем друзьям...

Была у нас и своя художественная самодеятельность. Старшина второй статьи Шелепень и матрос Се-

менов играли на мандолинах, матрос Коньков — на гитаре. Много радости доставляли матросам веселые пляски Пахомова и Горева. Любитель книг, редактор нашей стенгазеты, мастер на все руки матрос Дворецкий читал стихи и рассказы.

Но чем бы мы ни занимались, когда наступали долгожданные минуты — все склонялись над приемником. Сквозь шум и треск доносилось: «Говорит Москва!» В кубрике воцарялась тишина. Как на святая святых глядели матросы на старенький радиоприемник «Колхозник». Какие это были минуты!

Но далеко не всегда радиокудесник старшина второй статьи Внук включал приемник. Приходилось беречь садившуюся батарею для приема сводок Совинформбюро. Вести с фронта слушали жадно, и каждая сводка будто спрашивала: а что сделали сегодня вы, морские артиллеристы Орешка, чтобы быстрее разгромить врага? Сделали ли вы для этого все, что было в ваших силах?

Сражаясь за Родину на маленьком островке, мы никогда не чувствовали себя одинокими, всегда ощущали себя в едином боевом строю с тысячами и миллионами наших товарищей, со всем советским народом. Родина всегда была с нами, в наших сердцах.

Нам присылали письма и подарки трудящиеся Сибири, москвичи, ленинградцы. Письма из Ленинграда — города, за который сражались и мы в нашей старой крепости, — читались всегда с особым вниманием. А в январе—феврале в крепость стало приходиться писем еще больше. Семьи многих наших бойцов жили к этому времени уже в освобожденных от фашистских захватчиков деревнях и городах Подмосковья, Калининской области. Моряки получали оттуда первые за долгие месяцы весточки.

Невеселыми были иногда эти вести... У артиллериста Якова Едукова фашисты повесили дочь-комсомолку. Вскоре узнал о постигшем его горе артиллерист Сергей Пушкарев. Фашисты зверски издевались над его 11-летним сыном: в лютый мороз заставляли мальчика бежать босиком по снегу, а вдогонку стреляли в него, тренируясь по живой мишени. Мальчик был убит несколькими выстрелами в спину.

Вечером в кубрике читали мы это письмо. Батарейцы стояли молча. Было очень тихо. Наверное, потому, что люди не могли сейчас говорить ни о чем другом, а об этом говорить было тяжело. Чем утешить товарища?..

В тот вечер Пушкарев попросил командира перевести его в орудийный расчет Конюшкина — на 76-миллиметровую полковую пушку, которая во время боя выкатывалась на открытую позицию. У нас было два таких орудия на колесах, и их расчеты полностью состояли из коммунистов и комсомольцев.

— Я вас не подведу, товарищ командир, — твердо сказал Пушкарев.

Просьба его была удовлетворена. И не было у нас наводчика лучше, чем он!

Через несколько дней Пушкарев принес Сивачеву заявление с просьбой принять его в партию:

«Даю верное слово, что бы ни случилось со мной, я всегда буду воевать по-коммунистически... Хочу, чтоб как коммунисту мне давали самые трудные задания». Он достойно держал свое слово. Позже за отвагу и мужество, проявленные в боях на Орешке, Сергей Васильевич был награжден орденом Красной Звезды.

Вторым разбирали на этом же собрании заявление матроса Едукова. «Прошу принять меня в партию, — писал он, — хочу сражаться с фашизмом и умереть коммунистом».

— Я за то, чтобы ты жил и победил, товарищ Едуков, — сказал Сивачев. — Умереть в нашем положении не трудно. Вышел из кубрика, мина разорвется, и нет тебя. Но Родина требует от нас победы. Большое горе у тебя, Яков Спиридонович. Фашисты дочь замучили. В каждом доме у нас сейчас горе. Но коммунист должен горе перебороть. Пусть молодые матросы смотрят на тебя и нос не вешают. Я предлагаю Едукова принять в партию.

Бойцов, которые в любую минуту были готовы на схватку с заклятым врагом, после партийного собрания вообще стало трудно сдерживать, так рвались они в бой — отплатить за кровь замученных жен и детей. Это и понятно — теперь, когда беда пришла в дом наших боевых товарищей, еще ненавистнее стал враг, еще сильнее желание выгнать прочь его с родной земли.

Высок был боевой дух батарейцев, однако мы понимали, видели, что многие из бойцов батареи физически сильно сдали, что у некоторых появились признаки цинготного заболевания, потери зрения (куриная слепота), и решили воспользоваться предложением командования дивизиона заменить часть воинов, направив наиболее уставших на тыловые батареи. Первыми, кому мы предложили перейти на эти батареи, были артиллеристы Родионов и Титов — земляки из одной деревни.

Каждому из них было под пятьдесят, у каждого было по семеро детей. Но предложение о тыле оба встретили с большой обидой и заявили: «Будем в Орешке, пока не разгромим фрицев в Шлиссельбурге. Мы их били еще в 1915 году, побьем и сейчас. У нас порошу побольше, чем у молодых».

Трудно было на батарее выделить хорошего или плохого бойца, весь коллектив был сцементирован

в единый монолит: в бою храбрые и стойкие, в часы затишья — веселые и бодрые.

Не зря высокую оценку нашей боевой работы дали комендант крепости капитан Стулов и комиссар старший политрук Марулин.

26 августа 1942 года после одного из боев они писали в газете «За Родину!»:

«Артбатарея Ладожской флотилии, где служат старший лейтенант Кочаненков и политрук Морозов, беспощадно громит врага. Она наносит большой урон противнику в живой силе и технике. На ее счету десятков подавленных и уничтоженных вражеских батарей, пушек, пулеметов, взорванных и разрушенных дзотов, сотни уничтоженных гитлеровских мерзавцев — солдат и офицеров... Презирая опасность и смерть, моряки-батарейцы всегда готовы на выполнение любой боевой задачи... Недаром фашисты выпустили сотни тяжелых снарядов и тысячи мин по батарее. Но напрасны их старания! Не задавить им героической батареи, не сломить им мужества балтийцев! Каждый из нас дал клятву матери-Родине биться до последней капли крови за славный город Ленинград».

В конце декабря 1942 года и в начале января 1943 года батарейцы Орешка целыми ночами возили с правого берега Невы на саночках боеприпасы, продовольствие. Во всем чувствовалось — Ленинград набирает силы для решительной схватки с врагом. Приближался день возмездия.

И вот наступило 12 января 1943 года. Заговорила артиллерия Ленфронта и Балтфлота. Начался прорыв блокады Ленинграда. В районе Шлиссельбурга вновь завязались тяжелые бои. Артиллеристы Орешка вместе с другими воинами героически дрались с фашистскими оккупантами и сделали все, чтобы освободить

город Шлиссельбург. 18 января 1943 года блокада была прорвана.

Гарнизон Орешка шестнадцать месяцев подряд с честью выполнял ставившиеся перед ним задачи. Фашистам удалось разрушить каменные стены, крепостные сооружения. Они исковеркали металл на перекрытиях зданий, но они не сломили духа и стойкости советских воинов, находившихся в Орешке. Люди, рожденные Великим Октябрем и воспитанные на бессмертных идеях В. И. Ленина, оказались крепче камня и металла.

Ушаков Константин Данилович,
старший лейтенант запаса, бывший
командир саперного взвода 1-й стрел-
ковой дивизии войск НКВД. Участник
операций по форсированию рек Невы,
Тосны, участник боев на Невском и
Ивановском «пяточках».

СТАРАЯ КРЕПОСТЬ ПРИХОДИТ НА ПОМОЩЬ

В декабре 1941 года я прибыл в крепость и находился в Орешке в течение полутора месяцев.

Каждый день, еле передвигая опухшие от голода ноги, мой саперный взвод выходил на работу.

Задания у нас были самые разные, но все одинаково опасные. Обычно мы отправлялись на правый берег Невы за боеприпасами и снарядами, там же заготавливали проволочные заграждения, потом на волокушах перетаскивали и устанавливали противопехотные заграждения вокруг крепости. Почти всегда гитлеровцы обнаруживали нас и открывали пулеметный огонь.

Крепость, конечно, тоже не молчала, но боеприпасов у нас катастрофически не хватало. Ведь это был 1941 год.

Я хочу рассказать о случае, когда старая крепость, которую мы защищали, сама пришла к нам на помощь.

Это был один из самых тяжелых дней. Ртутный столбик показывал минус 40 градусов. Продоволь-

ствие, патроны — все было на исходе. Еще два-три дня, и стрелять будет буквально нечем. Именно в тот день, когда все казалось таким безысходным, нам очень повезло. Несколько красноармейцев, бродя по подземелью, в одном из подвалов обнаружили настоящий клад — снаряды образца 1915 года. О находке доложили командованию крепости. Решение было принято сразу: немедленно приступить к обновлению снарядов, к их модернизации. Эта работа поручалась, естественно, нам, саперному взводу.

С большой осторожностью разряжали мы каждый снаряд. Помню, особым искусством отличался боец Сергей Александрович Голованов, один из опытнейших наших саперов. Его аккуратность, собранность, точность в работе были для всех нас примером, особенно для новичков. Мы отделяли от снаряда гильзу с порохом, потом отвинчивали головку и, наконец, оставляя шрапнель, вынимали взрыватель. В обезвреженный снаряд добавляли тол и более мощный взрыватель — получалась мина замедленного действия.

Днем, сидя в подземелье, мы вот таким образом готовили мины, а ночью в маскхалатах тремя группами, в каждой по шесть человек, выходили из Орешка. Одна группа подавала мины из крепости, другая переправляла их в нейтральную зону. Третья группа саперов занималась самым сложным — минировала поле. Все наши мины мы соединили общим шнуром, тянущимся к самой крепости, и с помощью подрывной машины, установленной во Флажной башне, мы могли теперь в любое время взорвать заминированное нами поле. Отныне путь к крепости для гитлеровцев был прегражден.

Белов Иван Иванович,

старшина запаса. В крепости находился с конца сентября 1941 года по март 1942 года. Участник боев на Карельском перешейке и за город Ригу. Войну закончил на острове Эзель в частях КБФ.

ТРУДНАЯ СЛУЖБА

Моя интендантская служба в Орешке началась так. Получив на складе продукты для гарнизона крепости, я с бойцом, фамилии его, к сожалению, уже не помню, отправился на шлюпке в Орешек.

С Ладоги дул сильный ветер. Шлюпку развернуло, подхватило сильным течением и понесло в Неву. Гитлеровцы заметили нас и открыли огонь из пулеметов. Трассирующие пули проносились вблизи. Одна пулеметная очередь перебила весло. Вторым мы гребли изо всех сил и с большим трудом добрались до острова. На причале нас встречали комиссар В. А. Марулин, старшина Г. Я. Кондратенко и боец С. Левченко. Они наблюдали за нами и уже готовились отправиться нам на помощь. К счастью, она не потребовалась.

Забот у меня всегда было много — на мне лежало обеспечение гарнизона продуктами, боеприпасами, одеждой. Доставлять все это на остров было нелегко.

Однажды мы с заместителем коменданта по снабжению старшим лейтенантом Федором Ивановичем

Зеленковым получили для бойцов теплое обмундирование. Было это днем. Валил густой снег. Начальник тыла полка капитан Жуков приказал выделить нам повозку и, прикрываясь снежной завесой, отвезти все на берег, где нас должна была ожидать шлюпка.

Когда до берега оставалось метров пятьдесят, снег прекратился. Мы в это время были на открытом месте, Скрыться было некуда. Фашисты увидели нас и открыли огонь. Над головой полетели снаряды. Только мы успели спрыгнуть с повозки, как снаряд разорвался у переднего колеса. Погибла лошадь, разнесло в щепки повозку и уничтожило все, что на ней было. Тут же заработал вражеский пулемет. Под огнем мы отползли в небольшой овраг, находившийся в стороне от дороги. В нем пришлось пролежать несколько часов, пока не стемнело. В сумерках вернулись в тыл полка. Доложили о случившемся капитану Жукову. Он приказал снова выдать нам обмундирование для орешковцев. Ночью на шлюпке мы все доставили в крепость.

Таких эпизодов за сто с лишним дней, проведенных в Орешке, у меня было много. Особенно трудно было, когда Нева еще не стала и по ней шли огромные льдины. Начнешь их обходить — и на фашистский огонь напорешься, а напрямую не пройти. Не раз пулеметные очереди прошивали борта шлюпки. А потом то в хлебе, то в одежде бойцы находили пули, осколки.

Хлопот по обеспечению нормальных условий жизни в крепости с каждым днем прибавлялось. Как-то вызвал меня комиссар и говорит:

— Старшина, необходимо организовать баню. Найдется подходящее помещение?

— Есть одно не очень разбитое здание, — отвечаю, — там, видимо, раньше пекарня была. Печь большая стоит. Может, ее и приспособим?

— Вот и отлично! Действуй!

Забili мы досками дыры от снарядов, ночью затопили печь, набросали в огонь камней. Накалили их и бросили в бочки с водой. В 2 часа ночи я доложил комиссару, что его приказание выполнено. Теперь нас волновало только одно — успеют ли до утра все вымыться? Но в последний момент вспомнили, что тазов-то нет. Пришла на помощь солдатская смекалка: вместо тазов использовали цинковые коробки из-под патронов.

Вроде бы великое ли дело — баня! А в то время это было очень нужно. Смыв грязь и копоть, бойцы сразу повеселели, подтянулись.

Особенность работы старшины в Орешке заключалась еще и в том, что хозяйственные задачи постоянно перемежались с боевыми. В январе—феврале 1942 года мне не раз приходилось во главе группы, в которую входили сержант Тюрин, рядовые Иванов, Гришаев, Левченко и другие бойцы, выходить на ладожский лед, отправляясь на разведку огневых точек противника. Нас обнаруживали, начинали обстреливать, а наши корректировщики в это время засекали места, откуда стреляли фашисты. Во время одной из таких вылазок в конце февраля я был ранен. Товарищи вынесли меня из-под огня, доставили в крепость. Потом меня отправили в санчасть в Морозовку. А когда вылечили, назначили в подразделение, охранявшее Дорогу жизни. Так я расстался с Орешком.

Куклин Иван Уварович,

бывший заместитель политрука взвода
разведки 2-го полка 1-й стрелковой ди-
визии войск НКВД.

В РАЗВЕДКАХ

Знакомство с крепостью

О такой огневой точке мог только мечтать каждый снайпер: позиция противника всего в сотне метров, а враг тебя не видит. Фашисты недоумевают — откуда стреляют? Им и в голову прийти не может, что два красноармейца забрались ночью на полузатопленную в Неве землечерпалку, стоящую у них под самым носом, и ведут оттуда огонь.

Попали мы на землечерпалку так. Накануне, после комсомольского собрания куста, в который входили роты автоматчиков, разведчиков, саперов и связистов, ко мне — комсомольскому секретарю — подошел невысокий крепыш:

— Комсорг, пошли со мной дразнить немцев.

— А как ты их думаешь дразнить? — спросил я.

— Видел землечерпалку на Неве, подбитую? Видел, да? Так вот, подберемся к ней ночью в лодке. А утром стрелять начнем. Пусть фашисты подергаются.

Идея показалась мне заманчивой. Получив «добро» от командира, мы той же ночью отправились к землечерпалке. С собой прихватили ручной пулемет, две винтовки с оптическими прицелами и глушителями да три ящика патронов.

До землечерпалки добрались благополучно. Спустились в кубрик, устроились на тюфяках, как будто специально для нас приготовленных. Тут только и познакомились по-настоящему друг с другом. Василий — так, помню, звали парня — был сибиряком. Он оказался разговорчивым собеседником, все о родных краях вспоминал.

Мне тоже было что рассказать. По тем временам — осень 1941 года — я был опытным бойцом. Участвовал в освобождении Западной Украины в 1939-м, в финской кампании, да и в эти несколько месяцев войны с фашистской Германией успел многое повидать. В составе парашютного десанта был выброшен в районе Полоцка в тыл врага, раненым попал в плен, дважды под пулями автоматов рыл себе могилу — так меня гитлеровцы стращали. Удалось бежать.

В сентябре сорок первого я был зачислен в отряд политбойцов Московского района, а затем попал во 2-й стрелковый полк 1-й стрелковой дивизии войск НКВД.

В разговорах прошла ночь. Когда начало светать, мы вылезли на палубу. Укрываясь за металлическими конструкциями судна, стали вести снайперский огонь по врагу.

Вот уже несколько часовых на берегу выведены из строя. Фашисты, обозлясь, начинают вести беспорядочный минометный огонь по правому берегу и по Орешку. Палят ожесточенно, грохот стоит неимоверный. А нам чем больше шума, тем дольше мы можем оставаться незамеченными.

Часов в двенадцать, однако, нас все же засекли. Фашисты обрушили на землечерпалку артиллерийский, минометный и пулеметный огонь. Били не переставая часа два. Мы в это время сидели в машинном отделении.

Как только гитлеровцы прекратили огонь, мы снова вылезли на палубу и вновь стали охотиться за ними. Но враг был уже начеку. Не успели мы сделать и нескольких выстрелов, как над нашими головами засвистели пули. Потом гитлеровцы опять начали минометно-артиллерийский огонь. Мы снова спустились в машинное отделение. Вскоре огонь был прекращен. Я тогда сказал Василию:

— Идем скорее наверх, а то они могут попытаться живьем нас забрать...

Василий первым вылез на палубу.

— Комсорг, лодка с немцами плывет к нам! — крикнул он.

— Вася! За пулемет!

Мой напарник послал из пулемета очередь. Все шесть гитлеровцев, находившиеся в лодке, были убиты. Тогда фашисты опять открыли по землечерпалке артиллерийский огонь. Один из снарядов попал в борт и разворотил его. Землечерпалка накренилась. Половину машинного отделения и кубрик, в котором мы отдыхали, залила вода. Больше укрыться было негде, а тут еще пошел сильный дождь. Уйти с землечерпалки мы не могли — наша лодка была разбита и затонула, виднелась лишь ее цепь... К тому же Василий был ранен.

Наступило утро. Обстрел не прекращался. Чтобы как-то оповестить своих, что мы живы, мы вывесили окровавленную рубашу Василия на мачту. В ожидании помощи прошел день — голодный и, как показалось тогда нам, последний наш день. Мы замерзали.

Патронов осталось совсем мало. Однако с наступлением темноты с правого берега подошла лодка и нас переправили в крепость. Так состоялось мое знакомство с Орешком.

Первая разведка

Те несколько месяцев, которые я провел в районе Орешка, слились сейчас для меня как бы в единое целое — разведка, разведка, разведка... Не счесть, сколько раз приходилось отправляться в тыл врага, и память моя с трудом выхватывает из непрерывной цепи повторяющихся событий более или менее точные даты и фамилии. Казалось бы, в каждой разведке было что-то свое, наиболее важное. И это верно. Но вспомнить, что именно было 15 ноября или, скажем, 20-го, кто именно взрывал тот или иной дзот, когда, в какую ночь погиб тот или иной мой товарищ, уже невозможно. И все же некоторые эпизоды, как, например, уже рассказанная история с землечерпалкой, врезались в память.

Еще о нескольких запомнившихся случаях я и постараюсь рассказать.

Первая крупная разведка, в которой я участвовал, была в ноябре 1941 года. Обычно в разведку ходили бойцы разведроты, автоматчики и саперы нашего полка, а также кто-нибудь из бойцов гарнизона Орешка. Выступали ночью из крепости, предварительно днем выяснив, появились ли у противника новые посты. Это было чрезвычайно важно, ибо гитлеровцы, измученные нашими постоянными ночными рейдами, изо дня в день меняли расположение постов, время смены караулов и численность караульных. Цель наших «визитов» к врагу была почти всегда одна — взять «языка». А работа наша оценивалась степенью инфор-

мированности пленного. Поэтому добыча офицера была наиболее желательной.

В ту ночь в тыл отправились две группы. В первой — группе захвата — Первухин, Двоеглазов, Кондратенко, Степан Левченко и я. Первые двое — из нашей разведроты, Кондратенко и Левченко — бойцы крепости, я — от автоматчиков. Командовал группой старший лейтенант Шеповалов, командир роты разведчиков. Шеповалов был опытным командиром. Он участвовал в гражданской войне, на Халхин-Голе и с белофиннами дрался. Нелегко ему давалась разведка — возраст брал свое, и на базу, в штаб полка, после разведки он возвращался всегда последним, уставал сильно. Но это когда назад уже шли. А когда шли в разведку, комроты всегда был в группе, которая решала основную задачу. Я не погрешу против истины, если скажу, что вылазки, которыми руководил Шеповалов, редко заканчивались неудачей.

В ту ночь Шеповалов возглавлял группу захвата. Во второй группе шли бойцы разведроты Смирнов, Колесов, Евдокимов, Ермаков, два связиста, два сапера и санитарка Груша.

К расположению гитлеровцев двинулись по Ладожскому озеру по заранее намеченной трассе. Так как лед был еще очень тонок, то трассу готовили заранее — две ночи наращивали лед, поливая его водой.

Группа захвата подползла к расположению передового вражеского охранения и замерла. В темноте виднелось оконце землянки. Оно то светилось, то гасло. Мы не могли понять — в чем дело? Подползли ближе и обнаружили, что от землянки к землянке ходил часовой. Он-то и перекрывал свет в окошке.

Мы ждали, когда часовой подойдет поближе. А он не спешил. Нам же двигаться в его сторону было нельзя — мы рисковали выдать себя.

Наконец гитлеровец приблизился к нам. Все произошло в один миг. Первухин вскочил и ударом головой в живот свалил часового на землю. Я бросился связывать ему ноги, Кондратенко и Левченко — руки... Однако фашист был силен. В одно мгновение он оттолкнул меня ногой, отбросил остальных руками, вскочил на ноги. Гитлеровец работал кулаками так, что к нему было не подступиться, при этом он пятился назад. Тут я увидел, что в направлении, куда отходил фашист, находится ров. Как только гитлеровец оказался в нескольких метрах от рва, я ударил его головой. Часовой упал в ров, мы прыгнули вслед за ним. При падении фашист успел крикнуть. Взлетела осветительная ракета. Так как в этот миг мы все находились во рву, фашисты нас не заметили.

Двоглазов оглушил часового. Мы подтащили гитлеровца к озеру. Пленный вскоре пришел в себя. За пазухой у него оказался маузер. И вновь борьба.

Обезоружив фашиста, мы, как могли, пригрозили ему, что при сопротивлении он будет убит. Пленный неожиданно для нас сказал по-русски: «Понял» — и после этого вел себя спокойно.

На половине пути мы увидели, что гитлеровец хромает. Оказывается, в пылу схватки фашист каким-то образом остался без сапога. Кондратенко дал ему свой шерстяной носок, Первухин портянку. Так и довели его до крепости, откуда отконвоировали дальше, в штаб полка.

Пусть не покажется читателю странной такая «забота» о пленном фашисте. Как я уже говорил, «язык» являлся той единственной целью разведки, ради которой мы подвергали себя смертельной опасности. И уж если мы добывали пленного — иногда ценою жизни товарищей наших, — то затем делали все возможное, чтобы доставить его в штаб невредимым.

Наши «языки» не раз давали показания огромной важности. Правда, об этом мы узнавали позднее, когда участники вылазки получали благодарности командования и правительственные награды...

Наконец мы в своем штабе. Уже рассвело, и можно рассмотреть пленного. Мы увидели суровое, в шрамах лицо немолодого человека. Лет ему было около сорока. Комиссар Миледин и командир полка Золотарев предложили ему раздеться. Гитлеровец скинул шинель, и мы увидели у него на груди Железный крест, а у петлиц болталась маленькая серебряная рукавичка. Кресты такие мы уже видели, а вот серебряных рукавичек видеть не приходилось. Наше внимание польстило пленному, и он с гордостью проговорил: «Я чемпион Пруссии по боксу», а затем неожиданно для всех произнес:

— У меня было оружие, но я его не применял и потому заслуживаю снисхождения.

Золотарев посмотрел на меня — в этот момент я стоял рядом с гитлеровцем.

— Ну разве ты успел бы применить оружие, когда такие богатыри тебя брали, — и, улыбаясь, показал на меня.

Фашист искоса взглянул на меня, лицо его скривилось: очень уж маленьким казался я рядом с ним. Да и остальные товарищи мои были ему до плеча.

Миледин поблагодарил нас за выполнение задания и отпустил отдыхать.

Будни разведчиков

К сожалению, не все наши вылазки заканчивались успешно.

Вспоминаю одну из таких разведок. В основной группе шли замполитрука роты автоматчиков

Белоглазов, лейтенант Двоеглазов, бойцы Смирнов, Цветков и я. Поддерживавшую группу составляли автоматчики, два связиста, несколько саперов и санитарка Груша Афанасьева.

По озеру, скованному льдом, шли довольно долго. Затем повернули к берегу и увидели вражеских часовых. Их было человек семь-восемь. Однако внезапность, как всегда, принесла успех, — мы сняли часовых прежде, чем они успели поднять тревогу.

Быстро проскочив передовые позиции, мы притаились в ходе сообщения, который вел в землянку. Оттуда доносился шум, выкрики. Цветков, знавший немного немецкий язык, перевел некоторые фразы. Гитлеровцы отмечали какое-то полковое событие: смеялись, громко пели песни. Вдруг блеснул свет в открытой двери. Из землянки вышел офицер и по траншее пошел прямо к нам. Раньше, чем он нас увидел, Смирнов ударил его по голове. Офицер упал, мы потащили его к озеру. Оттащили его с полкилометра. Он даже не шевельнулся. Живой ли?

— Послушай, Смирнов, — сказал Двоеглазов, — не перестарался ли ты? «Язык» не дышит.

— Не может быть, — ответил Смирнов, — я его бил с осторожностью.

Вдруг гитлеровец вскочил на ноги, выхватил из кармана пистолет, выстрелил в стоявшего на его пути автоматчика и побежал. Догонять его было бесполезно. Берег, занятый врагами, озарился вспышками выстрелов. Тревога! Надо уходить.

На этот раз мы, разведчики, явно сплеховали. Успокоенные легкостью, с которой нам достался «язык», мы не только забыли о таком важном элементе, как постоянный контроль за пленным, но даже не разоружили его. А ведь мы были не новичками.

В суровые декабрьские дни в нашем полку развернулось движение истребителей. Во всех подразделениях прошли комсомольские и партийные собрания, на которых обсуждался лозунг: «Почет бойцу, который уничтожит одного врага, слава тому, кто уничтожит десять гитлеровцев, и вечная благодарность тому, кто уничтожит сотню фашистов!»

Были открыты лицевые счета снайперов. В первый же день снайперской стрельбы молодой солдат Пьянков убил восемь фашистов, я — троих. Комендант крепости Чугунов и комиссар Марулин перед строем поставили нас в пример.

На второй день истребителей стало больше. К нам присоединились Первухин, Смирнов, Ермаков, еще несколько бойцов. Бойцы-снайперы вели огонь с крепостной стены. Мы приходили сюда в свободное время, занимали излюбленные места в расщелинах и иногда часами выслеживали противника.

С крепостных стен вражеские позиции представляли перед нами как на ладони. Мы могли наблюдать смену постов, передислокацию небольших подразделений, движение автомашин. Поэтому перед группой истребителей-разведчиков командование поставило особую задачу: совмещать снайперскую работу и разведку.

Три-четыре раза в день противник, как по расписанию, открывал массированный огонь по крепости. Кроме того, гитлеровцы начинали обстрел крепости после каждого удачного выстрела нашего снайпера. Снаряды и мины ложились так густо, что истребителям приходилось на время укрываться в казематах. Бойцы шутя говорили:

— Немцев залихорадило. Надо малость передохнуть...

Прекращался обстрел, и снайперы снова появлялись на стенах. Для истребителей-разведчиков часы

обстрела были самым горячим временем. Мы, укрываясь на стене, засекали вражеские огневые точки, наносили их на карту.

Собранные нами в крепости сведения об огневой системе противника пополнялись во время трудных и ответственных разведок боем. И по своей задаче, и по своему исполнению такая разведка резко отличалась от охоты за «языком».

В разведку боем я ходил всего один раз. В вылазке участвовали тогда солдаты разведроты и островного гарнизона, всего около 100 человек. На задание вышли с наступлением темноты. Возглавлял группу, как всегда, Шеповалов.

Я оказался крайним с правого фланга. И потому уже на подходе к берегу, занятому врагом, первым столкнулся с гитлеровцем, который нес на плече ручной пулемет. Мы встретились на таком близком расстоянии, что неизбежно все должно было решиться рукопашной схваткой. Фашист замахнулся пулеметом, собираясь обрушить на меня всю его тяжесть. Но я ловко увернулся и ударил врага штыком. Убедившись, что противник больше не поднимется, я поспешил догнать ушедшую вперед нашу группу.

В это время заговорили вражеская артиллерия и минометы. Это было как раз то, что требовалось. Теперь наши корректировщики из крепости и с правого берега Невы засекут огневые точки противника. На будущее. На завтра. А завтра артиллеристы разберутся с этими огневыми точками.

Со стороны крепости в небо взвилась зеленая ракета. Это сигнал к отходу. Задача разведки боем была выполнена.

Прошло несколько дней после этой вылазки. Однажды в штаб вместе с командиром разведроты вызвали меня. Так как политрук Белоглазов погиб в одном из

недавних боев, мне предложили принять временно обязанности замполита роты.

Разведчики обычно называли меня Уварычем, по моему отчеству. Сначала я поправлял, говоря, что моя фамилия — Куклин. А потом надоело. Так и пошло: Уварыч да Уварыч. Как-то даже штабной писарь, выписывавший красноармейскую книжку, позвонил в наше подразделение и спросил:

— Какое отчество у Уварыча?

После этого бойцы долго смеялись.

Итак, я стал не просто разведчиком, а в какой-то степени и воспитателем.

Запомнился мне один случай из воспитательной работы.

Самым молодым среди нас был Боря Ситник. Ему едва исполнилось семнадцать лет. До войны он учился на первом курсе ленинградского обувного техникума. Был он впечатлительным парнем, что, впрочем, свойственно в его возрасте многим.

Как-то после сильного вражеского обстрела я вышел из землянки и увидел плачущего навзрыд Бориса. Спрашиваю:

— Что случилось, Ситник?

Борис молчал.

Я обнял его, отвел в сторону и говорю:

— Боишься, Боря, что тебя убьют? Каждый этого боится. Но все же не надо себя живого оплакивать. Каждый из нас, разведчиков, ежедневно подвергается опасности.

Я рассказал ему, в каких переделках приходилось бывать его же товарищам, в том числе и мне самому.

— Но видишь, — говорил я молодому солдату, — я живой, и фашистов буду бить, пока в груди стучит сердце... Мы с тобой, Боря, еще дадим прикурить гитлеровцам...

Так говорил я, а сам думал: эх, мальчуган, тебе бы в лапту играть. Но идет суровая, страшная война, и мы с тобой солдаты...

Борис Ситник внимательно слушал меня. Потом тихо сказал:

— Спасибо за добрые слова!

Борис Ситник со временем стал хорошим бойцом. Много позже ему довелось воевать тут же, на Неве, но ниже по течению, на знаменитом «пяточке» у Дубровки. Мне рассказывали, что он дрался геройски.

Санитарка Груша

Груша Афанасьева была постоянной спутницей разведчиков в их нелегких походах. Правда, если вылазка кончалась неудачей, бойцы невесело подшучивали, что, дескать, во всем виновата санитарка Груша: есть же такое морское поверье — если женщина на борту, удачи не будет.

И все-таки все были рады, когда в следующую вылазку с нами снова шла Груня. Разведчики относились к ней с уважением и братской любовью. Кто называл ее ласково мамашей, кто — невестой, а большинство — нашей сестричкой. Знали, что она в самую опасную минуту не даст раненому истечь кровью, вынесет из-под любого огня. Удивительно было видеть, как она несет на руках обеспамятевшего солдата, который ростом намного больше ее.

Груша была физически исключительно сильным человеком.

Как-то, когда мы отдыхали в крепости, на тыловом бережку, к нам подошел моряк-артиллерист и предложил:

— А ну, ребята, с кем побороться?

Белоглазов ему ответил:

— Что уж нам с тобой тягаться! Вот, может, с нашей санитаркой поборешься?

Груня, посмеиваясь, затянула потуже фуфайку и подошла к артиллеристу:

— Ну, что ж, браток, давай схватимся.

Мы не успели глазом моргнуть, как в воздухе мелькнули ноги матроса и он плашмя грохнулся на землю.

— Повторить? — спрашивает Груша.

— Нет уж, я сыт, — смущенно ответил артиллерист, поднимаясь и отряхивая снег, — ну и силища же у тебя, — почтительно сказал он санитарке. — С тобой в любом бою не страшно!..

...Это была очередная разведка. Завязалась рукопашная схватка во вражеских траншеях. Нас поддерживали минометчики из крепости. Они заставили замолчать огневые точки противника и, таким образом, дали нам возможность отойти.

Мы потеряли троих товарищей убитыми. Двоих тяжело ранило. Груша их вынесла из боя, хотя у нее самой была прострелена рука.

Прошло несколько дней — разведчикам долго отдыхать не дают, — и снова мы попали в переделку на ладожском льду. И снова с нами была наша Груша.

Мы возвращались после выполненного задания в крепость. В нескольких сотнях метров от острова нас нащупали вражеские автоматчики и огнем прижали ко льду. Лежим час. Мороз страшный. Чувствуем, замерзаем. Лежим неподвижно, тихо. Чуть шевельнуться — пули свистят. Тоскливо нам стало.

И вдруг Груня тихонько запела:

На Муромской дорожке стояли три сосны...

Слова были немудреные, мотив тоже, и мы тиконько подхватили. Будто теплее стало.

— Ну, как, языки не примерзли? — спрашивает Груня.

— Языки-то нет, а до вечера нам тут не просидеть, — ответил Шеповалов, — совсем окоченеет...

Положение складывалось отчаянное. Сумерек ждать нельзя — замерзнем.

Решили по сигналу всем броситься одновременно в разные стороны. Так и сделали. Вражеские пулеметчики не давали нам подняться. Мы ползли. Сил на это передвижение затратили много, зато разогрелись так, что от нас пар валил.

Вот и крепость. Усталые, обессиленные, едва добрались до первой землянки, растянулись на нарах. Груша, хотя устала не меньше нашего, все же нашла силы отпаивать нас чаем, растирать спиртом.

В следующей разведке я был тяжело ранен осколком снаряда. Уже на нашем берегу Груша на руках перенесла меня в санчасть. Более двух суток я был без сознания. Первым, кого я увидел, когда пришел в себя, была Груня. Я слышал, как она сказала кому-то:

— Просто чудо, что он еще жив...

— Не собираюсь умирать! — ответил я.

Санитарка наклонилась ко мне:

— Ну, давай я тебя покормлю...

Обидным мне показалось это — «давай покормлю», я хотел что-то сказать, но снова потерял сознание.

Так начался мой другой солдатский путь, госпитальный: Мельничный Ручей, Колтуши, госпиталь в Ленинграде в Александро-Невской лавре. Затем Ладожским озером меня переправили в Кобону, а оттуда в Бокситогорск. Далее — Пермь и Нытва. Здесь, в Нытве, на пятый месяц после ранения, я начал передви-

гаться на костылях... Солдат стал инвалидом Отечественной войны.

Я не был бойцом гарнизона Орешка, но в крепости бывал часто, подружился со многими бойцами. И сейчас вместе с ними я часто приезжаю в крепость. Там вспоминаем Цветкова и Кондратенко, Степана Левченко и многих других. Одни остались здесь навечно, других война разбросала так, что нам и до сих пор не встретиться. Среди тех, кого мы до сих пор не разыскали, но каждый раз вспоминаем с чувством огромной теплоты и благодарности, — наша сестричка Груша.

Кочаненков Петр Никитович,

капитан запаса, с 7 ноября 1941 года по январь 1943 года — командир 409-й артбатареи КБФ. Участник боев под Синявином и по освобождению Эстонии. Войну закончил в частях КБФ на острове Эзель.

Я — КОМАНДИР 409-й

Почти полтора года снаряды и мины врага перепарывали клочок земли, на котором, кроме горстки сражавшихся бойцов, не осталось ничего живого — ни птиц, прежде гнездившихся в разбитых крепостных стенах, ни деревьев, росших на живописных берегах Невы. Крепость Орешек... Сюда, на передний край обороны Ленинграда, на небольшой островок в верховьях Невы, привели однажды дороги войны меня, молодого 24-летнего командира.

...В начале ноября 1941 года (в самый канун 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции) после выписки из ленинградского госпиталя я, бывший командир огневого взвода флотских зенитчиков, был направлен в распоряжение командира 302-го отдельного морского артиллерийского дивизиона. Здесь я получил назначение в Шлиссельбургскую крепость в качестве командира 409-й морской батареи.

Шлиссельбургская крепость... Александр Ульянов, Серго Орджоникидзе, Павлин Виноградов... Исто-

рию крепости и историю ее узников я знал из учебников.

И вот я на Ореховом острове, в крепости. Она занимает выгодное тактическое положение, возвышаясь над городом Шлиссельбургом. Гарнизон крепости может контролировать действия противника в этом районе, срывать его попытки форсировать здесь Неву или выйти на Ладожское озеро, связывавшее Ленинград с Большой землей... Запомнилась первая встреча с новыми боевыми товарищами. Вхожу в высокое куполообразное помещение подземелья Королевской башни — «кубрик». От группы бойцов отделяется среднего роста моряк в бушлате и мичманке. Его почти юношеское худощавое лицо выглядит усталым. Но представляется он бодрым голосом:

— Военком батареи — Морозов Алексей Григорьевич!

Затем он знакомит меня с личным составом батареи. Старшина первой статьи Свитанков — исполняющий обязанности командира, младший сержант Коношкин — командир второго орудия, пулеметчик Кулагин, наводчик Шкляр, заряжающий Пушкарев... Люди разных возрастов и профессий, различных национальностей и характеров, из различных уголков страны. Они окружают меня, дружески улыбаются, знакомятся.

Мы беседовали до глубокой ночи. А затем, не раздеваясь, бойцы легли спать. В кубрике холодно, сыро. Под куполом башни снуют летучие мыши. Я лег тут же на нарах. Но, как часто бывает, когда попадаешь в новую обстановку, уснуть удалось не сразу.

Рано утром мы все были на ногах. Я отправился принимать батарею. Оказалось, что из четырех пушек, о которых мне говорили в штабе, в строю — две. Но и эти, считавшиеся боеспособными, были поражены

осколками мин и снарядов. Ни на одной пушке не было прицелов.

— Значит, вы стреляете из этих пушек? — спросил я.

— Да, стреляем.

Приказал открыть огонь по переднему краю противника. Свитанков указал Конюшкину цель и дал команду: «Фугасным, огонь!»

Не отрывая глаз, следил я за работой командира орудия. Присев на корточки, он открыл замок. Потом через канал ствола навел орудие на группу фашистов, на глаз придал ему угол возвышения, зарядил и произвел выстрел. Быстро укрывшись за орудием, Конюшкин наблюдал за попаданием (а точнее, за непопаданием!) снаряда. Заметив большой перелет, он начал снова делать наводку через канал ствола.

У меня вопросов не было. Все было ясно: требовалось в кратчайший срок восстанавливать батарею. Очень пригодился мне опыт прежней службы в должности старшины группы комендоров на одном из кронштадтских фортов. Переходя от орудия к орудю, я показывал, как нужно разбирать механизмы пушки, советовал, как лучше исправить ту или иную деталь.

К ночи 10 ноября 1941 года все четыре орудия были полностью отремонтированы и собраны.

Теперь нужно было определить, где стоять орудиям. Вместе с комиссаром лазим по казематам, по стенам и башням крепости, выбирая места для огневых точек. Закончив предварительный выбор позиций, возвращаемся в кубрик. При тусклом свете коптилки обсуждаем и записываем свои соображения о размещении орудий. Найти оптимальный вариант расположения пушек, чтобы бить прямой наводкой по врагу и оставаться неуязвимым, — дело сложное. И найти нужно раз и навсегда — корабельные пушки с места на место

не очень-то переставишь. Думали все вместе. Прикидывали так и этак. Нашли вроде. Осталось последнее — физически самое сложное — устроить основания для орудий, поднять пушки.

Из чего сделать основания для установки орудий? Чем поднять пушки? Как и чем их закрепить? Весь личный состав принимал участие в решении этих вопросов. Вносились десятки самых различных предложений. Пушкарев, до войны работавший плотником в колхозе, не только предложил, как сделать быстро основания для орудий, но и вместе с тремя другими бойцами их изготовил.

Артиллеристы на руках втаскивали орудия в Королевскую башню, где они устанавливались на восьмиметровой высоте. Трудно, очень трудно было поднять пушки. Но подняли. За шестиметровой толщей башни пушки оказывались почти неуязвимыми для огня фашистов, а обзор отсюда был хорош. Здесь же, на башне, устроили наблюдательный пункт. Одно орудие установили в расположенной в южной части крепости Флажной башне, — место не хуже первого! В толстых древних стенах мы пробили амбразуры. Матросская смекалка, мужество и находчивость помогали во всех делах.

Среди батарейцев необыкновенной силой отличался матрос Николай Клементьев. Огромный детина — кося сажень в плечах — был незаменим, особенно в такелажных работах, требовавших огромного физического напряжения и выносливости. С Николаем связан один из эпизодов, относящихся к жарким дням становления батареи.

На небольшом, разбитом снарядами противника пирсе нашего острова лежали ствол 45-миллиметровой пушки и поворотный механизм. Забрать эти части с пирса и доставить их в крепость казалось делом

почти невозможным: пирс был на виду у гитлеровцев. Малейшее движение на нем вызывало немедленный шквальный огонь. Но нам надо было во что бы то ни стало перетащить ствол и поворотный механизм на огневую позицию батареи. Мы надеялись собрать и ввести в строй еще одну пушку. Но, как говорится, видит око, да зуб неймет.

— Поручите это мне, товарищ командир, я обману фашистов! — обратился ко мне Николай.

Я не знал, что ответить. Риск был чрезмерно велик, посылать бойца на верную, казалось мне, гибель я не решался. Но Николай смотрел на меня умоляюще, в его глазах можно было прочесть обиду: мол, не верит командир в мои возможности. Посовещался с комиссаром. Разрешили.

Получив «добро», Клементьев куда-то исчез, затем снова появился и долго ходил, что-то высматривая, высчитывая, прикидывая.

Наступил вечер. В темноте Николай по-пластунски пополз к пирсу. Гитлеровцы сразу открыли огонь. Под непрекращавшимся обстрелом Николай установил на рельсы вагонетку — вдоль стен крепости проходила узкоколейная линия, — а затем положил на нее ствол и поворотный механизм орудия. (Всего одна фраза, как видите, понадобилась мне, чтобы описать действия героя-матроса, а тогда нам, наблюдавшим из-за укрытий, часы, проведенные Клементьевым на пирсе, казались вечностью.) Погрузив ствол на вагонетку, Николай прикрепил к ней трос и ползком, сжимая его в руке, добрался до укрытия. Оттуда подтянул вагонетку, и нужные части пушки оказались у нас.

Девять суток моряки трудились без устали, отдыхая всего по два-три часа. Девять суток продолжалась работа, от которой зависели наши дальнейшие действия. Наконец огромная по объему работа закончена:

произведены демонтаж, ремонт и установка на новые позиции всех орудий батареи. Наступил торжественный и знаменательный для нас день — 19 ноября, день боевого крещения заново рожденной 409-й морской артиллерийской батареи крепости Орешек.

С утра командиры орудий Конюшкин, Воробьев, Снетков, Карпенко еще и еще раз тренируют расчеты непосредственно у пушек. Проверяют действия каждого номера в отдельности. У всех приподнятое настроение.

В полдень батарея должна дать залп по огневой точке, значившейся у нас под номером пять. Это был дзот противника, который вел систематический и довольно точный огонь по крепости. Приняв доклады от командиров орудий о хорошей работе материальной части, я приказал приготовить по четыре фугасных снаряда. Уточнив наводку по цели, дали один за другим четыре батарейных залпа. В журнале боевых действий появилась запись: «19 ноября. Батарея открыла огонь по врагу в Шлиссельбурге».

Огневой налет оказался удачным — вражеский дзот был уничтожен. Гитлеровцы ответили ураганным огнем, который не утихал несколько часов. Никогда раньше не видел я такой плотности разрывов. Казалось, ничто не должно было уцелеть. Но кончился обстрел и выяснилось, что противнику не только не удалось уничтожить ни одной нашей пушки, но и нанести им какие-либо заметные повреждения.

Яростный обстрел батареи явился проверкой боем, проверкой на прочность наших позиций.

Первый экзамен 409-я батарея сдала на «отлично». От командира дивизиона пришла первая благодарность нашим артиллеристам. Однако мы не успокаивали себя этим, знали, что будущее окажется тяжелее: во-первых, враг постарается покончить с нами

более действенными мерами, чем беспорядочный обстрел; а во-вторых, нашей-то целью было не отсиживание за крепостными стенами и редкие огневые вылазки, — предстояло решать тактические задачи командования.

Потянулись привычные для солдата фронтовые будни. Через узкие щели бойниц днем и ночью мы зорко следили за каждым шагом врага. Он здесь, совсем рядом. Казалось, протяни руку — и схватишь вон того фашиста, нахально разгуливающего в какой-то сотне метров от нас. Невооруженным глазом мы различали на левом берегу не только солдат противника, но и замаскированные вражеские дзоты и доты. На нашей карте стали появляться значки, указывавшие расположение огневых точек врага, стоянки машин в Шлис-сельбурге, места солдатских кухонь.

Как-то мы провели огневой налет в момент раздачи пищи, когда у одной из кухонь скопилось несколько десятков гитлеровцев. В другой раз наблюдавший матрос Колбасин заметил, как в одном доме на южной окраине города собираются фашистские офицеры. Подождав, когда в доме собралось побольше гитлеровцев, мы открыли огонь. Прямыми попаданиями фугасных снарядов дом был разрушен. Позднее мы узнали, что там проходило офицерское собрание и что было уничтожено более тридцати фашистов.

Все это были одиночные налеты, артиллерийские наскоки, но и они досаждали врагу, создавали нервную обстановку.

Вспоминается такой случай. Начались морозы. Мы уже несколько дней были отрезаны от своих, по реке шел сплошной лед. Как-то огромная льдина застряла поперек левого рукава реки, образовав «мост» между крепостью и передним краем врага. Откровенно говоря, мы с комендантом гарнизона опасались, как бы

противник не воспользовался этим «мостом» для форсирования Невы и высадки десанта в крепость. Но оказалось, что гитлеровцы сами опасались десанта со стороны Орешка. Во всяком случае, вражеская артиллерия вдруг открыла сильный огонь по этой льдине. Фашисты так усердно обрабатывали лед, что через час левый рукав Невы стал совсем чистым.

Трудно сказать, что думал о нас враг. Действительно ли он полагал, что имеет дело с крупным гарнизоном, который до поры до времени не показывает все свои силы? Или считал, что уничтожит обитателей острова в любой подходящий момент, когда найдет нужным? И хотя по внешним признакам становилось ясно, что от попыток овладеть крепостью гитлеровцы пока отказываются, обстановка все-таки требовала максимальной бдительности — уж очень близко был противник. Возможность высадки вражеского десанта постоянно тревожила нас: боеприпасов оставалось все меньше.

Много размышлял я над нашим положением в те трудные дни. Но никогда у меня не было и тени сомнения в людях, которыми мне было поручено командовать. Да и можно ли было сомневаться в бойцах, сумевших под жесточайшим огнем врага отремонтировать и установить орудия! При этом я ни разу не слышал жалоб на усталость и чрезвычайно неблагоприятные даже для военного положения бытовые условия. Не сомневался я и в том, что быстро станут умелыми, закаленными артиллеристами прибывавшие к нам необстрелянные бойцы нового пополнения.

...Это был один из обычных дней. Обнаружив подходящую цель, расчет 76-миллиметровой пушки выкатил орудие на открытую позицию.

В этом комсомольском расчете было три друга: упорный и хладнокровный в бою командир орудия и

секретарь комсомольской организации Николай Конюшкин; застенчивый и скромный, как девушка, молодой матрос наводчик Николай Перепелкин и заряжающий — белокурый весельчак, рязанский колхозник Павел Соков. С ходу ударили по засеченной наблюдателями пулеметной амбразуре. На вражеском берегу в воздух полетели земля и обломки бревен.

Враг ответил яростным огнем. Одна мина разорвалась у самого щита орудия. Взрывная волна сбила Перепелкина, он упал, но сейчас же поднялся и снова бросился к орудию. Осколком ранило Конюшкина — это уже во второй раз. Превозмогая боль, сержант продолжал управлять огнем, перенеся его на вторую линию траншей. Несколько точных выстрелов. Глухой, но мощный взрыв. Столб пламени и обломки взметнулись к небу: уничтожен склад боеприпасов.

В ответ на огневой налет комсомольского расчета справа из-за леса начинает бить тяжелая артиллерия противника. Больше часа длился артиллерийский обстрел. Разрушены стены Четвертого корпуса бывшей каторжной тюрьмы. Снаряды со зловещим грохотом рвутся внутри крепости...

В один из таких ответных налетов осколком снаряда фашисты сбили развевавшийся над крепостью красный флаг, установленный на полуразрушенной колокольне.

Вновь водрузить флаг оказалось не просто. Одна из стен колокольни была разрушена, и взбираться на нее приходилось на виду у врага.

— Кто возьмется водрузить флаг? — обратился я к матросам.

Вызвались многие. Но первым — Шкляр.

Затаив дыхание, смотрели мы, как матрос поднимается по отвесной стене, цепляясь за выступы. Фашисты заметили его и открыли огонь из автоматов и

пулеметов. Пули ложатся вокруг, завихряя белую пыль. Кажется, Шкляр находится в смертельном кругу. Уже в нескольких местах пробит флаг, который смельчак поднимает за собой, привязав полотнище к поясному ремню. Матрос то ползет, прижимаясь к стене, то становится на колени в проломах, чтобы дать отдохнуть пальцам рук. Ловкость и точность его движений просто поразительны. На самом верху он лег на край выступа и быстро начал крепить полотнище к штырю, оставшемуся на месте разрушенного купола.

— Товарищ командир, ваше задание выполнено! — через несколько минут докладывает Шкляр.

Я люблюсь матросом. А у него лицо, руки в ссадинах, одежда прострелена в нескольких местах.

— Как ты уцелел, черт тебя знает! — вырывается у Морозова. А Шкляр пожимает плечами:

— Ничего такого страшного не заметил, товарищ комиссар!

Мы оба обнимаем и целуем матроса.

И снова реет красный флаг над крепостью. Развевается на ветру и зовет нас быть стойкими и мужественными, сражаться без страха и усталости, до полной победы.

* * *

...Рос и креп боевой коллектив батареи. Почти ежедневно пополнялся наш личный состав. Прибывших быстро знакомили с обстановкой, помогали им в освоении материальной части. Новенькие быстро вливались в дружную семью бойцов, становились полноправными хозяевами Орешка.

28 ноября 1941 года. Казалось, медленнее, чем обычно, опускалась на крепость звездная морозная ночь. Люди взволнованы, у всех приподнятое

настроение. Еще с вечера связной доставил в крепость приказ командира дивизиона: подавить огневые точки на одном из участков переднего края обороны противника, обеспечить северо-восточнее города Шлиссельбурга прорыв линии обороны лыжному полку моряков, наступавшему по льду Ладожского озера.

Состоялся короткий митинг.

В оставшееся до начала боя время обхожу орудия. Это последний инструктаж перед открытием огня. Каждому орудью даны цели, многие из которых у нас пристреляны. Держись, враг!

23.00. Моряки под командованием майора Маргелова вышли на ладожский лед. По условному сигналу все орудия крепости обрушили огонь на врага. Залпы 409-й слились воедино с залпами артиллерийских и минометных батарей гарнизона. Прямой наводкой бьем по находящимся в укрытиях орудиям врага, по амбразурам пулеметных точек, по землянкам и блиндажам. Расчищаем путь морским пехотинцам.

Из-за Преображенской горы по крепости ведет огонь тяжелая артиллерия фашистов. Каменная пыль и дым разъедают глаза. Но в черном дыму у орудий звучат команды Воробьева, Конюшкина, Шелепня, Сергеева.

По условной зеленой ракете переносим огонь на вторую, а затем на третью линию вражеских траншей. Нервы напряжены до предела. На 30-градусном морозе всем жарко. Матросы сбросили полушубки. Лица почернели от гари и пыли. Только сверкают глаза и зубы.

Оглушительный грохот. У орудия младшего сержанта Воробьева разрывается шестидюймовый снаряд противника. Воробьев и заряжающий Козлов убиты. Тяжело ранен подносчик снарядов Родионов.

Осколками снаряда разорвало грудь наводчика Клементьева — нашего великана, смелого и веселого человека. Умирая, он сказал подбежавшему комиссару: «Снаряд там... в орудии...» Комиссар отдает команду:

— За кровь товарищей — огонь!..

Бой утих перед рассветом. Гарнизон крепости уничтожил в эту ночь немало огневых точек противника и десятки гитлеровских солдат и офицеров.

Отряд моряков-лыжников, как нам рассказывали, выполнил боевую задачу. Они взорвали склады боеприпасов, истребили свыше трехсот фашистов. Сам отряд имел незначительные потери. Правда, несколько тяжелораненых моряков, не замеченных в темноте товарищами, остались на поле боя. Но всех их, как потом выяснилось, укрыли советские люди — жители Шлиссельбурга.

Уже после войны стал известен подвиг семьи рабочего Петра Васильевича Шпирина. Эта семья спасла одного из моряков. Славные советские патриоты вылечили балтийца, добыли ему гражданскую одежду, документы и помогли перейти на нашу сторону. Но нашелся предатель, который донес обо всем этом в фашистскую комендатуру. Гитлеровцы зверски расправились с семьей рабочего: Шпирин, его жена Варвара Семеновна и пятеро детей были расстреляны, а их трупы повешены на столбах в центре города с надписью: «Расстреляны за укрывательство советского моряка».

...В сумерках раннего ноябрьского вечера во дворе цитадели был выстроен личный состав батареи. Мы отдавали последние воинские почести павшим в бою Воробьеву, Клементьеву, Козлову. Короткий траурный митинг. И вновь гремят залпы наших орудий. За товарищей! За Ленинград! За Родину!

16 января 1942 года. Вечереет. Ладожское озеро и Нева запорошены снегом. Сегодня нам снова предстоит «обрабатывать» передний край противника. Ночью стрелковый батальон 1-й дивизии войск НКВД прямо из крепости будет осуществлять разведку боем. Артиллеристам Орешка поставлена задача — обеспечить батальону прорыв вражеской обороны.

В 20 часов — построение перед боем. Кратко объявляю задачу.

— Вопросы есть?

— Нет.

— Больные есть?

Молчание. Вижу в строю командира второго орудия Конюшкина. После контузии батарейный фельдшер запретил ему временно участвовать в боевых действиях. Спрашиваю:

— Почему не в лазарете?

— Я, товарищ лейтенант, здоров, честное слово здоров. Вот хоть у ребят спросите... А в лазарет я сейчас не могу идти!..

В полночь стрелковый батальон начал наступление. Пехотинцы в маскировочных халатах устремляются к переднему краю противника. На откосе берега у фашистов целая цепь дзотов. Гитлеровцы открывают шквальный огонь и заставляют залечь наступающих бойцов. В это время прицельный огонь орудий крепости обрушивается на вражеские дзоты. Темп стрельбы так высок, что стволы орудий накаляются. Один за другим дзоты врага подавлены.

Батальон устремляется в глубь вражеской обороны.

Командир стрелковой дивизии Герой Советского Союза полковник Трубачев, находившийся у меня на командном пункте, восхищается работой батарейцев:

— Молодцы! Спасибо, орлы!

Батальон до рассвета возвратился на правый берег. Приказываю батареям отдыхать. Но спать никто не ложится.

В кубрике идет оживленный разговор, моряки делятся впечатлениями и переживаниями.

К концу ночи наши наблюдатели доложили мне, что обнаружили на льду Невы тяжелораненых бойцов, которые в темноте, по-видимому, отстали от батальона. Раненые находились метрах в двухстах пятидесяти от траншей противника и примерно в четырехстах — от крепости. Они закопались в снег, решив, очевидно, ждать до вечера.

— Замерзнут, — сказал оказавшийся рядом со мной Шкляр. — Товарищ командир, разрешите доставить раненых в крепость!

— Нельзя... Сами погибнете и их не выручите.

— Товарищ командир, разрешите! Даю честное слово, меня не убьют.

Я не мог отказать. Вместе с ним вызвался пойти наш кок матрос Пахомов — тоже отчаянный храбрец.

Они поползли в маскировочных халатах, буксируя санки, покрытые простыней. Зарываясь в снег, как кроты, целый час добирались до раненых. Когда стали укладывать их на санки, фашисты заметили смельчаков и открыли огонь. Но моряки сумели довести дело до конца.

Весна 1942 года. Прошел ладожский лед. Растаяла зимняя автомобильная трасса — Дорога жизни, сослужившая верную службу Ленинграду. Ее заменила летняя дорога — водная. Артиллерия противника с такой же настойчивостью, как она обстреливала ледовую трассу, продолжала ожесточенно обстреливать трассу водную. Фашисты прилагали все усилия, чтобы перерезать артерию, питавшую Ленинград. Зимой гитлеровцы били по машинам, теперь — по судам.

Перед нашей батареей ставилась задача — подавлять вражеские огневые точки, ведущие огонь по Дороге жизни. Нам вменялось в обязанность также засекать дальнобойные батареи, стрелявшие по трассе, и передавать сведения о них в дивизион. Расположение Орешка позволяло просматривать побережье на значительном участке. Из крепости мы могли наносить фашистам чувствительные удары и, пользуясь своим выгодным положением, вели неравные для наших скромных огневых средств поединки с батареями врага. Метким огнем мы принуждали противника менять расположение своих огневых точек и уходить на закрытые от нас позиции.

25 мая 1942 года по Ладоге шли наши корабли. С заозерной высоты батарея гитлеровцев открыла огонь.

— А ну, потягаемся! — кричу я нашим снайперским расчетам.

Стоя на командном пункте, пристально смотрю в бинокль. Крестик сетки прирос к буторку, за которым вспыхивали огоньки выстрелов неприятельских орудий. Два наших разрыва блеснули чуть правее.

— Лево два... Залп!

Артиллеристы стараются изо всех сил. По их лицам катятся крупные капли пота. И вот далекий сильный разрыв потряс воздух. Над фашистской батареей встал столб дыма с языками пламени.

— Вознеслись в небо! — ликует комиссар.

Вечером из штаба дивизиона подтвердили, что вражеская батарея взлетела на воздух от взрыва боеприпасов. Мы гордились тем, что вновь смогли помочь людям, работавшим на Дороге жизни.

Меткий огонь и неуязвимость батареи гарнизона раздражали гитлеровцев. Фашисты использовали все средства для того, чтобы покончить с нами. Чувствовалось, что огневые налеты и бомбардировки крепости

были тщательно спланированы и планы эти выполнялись аккуратно. Стреляли они по квадратам, методически перемалывая старые камни крепости.

Огневые атаки сменялись атаками пропагандистскими. На колокольне церкви в Шлиссельбурге, напротив Орешка, гитлеровцы устанавливали мощные громкоговорители и обращались к нам: «Герои крепости, ваше сопротивление бесполезно, сдавайтесь, германское командование помилует вас...» Мы слышали и лесть, и уговоры. С вражеского берега доносились и угрозы: «Превратим вас в прах!», «Сдавайтесь, иначе крепость утром сровняем с водой — будет буль-буль!» Такие угрозы вызывали только улыбки.

Но бывало и не до улыбок.

17 июня в 6.00 начался жесточайший, небывалый еще по силе, обстрел крепости. Разрывы 305-миллиметровых снарядов сотрясали крепостные стены. Шквал артиллерийского огня продолжался более шести часов, не утихая ни на минуту. Черная гарь и дым заволокли небо.

Крепость не отвечала на вражеский огонь. Мы берегли свои силы — вдруг противник пойдет на штурм. Усилил посты наблюдения и огневые точки, оборудованные в стенах и в Королевской башне крепости, я приказал личному составу батареи укрыться и быть готовым к решительным действиям.

Страшный это был день. Вот загорелся боезапас. Посылаю людей тушить пожар. Спешим туда и мы с комиссаром. Буквально на ощупь пробираемся вдоль стены к складу. В горло лезет удушающий дым. Шкляр, Горев, Пахомов подносят воду. Водой и песком тушат огонь.

Не успели справиться с пожаром здесь — загорелся склад с минами. Тушить огонь бросился комиссар с матросами. Мины на складе начали рваться.

Матрос Корольков устремился на помощь товарищам в облако дыма и вскоре вынес на руках раненого матроса. Затем он снова пропал в огне горящего склада и вынес оглушенного комиссара.

Только обезопасили склад с минами, как вновь возник пожар у ящиков боезапаса. Трижды в этот день мы спасали снаряды!

Бешеный обстрел крепости оборвался внезапно. Позже мы узнали, что фашистов заставили замолчать дальнобойные орудия флотских батарей Барбакадзе и Туманова. На войне так часто бывает: вой снарядов, взрывы, ад крошечный, и вдруг — мертвая тишина. И тебе кажется, что нет никакой войны, что лишь снился страшный сон и этот сон позади. Но... ты выходишь из укрытия и снова возвращаешься к действительности.

Когда я начал осматривать батарею, передо мною открылась страшная картина: разрушены стены, под большой насыпью переломанного камня были похоронены два 76-миллиметровых орудия. Взрывной волной сбросило 45-миллиметровую пушку с Королевской башни, ее ствол мы нашли у самой воды. Были разрушены командный пункт, камбуз и столовая.

Ночь после тяжелого дня, после жесточайшего вражеского обстрела была заполнена работой по восстановлению боеспособности батареи. Мы ремонтировали орудия и устанавливали их на новые места, строили склад для боезапаса. И вновь батарея вела напряженные артиллерийские бои.

* * *

Давно все это было — 30 лет назад. Но, вспоминая Орешек, хочется еще раз сказать хотя бы о некоторых наших замечательных людях.

Выдержка и уверенность в себе, в товарищах, поистине железная стойкость были характерными чертами каждого члена нашего боевого коллектива.

...Матрос Сергеев со снайперской винтовкой уже два часа подстерегал фашистского пулеметчика, пристроившегося на противоположном берегу за большим камнем. Этот пулеметчик доставлял нам много хлопот: он засел напротив крепости и бил прямо по амбразуре Флажной башни, где у нас была установлена 45-миллиметровая пушка.

Начался обстрел крепости. Осколок мины раздробил Сергееву ногу. Он упал на колено и в тот же самый миг увидел, что здоровенный гитлеровец за камнем начал передвигать пулемет. Матрос, преодолевая боль, прицелился, опершись на выступ стены. Пуля попала прямо в фашиста. Только после этого матрос пошел на перевязку.

Не меньшую выдержку и дисциплинированность проявляли старшина Косаченко, матросы Колбасин и Коньков.

...Любили на батарее нашего почтальона комсомольца Володю Конькова. Это был самый юный батарец крепости. Каждое утро я слышал по телефону доклад наблюдающего: «„Сокол“ отходит!» Это Володя на маленькой прогулочной шлюпке, имевшей на борту сохранившееся с мирных дней название «Сокол», отправлялся на правый берег, на полевую почту. Едва шлюпка появлялась на середине реки, гитлеровцы начинали стрелять по ней из автоматов и пулеметов. Но Коньков, искусно маневрируя, невредимым прорывался к правому берегу. Бывали случаи, когда ему приходилось добираться обратно в крепость вплавь, и, несмотря ни на что, письма и газеты доставлялись батарецкам в целости и сохранности.

...Особенной храбростью отличался матрос Иван Горев, человек с железным характером, негибаемой волей. Однажды — дело было зимой — поблизости от крепости упал на лед сбитый нашими зенитчиками фашистский самолет. Горев под огнем противника подполз к нему, снял с самолета автоматическую пушку, прихватил боезапас и целехоньким возвратился в крепость. А на другой день эта пушка стреляла по фашистам. Да еще как!

...Все любили на батарее комиссара Алексея Григорьевича Морозова. Матросы прозвали его «морской душой». И он действительно был душой нашего маленького боевого коллектива. Успевал он бывать всюду. Во время боя, в трудные минуты комиссар был на самых опасных местах, обходил оружейные расчеты, подбадривая людей теплым словом, а если нужно было, сам становился к орудию вместо раненого бойца.

Много было на батарее храбрецов и умельцев, искусных воинов, находчивых, ловких. И Родина помнила о них!

10 сентября 1942 года. Вечером, когда утихла артиллерийская дуэль, как обычно, звоню в штаб дивизиона, сообщая, какие цели накрыты за день. Но командир дивизиона перебивает:

— погоди, дорогой! — И продолжает с неожиданной для меня торжественностью в голосе: — Товарищ Кочаненков, поздравляю вас с высокой правительственной наградой — орденом Ленина. Сегодня получен приказ командующего Краснознаменным Балтийским флотом. Поздравьте и товарищей. Орденами Красного Знамени награждены Морозов, Конюшкин, Шкляр, Шелепень...

Я несвязно от волнения говорю в трубку слова благодарности.

— Подожди, не перебивай, — басит комдив. — Орденом Красной Звезды... Ясно? Медалью «За отвагу»... Записал? А теперь повтори, какие цели накрыты...

У нас праздник. Матросы поздравляли друг друга с правительственными наградами. Коньков доставил с почтой несколько экземпляров флотской газеты, где опубликован приказ о награждении орденами и медалями батарейцев. Во всю страницу газеты крупный заголовок: «Здесь реет знамя русской славы! Бить врага, как батарейцы Шлиссельбурга!»

В кубрике на доске, где всегда вывешивается стенная газета, появился в этот день «Боевой листок», на который была наклеена вырезанная из флотской газеты заметка «Балтийский счет». В ней говорилось:

«За год боевых действий 409-й морской артиллерийской батареей уничтожено: 33 ротных и батальонных вражеских миномета, 54 пулеметные точки, 8 артиллерийских батарей. Прямым попаданием в амбразуры моряки-батарейцы Орешка взорвали 9 немецких дзотов и дотов. На боевом счету батарейцев взорванные автомашины, склады боеприпасов. Моряки десятки раз вели огонь по скоплениям живой силы противника, уничтожили более 1000 фашистских солдат и офицеров. Это — снайперская батарея».

Устраиваем торжественный ужин. В кубрике собрался весь личный состав батареи, кроме находившихся на вахте наблюдателей. Но противник срывает ужин — открывает по батарее сосредоточенный артиллерийский и минометный огонь. Ничего не поделаешь, торжество приходится отложить.

Даю команду: «Батарея, к бою!» Люди быстро занимают свои места.

Шестнадцать месяцев наша батарея вела напряженные бои за Ленинград. Шестнадцать месяцев мы вместе с бойцами батальона чекистов сдерживали на ответственном участке бешеный натиск врага, намного превосходившего нас по численности и силе огневых средств. И вот наступил январь 1943 года. Прорвана блокада Ленинграда!

«На днях, — сообщило 18 января Совинформбюро, — наши войска, расположенные южнее Ладожского озера, перешли в наступление против немецко-фашистских войск, блокировавших город Ленинград.

...Прорвав долговременную полосу противника глубиной до 14 километров и форсировав реку Неву, наши войска в течение семи дней напряженных боев, преодолевая исключительно упорное сопротивление противника, заняли город Шлиссельбург...»

В боях за взятие Шлиссельбурга непосредственно участвовала и наша батарея. Всю силу своего огня она обрушила на траншеи, дзоты, скопления вражеских войск. Разгоряченные боем, моряки не чувствовали усталости, не снижали скорострельность.

Вскоре из 86-й стрелковой дивизии Трубачева, бравшей город, пришла лаконичная радиограмма: «Красноармейское спасибо от всей дивизии за флотский огонек. Идем вперед!» 409-я морская батарея выполнила свою последнюю боевую задачу.

В крепости наступила необычная тишина. Там, где недавно встать во весь рост значило погибнуть, теперь стало безопасно, как в глубоком тылу. И уже не было больше необходимости в существовании самой нашей батареи.

После расформирования батареи ее личный состав вошел в другие артиллерийские части. В последний

раз моряки проходили по разрушенным бастионам, прощаясь со старой крепостью. Было и радостно, и грустно.

Радостно потому, что мы выстояли, выполнив клятву, которую дали в те тяжелые дни, когда пришли в старую крепость.

А грустно потому, что расходился по разным частям наш спаянный боевой коллектив, в котором все мы прошли боевую закалку и крепко сдружились.

Омельчук Марк Афанасьевич

подполковник запаса. Находился в гарнизоне крепости Орешек с марта по апрель 1942 года. Участник боев на Ленинградском и других фронтах.

В «СЕКРЕТЕ»

Бои под Пулковом в ноябре сорок первого года кончились для меня госпиталем. Прележав больше месяца на лазаретной койке, я поправился и вскоре получил направление в Шлиссельбургскую крепость.

Начало марта 1942 года было выюжным. Небольшой отряд пополнения крепостного гарнизона вступил на ладожский лед в ночь с 5 на 6 марта. Ветер бросал в лицо колючий снег. Вокруг сплошная темь. Еле различаю спину идущего впереди бойца. Редкие ракеты со стороны противника с трудом прорезают ночную тьму. То в одном, то в другом месте слышны одиночные выстрелы, пулеметные очереди. Становилось не по себе. Я — бывалый солдат. Месяцы, проведенные под Пулковом, не прошли бесследно. Они закаляли меня, научили не бояться врага, его обстрелов, бомбежек. Но там я знал, где враг, знал, где можно укрыться от бомбы или снаряда. А здесь, на льду, я чувствовал себя одиноким и безоружным.

Когда перед нами выросли стены крепости, показалось, что гора с плеч свалилась.

Несмотря на позднее время, группу встретил комиссар В. А. Марулин. Нас провели в кухню, накормили. Пока мы ели, комиссар расспрашивал, кто где воевал, откуда прибыл. Утром я увидел, что внутри крепости многие здания разрушены. Всюду возвышались груды битого кирпича. Вначале я не обратил внимания на то, что орешковцы передвигаются по крепости по определенным маршрутам. Я пересекал центр крепостной площадки поперек.

— Стой! — услышал я окрик.

У стены стоял невысокого роста горбоносый боец. Он махнул мне рукой, подзывая к себе, и показал, что нужно пригнуться. Согнувшись, я побежал к нему. И в этот момент поблизости разорвалась мина.

— Зачем, дорогой, ходишь неосторожно? Так убить могут. А жизнь беречь надо. Пригодится.

Так я познакомился со своим наставником, ставшим мне другом, грузином Гурамом Обуладзе. Он взял надо мной опеку, остальных пришедших со мной обучали другие ветераны Орешка.

Через несколько дней я получил первое боевое задание. Мы с Гурамом были назначены в «секрет». Не было на острове места более неприятного, чем этот маленький блиндаж, расположенный впереди крепостной стены, обращенной в сторону левого берега Невы. Один пулемет — вот и все наше вооружение. Да и из него стрелять нельзя. В «секрете» нужно сидеть тихо. Наша задача — только наблюдать за тем, что делают гитлеровцы, и по телефону сообщать о замеченном на НП.

То ли со страху, то ли для профилактики гитлеровцы периодически поливают наш берег пулеметным огнем. Трассирующие линии прорезают ночную

темноту и исчезают над нашим блиндажом. Эти огневые точки врага нам хорошо известны. Обуладзе рассказывает, что крепостные орудия подавляли их уже не раз, но через какое-то время они оживали снова.

Вдруг во время вспышки очередной ракеты я замечаю, как гитлеровцы нахально, во весь рост несут бревна к бровке Ново-Ладожского канала.

— Гурам, видишь? — спрашиваю напарника.

— Вижу, дорогой. Наверное, новую точку строят.

— Доложи на НП.

— Зачем? Стрелять все равно не будут. Разве не знаешь, что у нас лимит на боеприпасы?

— Какой лимит? Долбануть их, и дело с концом! — горячусь я.

— Попробуй позвони, может тебе повезет. Ориентир укажи.

Звоню. Докладываю дежурному. Тот внимательно выслушивает. Переспрашивает:

— У ориентира номер два? Так, теперь вижу. Но огня открывать не будем. Мин нет. Лимит израсходован.

— Товарищ командир! — кричу в трубку. — Так ведь завтра гады из этой новой точки нас бить будут! Ну, мин нет, так позвольте из нашего пулемета шархнуть.

— Ты что! — взрывается дежурный. — Приказа не знаешь — из «секрета» не стрелять! — И положил трубку.

Обуладзе видит мое огорченное лицо, улыбается. В этот момент над нами раздается шипение, и мины одна за другой летят на левый берег. Мы понимаем: дежурный с наблюдательного пункта все-таки доложил на батарею о скоплении противника. Видим разрывы, падающих гитлеровцев. Все стихает. Мы с Гурамом внимательно следим за берегом. Ежимся от

холода. Поочередно греемся одним ватником. Топчемся на месте, чтобы не замерзли ноги. И так до утра.

Таких ночей, проведенных в «секрете», у меня было тридцать. После одной из них я пришел в крепость один.

...Мы возвращались из «секрета». Прошли траншею, ползком добрались до бастиона Головина. До западных ворот осталось несколько метров, которые нужно было проскочить. Тут я услышал, как сзади что-то мягко упало. Это был Гурам Обуладзе. Фашистский снайпер не промахнулся...

Перед самым ледоходом меня вызвал комендант и приказал отправляться в Морозовку. Я получил назначение в школу младших командиров. Но какими бы фронтовыми дорогами я ни шагал потом, я всегда вспоминал трудные ночи Орешка, своих боевых друзей и в первую очередь Гурама Обуладзе.

Стулов Василий Андреевич,

*полковник запаса, комендант гарнизона
крепости с февраля по август 1942 года.*

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Назначение комендантом крепости я получил во второй половине февраля 1942 года лично от тогдашнего командира 1-й дивизии войск НКВД Героя Советского Союза полковника В. А. Трубачева. Этим подчеркивалась особая важность и ответственность моей новой должности. На следующие сутки я был уже в штабе полка, которому подчинялся гарнизон крепости. Сидел в штабе долго, ждал, пока не наступят сумерки, и часто выходил на берег Невы, смотрел на крепость. В Орешке время от времени грохотали разрывы, часто доносились звуки перестрелки пулеметчиков. Над кирпичной громадой Орешка висело тяжелое темное облако с красноватым отливом. Имея за плечами некоторый фронтовой опыт, мне нетрудно было представить, что происходило в крепости...

Наконец сумерки стали постепенно сгущаться. Когда стемнело совсем и крепость как бы растворилась в ночной темени, меня позвал дежурный:

— Вот, знакомьтесь: связные из крепости. Будут сопровождать вас.

Связные представились:

— Рядовой Левченко.

— Ефрейтор Устиненков.

Признаться откровенно, мне они поначалу показались мешковатыми, нерасторопными и не очень-то искушенными в военных делах. Но люди не зря говорят: чаще всего первое впечатление обманчиво.

Стоило нам покинуть штабную землянку, ступить с берега на лед Невы, как от этого первого впечатления и следа не осталось. Шедший впереди Устиненков довольно строго предупредил:

— Самостоятельно дорогу не выбирайте, идите по моим следам, товарищ капитан.

Мои провожатые уверенно вели меня по извилистой невидимой тропинке, умело обходили промоины во льду и проруби, пробитые снарядами.

Мы, наверное, и 100 метров не прошли, как повисли над Невой осветительные ракеты противника, совсем рядом с визгом пролетели пули, а потом запоздало донесся стук пулеметов. Чуть в стороне с сухим треском стали рваться мины. Мои провожатые ускорили шаг, а я задержался на какой-то миг, чтобы посмотреть, откуда ведут огонь. И тут же услышал повелительный голос Устиненкова:

— Быстрее, быстрее, товарищ капитан!

Я догнал их, поинтересовался:

— И часто они так обстреливают?

Левченко был разговорчивее своего товарища и с готовностью ответил:

— Разве это обстреливают? Пугают только. А бывает так, что и пройти нельзя, лежишь и лед нюхаешь.

А Устиненков поторапливал:

— Быстрее, быстрее, товарищ капитан! Мы же отвечаем за вас...

Порядок есть порядок, и мне по душе пришлась эта деловая строгость ефрейтора Устиненкова, ставшего в скором времени моим связным.

В командование гарнизоном я вступил в то нелегкое и тревожное время, когда у всех еще не изгладилось из памяти тягостное чувство после гнусной измены Рыжова.

Мы имели все основания опасаться, что противник, узнав о небольших силах гарнизона и нашей постоянной острой нужде в боеприпасах, предпримет попытку овладеть крепостью. Приняв это во внимание, мы вынуждены были строить новые огневые точки: вручную — ломами, молотками, зубилами — долбили многометровые стены. Труд был адский. Но люди работали днем и ночью, подчас рискуя жизнью, и в короткое время справились с ответственным заданием. Несколько огневых точек было оборудовано перед крепостной стеной на флангах у башен Флажной и Головина, — теперь уже можно было вести огонь не только перед стеной, но и по стенам крепости, если враг вздумает штурмовать ее. Подразделения, огневые точки, а также пристань переправы соединили подземными ходами сообщения. Все эти меры позволили резко сократить наши потери, несмотря на то что противник усилил обстрелы крепости. Но самое главное, мы теперь были готовы отразить любую провокацию врага.

Насчет провокаций фашисты были большие мастера. Как-то в начале марта или конце февраля 1942 года, теперь уже не помню точно, они вдруг ослабили огонь по крепости. Мало того, в одну из ночей вообще не стреляли. Нам с комиссаром, естествен-

но, эта необычная тишина показалась весьма подозрительной.

— Это, Василий Андреевич, не иначе как перед бурей затишье. Какую-то великую гадость готовят нам фрицы, — сказал Марулин.

Я отдал распоряжение об усилении постов и всеобщей готовности в любую минуту занять свои боевые места. Поделив фланги — я взял левый, мы с комиссаром отправились проверять посты. Службу наши бойцы несли хорошо. Но успокоиться все-таки мы с комиссаром не могли: уж очень тихо кругом. Только вернулись с проверки, как с наблюдательного пункта доложили:

— На окраине Шлиссельбурга загорелся дом.

Я тут же вышел на НП. Теперь в Шлиссельбурге горело уже два дома. Через несколько минут вспыхнул третий. Когда на НП пришел комиссар Марулин, огнем были охвачены уже четыре дома. И, что характерно, все они располагались на окраине города, вдоль переднего края обороны противника. Что бы это значило? Вскоре вспыхнули еще два дома. Так и пылали до утра эти шесть гигантских костров...

Глядя на пылающие дома, я вспомнил: некоторое время назад с этой же примерно линии, теперь обозначенной пожарами, доносились звуки, похожие на удары лома, иногда топора. Я заглянул в журнал боевых действий и там нашел записи, говорившие об этих же звуках. Да и Марулин подтвердил, что слышал что-то подобное...

Какая была связь между этими крайними противоположностями — между «строительными» звуками и горящими теперь домами? Оказалось — самая прямая.

Ранним утром следующего дня на крепость вдруг обрушился огонь невиданной до этого силы. Стреляло

одновременно несколько десятков стволов крупного калибра. Некоторые из тяжелых орудий вели огонь прямой наводкой с заранее подготовленных позиций, оборудованных сзади домов, сожженных ночью, другие — с закрытых позиций. Их поддерживали десятки пушек и минометов среднего и малого калибров. Четыре часа свирепствовали вражеские артиллеристы. За это время они выпустили по крепости около 1300 снарядов, и 150 из них — тяжелых. В результате жесточайшего обстрела врагу удалось разрушить часть крепостных стен и некоторые здания внутри крепости, вывести из строя несколько огневых точек.

Мы не знали, с какой целью учинил врат эту жестокую огневую обработку. Может быть, готовился к штурму? Поднятые по боевой тревоге бойцы и командиры заняли свои места, готовые в любую минуту к отражению вражеского штурма. Какая нужна была крепкая воля, несокрушимая стойкость и мужество, чтобы не дрогнуть! И наши люди не дрогнули, выстояли, да ко всему прочему еще нанесли врагу немалый урон.

Противник, твердо уверенный в том, что неожиданным и мощным огневым налетом гарнизон крепости подавлен и деморализован и что осталось только добить его, подтянул пушки к самому переднему краю обороны и нахально выкатил их на открытые позиции.

Мы незамедлительно воспользовались этим. Наши славные снайперы Соболев, Боярский, Долинский, Глазман, Устиненков, Левченко, занявшие боевые позиции на третьем этаже Г-образного корпуса, меткими пулями уничтожили орудийную прислугу. Беспощадным огнем наши и морские артиллеристы заставили замолчать несколько вражеских орудий. Не отставали от артиллеристов и минометчики.

Дорого обошлась гитлеровцам придуманная ими затея.

В середине июня фашисты несколько раз обращались к гарнизону по радио, призывая нас прекратить «бессмысленное сопротивление» и сдаться на их фашистскую милость. Даже обещали взамен этого награду: сохранить нам жизнь. Мы отвечали огнем. Тогда гитлеровцы от словесной агитации перешли на язык артиллерийских орудий.

Особенно памятным для всех нас был день 17 июня 1942 года. В течение шести часов фашисты держали крепость под ураганным артиллерийским огнем. За это время они выпустили 248 тяжелых снарядов и более 1000 мин и снарядов среднего калибра.

Из множества героических эпизодов, которыми был так богат этот незабываемый день 17 июня 1942 года, в моей памяти сохранился следующий. В разгар жесточайшего обстрела снарядом перебило подводный кабель, и связь с правым берегом оказалась прерванной. А связь в такие напряженные и опасные минуты особенно необходима. Но я уже смирился с мыслью, что сейчас ее восстановить невозможно, хочешь не хочешь, а придется ждать затишья, ждать, пока противник перебесится.

Тут ко мне обращается молодой командир, недавно появившийся в гарнизоне вместо выбывшего командира артиллерийского взвода. Фамилию этого молодого командира я забыл, но ветераны Орешка недавно напомнили ее — Платов. Так вот, этот Платов просит дать ему разрешение опуститься на дно Невы в противогазе и срастить перебитый кабель. Я посчитал это несбыточной мальчишеской затеей и разрешения не дал. Лейтенант Платов продолжал доказывать и настаивать. Мы с комиссаром Марулиным рискнули

«взять грех на душу» и разрешили Платову провести эту рискованную операцию, но только с одним обязательным условием: если поврежденный кабель находится в неглубоком месте и для сращивания его не потребуется долгого пребывания на дне реки.

Лейтенант Платов с двумя связистами и двумя бойцами из своего взвода вышел к месту обрыва кабеля на двух лодках. Не менее тридцати минут новоявленные водолазы один за другим ныряли в холодную воду, пока не наткнулись на оборванные концы кабеля и не подняли их на поверхность. Пока они ныряли, а потом сращивали кабель, отлично видевший их противник засыпал ныряльщиков минами и снарядами. Но связь была восстановлена — люди сделали то, что казалось абсолютно невозможным...

Совершить нечто, казалось бы, невозможное, и тоже на Неве, выпало на долю моего находчивого и отчаянно смелого связного Евгения Устиненкова.

Это произошло в июле.

Старшина Васильев и ефрейтор Устиненков возвращались на шлюпке с правого берега в крепость — переправляли, как водится, продукты и почту. Был в лодке еще командир взвода морской батареи лейтенант Афанасьев. Не успели они отойти от берега и на 100 метров, как пулемет противника открыл по ним прицельный огонь. Гребцы изо всех сил налегли на весла, стремясь поскорее выйти из зоны обстрела. Но не успели. Длинная очередь прошла шлюпку, и она начала тонуть. Все трое спрыгнули в воду. Старшина Васильев, побывавший до этого во многих перделках, не умел плавать. Он погиб первым.

Лейтенант Афанасьев поплыл в сторону крепости. Одежда и обувь сковывали движения, а бурное течение сносило пловца в сторону противника.

Я дал команду дежурной лодке выйти на помощь. Два матроса сели на весла, и лодка быстро пошла к тонущему лейтенанту. Когда до него оставалось не больше десятка метров, один из матросов лег на нос шлюпки и вытянул руку, готовясь подхватить Афанасьева. В этот момент вражеский пулеметчик ударил по лейтенанту длинной очередью. Афанасьев скрылся в глубине, вода окрасилась кровью...

Судьба третьего из разбитой шлюпки — ефрейтора Устиненкова — некоторое время оставалась неизвестной. Что же произошло с ним?

Впоследствии выяснилось следующее. Выпрыгивая из шлюпки последним, Устиненков поясным ремнем зацепился за уключину. Лодка тут же перевернулась, и Устиненков оказался под нею. Перевернувшаяся лодка устойчиво держалась на воде. Отдышавшись и не отпуская борта, Устиненков вынырнул из-под лодки. Осмотрелся, оценил обстановку и стал усиленно грести одной рукой в сторону правого берега, выводя шлюпку из сильного течения.

Прошел не час и не два.

Силы человеческие не беспредельны, и они стали покидать Устиненкова. Шлюпку отнесло к большому камню. Собрав скорее не остатки сил — их не было, — а всю свою волю, Устиненков плечом прижал шлюпку к камню, свободной рукой скинул сапоги, расстегнул пуговицы на одежде. Ремень с пистолетом и полевую сумку с боевыми документами и почтой повесил через плечо, оттолкнулся от камня и снова стал грести к правому берегу. Прошло еще несколько часов. А невская вода и летом не такая уж теплая...

В какой-то миг его сознание выключилось, наверное в тот момент, когда ноги его коснулись твердого

дна возле правого берега. Он не помнил, сколько времени пролежал у кромки воды недвижимый, как мертвец. Пришел в себя, когда стало пригревать утреннее солнце. Осмотрелся: до траншеи на крутом берегу нет и 30 метров. Но как преодолеть эти метры на виду противника да еще усеянные минами? Вспомнил рассказы бывалых саперов, осторожно и очень медленно пополз вперед, так медленно, чтобы у наблюдателей на вражеском берегу сохранилось впечатление, что прибитое водой тело лежит на месте. Сжавшись в комок, хотел рвануться вперед. Но тут застрочил вражеский пулеметчик. Чтобы усыпить его бдительность, Устиненков не меньше получаса лежал неподвижно, притворившись убитым. Чутье подсказало нужный момент, и Устиненков сделал стремительный бросок в прибрежную траншею...

Долго отогревался и никак не мог отогреться окоченевший Устиненков в землянке. Солдаты, окружившие его, верили и не верили ему — слишком уж неправдоподобными были подробности его многочасовой борьбы с неминуемой смертью. Борьбы, где его шансы на спасение были равны нулю... Солдаты накормили его, чем могли, напоили горячим чаем...

Устиненков не стал засиживаться у гостеприимных бойцов, хотя очень хотелось спать. Он пересилил себя и через некоторое время без пилотки и сапог, но с оружием и боевыми документами в руках явился к командиру полка и подробно доложил о случившемся. Ночью, к нашей огромной радости, он был уже в крепости. Отоспавшись и отдохнув, на следующий день снова стал нести свою нелегкую службу связного, почтальона, снайпера и разведчика...

Подобное тому, что рассказал я о группе лейтенанта Платова, срастившей телефонный кабель на

глазах у врага, и о подвиге ефрейтора Устиненкова, случалось не каждый день. Но ежедневно происходили случаи, в которых проявлялись стойкость, отвага, смелость, мужество, находчивость, высокая сознательность и верность воинскому долгу бойцов нашего гарнизона.

Служил в Орешке немолодой солдат, бывший колхозник Идиат Атаулин. Его пулеметная точка с кодовым названием «Ива» была оборудована в крепостной стене, чуть выше береговой насыпи острова, как раз против центральной улицы Шлиссельбурга. Ни днем ни ночью не давала врагу покоя эта беспощадная «Ива». Гитлеровцы много раз пытались уничтожить опасную для них огневую точку, на нее ежедневно обрушивались десятки снарядов. В конце концов часть крепостной стены упала, камнем завалило амбразуру. Дождавшись темноты, Атаулин выбрался за стену и начал осторожно растаскивать камни и кирпичи, расчищая сектор обстрела. Не всегда удавалось убрать камень бесшумно — иной камень срывался и с грохотом летел вниз. Тогда с вражеского берега взлетала ракета и начинал строчить пулемет. Атаулин не возвращался под защиту крепостной стены до тех пор, пока полностью не очистил сектор обстрела.

И никому из своего расчета не позволил он выполнять эту рискованную работу. Молча отмахивался, а когда бойцы начинали протестовать, он говорил:

— Моя не понимает, — и хитро улыбался...

...Морские батарейцы Кочаненкова отличались и боевой смекалкой, и воинским мастерством, и знаменитой морской отвагой. Мы всегда чувствовали крепкую поддержку моряков и в бою, и в повседневной

жизни. Это были верные и надежные боевые товарищи...

Около семи незабываемых месяцев пробыл я комендантом гарнизона славного Орешка. В конце сентября 1942 года наша дивизия готовилась к наступлению. Я был отозван в штаб и получил новое назначение — помощника начальника разведотделения дивизии.

Расставаться с орешковцами было тяжело. Но приказ есть приказ...

Канашии Иван Иванович,

майор запаса, артиллерист. В крепости находился с апреля 1942 года по январь 1943 года. Участник боев под Синявином, Кингисеппом, Нарвой.

ТРИ СНАРЯДА НА ОРУДИЕ

Наша группа пополнения прибыла в поселок Морозовка, когда на Неве ледоход был в самом разгаре. Из-за этого мы просидели на переправе двое суток. На третьи сутки река очистилась, но нас поджидала другая беда: ветер разогнал тучи, и переправу залило лунным светом. Чтобы благополучно провести лодку, обмануть противника, от шлюпочника требовалось немало мужества, ловкости, смекалки. Лодки отчаливали от берега в тот момент, когда появившееся в небе облако заслоняло луну, а следующее двигалось за ним на небольшом расстоянии. Луна лишь на мгновение вырывалась из первого облака и сразу же окутывалась вторым. В эти короткие мгновения гребцы не бросали вёсла, но все сидевшие в лодке пригибались к ее днищу.

В шлюпке нас было семеро. На веслах сидел коренастый боец, управлявший лодкой с необыкновенной ловкостью. После каждого взмаха вёсла абсолютно бесшумно ложились на воду. Лодка быстро продвигалась вперед.

галась вперед, и, наверно, все бы обошлось хорошо, не выдай ее на самой середине протоки предательский лунный свет.

Вражеские наблюдатели заметили лодку и немедленно по всей переправе открыли огонь из минометов. Тяжелый осколок, ударив в одно из весел, разнес его вдребезги. Лодка закружилась на месте. Шлюпочник мгновенно схватил запасное весло. Лодка выровнялась и снова рванулась вперед. Но тут гитлеровцы открыли перекрестный огонь. Пули прошили лодку от носа до кормы, к счастью никого не задев. Лодка дала течь, но мы успели благополучно добраться до крепости.

Других бойцов из прибывшей группы в ту ночь переправить на остров не удалось. Их доставили в крепость только через неделю.

Меня зачислили вторым номером в расчет 76-миллиметрового орудия, установленного в воротах Государевой башни (огневая точка «Орех»). Командиром орудия был сержант Николай Калистратов, наводчиком Георгий Лопатин (он считался в крепости одним из лучших наводчиков), заряжающим Егоров, лафетным Эренбург, ящичными Подволков и Нехорошков.

Пушка была по огневым точкам противника, расположенным на Преображенском кладбище Шлисельбурга. Лопатин и Калистратов изучили этот район до последнего бугорка и нередко посылали снаряды точно в амбразуры вражеских дзотов. Но снарядов было мало. К тому времени, когда мы прибыли на остров, остался только неприкосновенный запас. Старшина батареи Григорий Попков и предложил попытать счастья на затонувшей осенью барже с боеприпасами. Из воды, ближе к правому берегу, торчала только ее корма... Командир батареи предупредил, что взрыватели снарядов могли от сильного удара встать

на боевой взвод. Но бойцы все-таки решили рискнуть.

Ночью старшина Попков подвел шлюпку к затонувшей барже и первым ушел под воду. Он несколько раз нырял, прежде чем обнаружил лаз в трюм баржи. Потом удалось снять под водой крышки с нескольких снарядных ящиков. Вода была обжигающе холодной. Лопатин едва захватил один снаряд, как ноги свела судорога. Все же он успел оттолкнуться и выплыть на поверхность. Раз по десять нырял каждый из бойцов, пока лодка не наполнилась снарядами. Тяжело осевшую под грузом лодку с трудом привели к крепости.

Такие рейсы повторялись несколько ночей.

В крепости снаряды тщательно осматривали. Бóльшая часть их годилась для стрельбы, и все они предназначались для 76-миллиметровой пушки. Артиллеристы повеселели. У Гриши Лопатина давно, как он говорил, чесались руки подкинуть фашистам «гостинцев»...

Орудие открыло беглый огонь и, не переставая, вело его в течение часа. Потом, через полчаса, расчет повторил «концерт», и так продолжалось целый день. Наблюдатели сообщили, что гитлеровцы всполошились, не понимая, видимо, чем вызвана такая активность русских артиллеристов.

Но не только противника это привело в недоумение. Последовал запрос и с нашего берега. Начальник артиллерии дивизии приказал срочно ответить, откуда берутся снаряды для такой интенсивной стрельбы, и за расход неприкосновенного запаса грозился «снять голову». Узнав, каким путем были добыты снаряды, он необычайно обрадовался. Командир батареи пришел на позицию и передал приказ начарта, вразумительный и точный: «Дать фрицу прикурить на полную закрутку».

За последнее время, пользуясь тем, что крепость сэкономила боеприпасы, фашисты обнаглели. Почти не таясь, на глазах у защитников крепости, они начали строить новые укрепления по бровке Ново-Ладожского канала. Теперь наши артиллеристы «призывали их к порядку». Лопатин наводил со снайперской точностью. Каждый выстрел поднимал в воздух вместе с землей перекрытия вражеских блиндажей, стирая с лица земли недавно возведенные гитлеровцами сооружения. С яростью открывали фашисты минометный огонь по крепости. Переждав его, артиллеристы отвечали врагу с удвоенной энергией.

Артиллерийскую позицию прикрывала крепостная стена, через одно из отверстий которой орудие и посылало свои «гостинцы».

Фашистам трудно было нащупать пушку, и она, имея теперь вдоволь снарядов, заставляла гитлеровцев днем и ночью прижиматься к земле. Все их работы на переднем крае прекратились. И тогда враг решил пойти на хитрость.

Несколько дней мы не могли понять, как фашистам удалось высмотреть позицию. Стоило расчету появиться возле орудия, произвести два-три выстрела — и на ворота Государевой башни, где мы находились, немедленно обрушивался настоящий смерч артиллерийского огня. Расчету приходилось спешить в укрытие.

За свою недогадливость расчет расплатился дорогой ценой. Прямым попаданием вражеского снаряда орудие было разбито, а осколком сразило командира 45-миллиметрового орудия «Чайка» Николая Бавыкина. Он находился в Орешке с первых дней обороны. Похоронили его там, где хоронили и других погибших защитников крепости, — у места казни Александра Ильича Ульянова.

Нет на войне минут тяжелее, чем минуты последнего прощания с товарищем. Бавыкин был первым, кто погиб в крепости на моих глазах.

Через несколько дней мы получили другое орудие. Однако, прежде чем открыть огонь, мы стали усиленно наблюдать за всеми подозрительными местами, с которых гитлеровцы могли просматривать участок обороны, где стояло орудие. Однажды ночью, ведя наблюдение, бойцы Егоров и Эренбург заметили, как к застрявшему на мели недалеко от крепости буксиру, корма которого едва-едва возвышалась над водой, проскочила лодка противника. Сомнений не было: на буксире гитлеровцы устроили свой наблюдательный пункт! Очевидно, уже в течение нескольких ночей они забрасывали сюда на лодке наблюдателя, который потом целый день корректировал огонь своих орудий и минометов.

Раздалась команда: «К бою!» Со второго выстрела буксир исчез под водой вместе с фашистским наблюдателем. С этого дня точный обстрел нашей позиции прекратился.

Летом сорок второго в крепость доставили еще одну 76-миллиметровую полковую пушку. Первой заботой стало подыскать такую позицию для новой пушки, откуда можно было бы незаметно вести огонь в любое время суток.

Командиром взвода 76-миллиметровых пушек в это время назначили старшину Николая Нетужилова, парня двадцати двух лет, высокого роста, всегда подтянутого, как говорится, подбористого. До войны он обучался в полковой артиллерийской школе младших командиров. В стенах Шлиссельбургской крепости за один год войны комсомолец Николай Нетужилов прошел путь от рядового до офицера. Ответственное назначение совпало с жесточайшими

испытаниями, едва ли не самыми суровыми, которые пришлось пережить Николаю за все время войны. Враг обрушивал на крепость всю мощь своего огня, стараясь стереть с лица земли, уничтожить в ней все живое, а стены истолочь в порошок. Без сна и отдыха, подвергая себя смертельной опасности, наши артиллеристы не прекращали огня, заставляя умолкать одно вражеское орудие за другим.

Вместе с Нетужиловым в поисках выгодной позиции расчет новой пушки облазил всю крепость. В одной из выемок стены нашли отличное место. Пушку, правда, надо было поднимать на высоту 8 метров, зато Шлиссельбург отсюда был виден как на ладони. Орудие же закрывал от наблюдения остов разрушенного здания. По мнению командира, кирпичный выступ должен был маскировать даже вспышки от выстрелов.

Артиллеристы превратились в каменщиков. «Конструктором и главным архитектором» новостройки стал опять же вездесущий старшина Григорий Попков. Он был мастером, как говорится, на все руки. Проход к орудью, место укрытия и склад для снарядов предстояло выдолбить в каменных стенах. Камень за камнем откалывали бойцы, пока в стене не образовались такие пустоты, в которых могли свободно разместиться и снаряды, и орудийный расчет.

Накат над пушкой сооружали из тавровых балок, ранее служивших перекрытием в бывшей тюрьме, а теперь нелепо торчавших из развалин. Их надо было обрезать, подогнать по мерке. Но как сделать это без всяких приспособлений? Выручила солдатская смекалка. Самый старший среди бойцов по возрасту артмастер Константин Иванович Калинин, воевавший еще четверть века назад на Восточном фронте против

Колчака, предложил «отстрелять» балки нужных размеров. Он сказал, что если в балку по прямой сажать из винтовки пулю за пулей, то можно разрезать ее не хуже, чем автогеном. Решили попробовать. Балки расчертили мелом и начали стрелять бронебойными. Получилось отлично.

«Отстрелянные» по размеру балки разместили над пушкой в два ряда, а поверх выложили каменные плиты. Все это залили цементом. Теперь накат над орудием был неуязвим для самых тяжелых снарядов.

— Братцы, а «Дуня» наша тепленькое себе местечко выбрала, — с восхищением сказал Лопатин, когда работа по установке орудия была закончена.

— Для «Дуняши» была бы сытна каша, а от работы она не откажется, — поддержали бойцы шутку и, сами того не заметив, окрестили свою пушку «Дуней». Почему именно «Дуней», сказать потом уже никто не мог. Но так ее стали с тех пор называть все. В крепости уже были орудия «Орех», «Воронка», «Чайка», «Буря», «Касатка». Но «Дуне» суждено было занять среди них особое место, стать любимицей всего гарнизона.

По предложению комиссара Валентина Алексеевича Марулина расчет для «Дуни» решено было подобрать полностью комсомольский. Командиром орудия стал Алексей Русинов, наводчиками — я и Лопатин, замковым — боец Подвалков, заряжающим — Фролов, ящичными — Беляев и Ружицкий. Пушка была готова к бою.

Ночью своими же залпами до нужной высоты «срубили» стену здания, стоявшего перед огневой позицией, чтобы можно было вести огонь прямой наводкой.

Ранним летним утром «Дуня» открыла свой боевой счет. Из Старо-Ладожского канала вышла шлюпка

с восемью гитлеровцами. Раньше этот участок из крепости просматривался плохо, а с новой позиции он был виден наводчику насквозь. Вторым снарядом Лопатин разнес фашистскую шлюпку в щепы.

Два дня спустя из того же Старо-Ладожского канала опять вышло вражеское судно. «Дуня» открыла по нему беглый огонь. Судно спешно повернуло обратно, стараясь укрыться за высокой дамбой. Но один из снарядов угодил ему в борт. Судно дало крен, однако продолжало двигаться. Следующим снарядом Лопатин поджег его. Оно ярко вспыхнуло, застыло на месте и горело до утра следующего дня, выбрасывая в небо черные клубы дыма. Видимо, судно было загружено жидким топливом. Вести спасательные работы гитлеровцы не осмелились.

За хорошую стрельбу по вражескому судну всему расчету была объявлена благодарность. Когда командир батареи лейтенант Петров зачитывал перед строем приказ, я подумал: «Матери бы взглянуть на меня в эту минуту! Она наверняка бы заметила, как изменился я за последний год...»

Один год... Но он значил для меня больше, чем вся предшествующая жизнь. Да разве только для меня? Многие мои товарищи по батарее были не старше по возрасту: им едва исполнилось по 18—20 лет. Но какими взрослыми, умудренными жизнью казались теперь они, эти вчерашние мальчишки, прошедшие суровую школу войны! Они многому научились за этот год, многое поняли. В частности, и то, что на войне мало быть храбрым...

Среди защитников крепости в эти дни ходил рассказ о двух политруках. Один перед каждой атакой обращался к бойцам с пламенными словами: «Умрем в бою! И пусть наша героическая смерть послужит примером для потомков!» В одном из боев этот полит-

рук погиб. Вместо него пришел другой политрук. Перед очередной атакой бойцы слышали его слова: «Друзья, нам предстоит тяжелый бой. Я знаю, нет среди нас трусов. Каждый готов отдать жизнь за Родину, но мы должны победить и остаться живыми, чтобы победить в следующем бою. Фашистам надо, чтобы мы погибли раньше времени. А нам надо, чтобы погибли они, чтобы наша земля была свободной. Так будем жить для победы!»

Победить и остаться живыми — именно этими словами был продиктован тщательный выбор позиции для «Дуни». И мы сумели сделать эту позицию неуязвимой, что обеспечило наш боевой успех.

Благодарность командования вселила в нас новые силы.

Теперь и я мог считать себя уже не новичком в крепости, а признанным ее защитником, ее хозяином, который в ответе за каждый клочок земли этого крохотного островка, омываемого прозрачными водами Ладоги и Невы.

В середине июня, наблюдая за передвижениями фашистов в городе, бойцы заметили, что в одни и те же часы два вражеских солдата стремглав пробегают просматриваемый участок на берегу Ново-Ладожского канала и исчезают за дамбой. Спустя несколько минут этим же маршрутом пробегали, появившись из-за дамбы, два других гитлеровца. Снайперы Иван Долинский, Константин Боярский и Петр Соболев, дежурившие на верхних этажах крепостных зданий, уничтожили до десятка таких «перебежчиков», но, несмотря на это, гитлеровцы, маскируясь как только возможно, продолжали курсировать. «Наверняка караул меняется, — сказал Попков. — Видно, объект первой важности, даже наш огонь не может изменить маршрута».

Установить точное местонахождение этого объекта не представлялось возможным. Одно не вызывало сомнений — он находится где-то в самом канале, который нам мешала просматривать дамба. Артиллеристам хотелось прочесать из орудий весь участок канала от подозрительного места до Невы. Но на это нужно было много снарядов. Командир батареи решил, что стрелять по каналу будет только одно орудие — «Дуня».

Пристрелку расчет закончил после третьего выстрела, а затем начал методично посылать за дамбу снаряд за снарядом. Они ложились точно, с небольшими промежутками между разрывами. Однако фашисты открыли ответный огонь. Вокруг «Дуни» закипели разрывы. Двоих из расчета задело осколками мин. Наводчика Григория Лопатина ранило в руку, заряжающего Фролова — в живот. Но стрельбы наше орудие не прекратило. И вот после четырнадцатого или пятнадцатого снаряда в канале громыхнул взрыв невиданной силы. Как потом стало известно, загадочным объектом оказались две самоходные баржи, груженные снарядами. «Дуня» угодила в одну из них, и при взрыве сдетонировали боеприпасы на второй.

Но крепости предстояло выдержать ответный удар. Сразу же после взрыва в канале фашисты открыли огонь из всех видов оружия. Целые сутки крепость находилась под ураганным обстрелом. Перед рассветом следующего дня гитлеровцы прекратили огонь. Из всех орудий невредимой оставалась «Дуня». Она-то и должна была вместе с восстановленной батареей моряков открыть огонь по засеченным огневым точкам врага.

В первые месяцы обороны в гарнизоне крепости было всего несколько коммунистов. Но их ряды непрерывно пополнялись. В партию вступили старшина

батарей Григорий Попков, командир артиллерийского взвода Николай Нетужиллов, старшина Иван Иванович Воробьев, командиры орудий Николай Конюшкин, Константин Шкляр, Владимир Шелепень и десятки других. Многие получили рекомендацию для вступления в партию от Валентина Алексеевича Марулина. Наступил день, когда с этой просьбой обратился к комиссару крепости и я.

«На всю жизнь связать свою судьбу с партией коммунистов» — эта мысль приходила людям в самые тяжелые дни, потому что именно тогда наиболее явственно проявлялась несокрушимая сила партии.

Когда коммунисты проголосовали, Валентин Алексеевич сказал мне:

— Теперь, коммунист Канашин, ты должен сражаться лучше комсомольца Канашина. Во много раз...

**Тараскина
Валентина Степановна,**

санинструктор 2-го полка 1-й дивизии
войск НКВД. Участница боев на Нев-
ском «пяточке», под Красным Бором,
Псковом.

СЕСТРА

Это было в морозную февральскую ночь 1942 года. Санинструкторы Екатерина Кукушкина, Валентина Калинина и я в одном из крепостных казематов Орешка перевязывали раненых.

Только подготовили к эвакуации в медсанчасть полка политрука пулеметной роты Владимира Авдеенко, как загрохотали артиллерийские залпы. Мы поняли, что это подготовка перед атакой 3-го батальона на Шлиссельбург.

Смолкли пушки. Взвилась ракета. Третий батальон пошел в атаку. К нам заглянул комиссар крепости Валентин Алексеевич Марулин.

— Ну, девушки, пора и вам, лодка готова. Перевезут вас через полынью, а дальше сами, на лыжах. — Он посмотрел на нас как-то очень по-доброму. Видимо, жалко ему было отпускать нас на мороз да под пули. — Счастливого вам, — сказал комиссар, — возвращайтесь живыми.

В Орешке нас знали хорошо. Каждый раз, когда из крепости проводились наступательные или разведы-

вательные вылазки, кого-нибудь из нас вызывали на остров. Мы оказывали первую помощь, переправляли раненых на правый берег. Это всегда было связано с риском и большими трудностями. Кроме того, что гитлеровцы нас систематически обстреливали, нам еще очень мешала огромная незамерзающая полынья. Через нее на лодках мы доставляли раненых до льда, а там на санях или на связанных лыжах, а то и на себе тащили бойцов в Шереметьевку или Морозовку.

Защитники крепости понимали наши трудности и наш риск, видимо потому и относились к нам с особенной теплотой и заботливостью. Нам казалось, что каждый из бойцов готов был принять на себя наш труд. Да так оно, видимо, и было на самом деле. Но на войне свое дело и для мужчин, и для женщин. Так было и в ту ночь.

Касаткин перевез нас через полынью. Мы стали на лыжи и пошли вслед за атакующими бойцами. На левом берегу у самого города кипел бой. На льду лежали наши раненые бойцы. Мы тут же начали их перевязывать.

Тот, которого я перевязывала, был ранен в грудь. Разорвала на нем гимнастерку, бинтую — слышу шепчет:

— Сестричка, сообщи... Толбухин я, с Кировского завода.

— Потерпи, потерпи, — отвечаю, — сам передашь. Жив будешь. — А сама думаю: «Доберемся ли?»

Рядом со мною тащила раненого Катя Кукушкина. Где-то на середине Невы, гляжу, зашаталась она и упала. Бросилась к ней — не дышит. И тот, ее раненый, тоже убитый.

Мой Толбухин лежит на связанных лыжах, и я, по колено проваливаясь в снег, тащу его к правому

берегу. Торопиться бы надо, да тяжело. Дотащила. Берег крутой. Не поднять мне Толбухина. Силюсь, и никак. Плачу от злости, от обиды. Спасибо, кто-то наверху услышал, сбросил веревку. Передала я раненого, а сама на лыжи и обратно. Да не добежала — контузило меня.

Боев на моей памяти было много. Немало людей, истерзанных войной, видела я. Но вот ту ночь и Толбухина забыть не могу. Так же, как не могу забыть разрушенные крепостные стены и орешковцев, готовых заслонить нас, девушек-санитарок, от пуль и бомб.

Герман Орлов,

артист Ленинградской государственной
эстрады, с 1941 по 1945 год — солист
джаз-оркестра театра Политуправления
КБФ.

ВСЕ ЭТО — БЫЛО

К весне 1942 года не оставалось уголка на Ленинградском фронте, где бы не побывали матросы-артисты из театра КБФ. Театром руководил тогда заслуженный, а позднее народный артист РСФСР Александр Викторович Пергамент. Нам часто приходилось бывать в таких частях, где труппу целиком принять не могли. Тогда мы разбивались на маленькие бригады по пять-шесть человек, которые проникали даже в передовые подразделения наших войск. Однажды по приказу командования Краснознаменного Балтийского флота группа матросов-артистов была направлена в крепость Орешек.

Кроме меня в эту группу входили мои друзья: старшина первой статьи М. Курдин, старшина второй статьи М. Зарх, краснофлотец М. Левин и артистка Л. Нарышкина.

В лесу, в районе Морозовки, нас встретил посланец крепости комиссар 409-й морской батареи Алексей Григорьевич Морозов. Поговорили, пошутили: «Надо

же так, в поселке Морозовка нас встретил Морозов!» Во втором часу ночи подошли к берегу. Ночь черная, тревожная. В свете взвившейся вражеской ракеты Орешек показался мне могучим притаившимся кораблем...

Под покровом ночи нам предстояло на двух лодках перебраться в крепость. Алексей Григорьевич подал условный сигнал в крепость. Нам ответили зеленым огоньком. Ждем... Вот наконец и лодки. Они появляются из темноты неожиданно и бесшумно. Никаких разговоров, только рукопожатия с встречающими матросами. Морозов шепчет: «В лодках всем пригнуться» — и потом матросу, сидящему на веслах: «Пошли».

Медленно движутся лодки. Чтобы уключины не скрипели, предусмотрительные матросы обернули их тряпками.

Темноту ночи прорезает очередь трассирующих пуль. Она прошла правее нас.

Все яснее и яснее из темноты появляются очертания крепости. Опять ракета освещает небо. Нам кажется, что нас видно. Но это только кажется. Мы близки к цели. Так же бесшумно лодки причаливают. На крепостном берегу нас ждут. Несколько человек поздравляют с благополучным прибытием.

Через несколько минут крепкий чай и спать! Нам нужно очень хорошо отдохнуть. Завтра трудный день — несколько концертов для защитников крепости. Завтра нужно отдать всего себя, чтобы люди, забыв про войну, отдохнули хотя бы несколько минут.

Концерты начались с утра. Залом служили казематы бывшей «тюрьмы государевой». Сцены, конечно, не было, мы выходили откуда-то из-за угла и сразу оказывались перед зрителями. Почти все бойцы сидели на полу, тесно прижавшись друг к другу. На

весь зал было три-четыре табуретки. Театральный свет! По-моему, коптилки всей крепости были принесены туда, где мы выступали, и переносились туда, где начинался очередной концерт. И было светло. Было радостно и празднично от тех улыбок, которые озаряли лица защитников крепости.

Закончив выступать перед матросами, мы переходили к солдатам батальона. Это был единый гарнизон, и хотя мы были посланцами моряков-балтийцев, разве могли мы «обидеть» солдат!

Наступило обеденное время. Пообедав вместе с матросами в том же «концертном зале», мы вместе со своими зрителями вышли подышать свежим воздухом, посмотреть крепость.

Непривычная тишина. Тут и там сидят матросы. Кто-то пристроился у стены, пишет письмо родным. И вдруг... скрипка! Над опаленным войной Орешком звучала «Осенняя песня» Чайковского. Играл наш скрипач Миша Левин... Выстрел со стороны Шлис-сельбурга оборвал песню. Один, второй, третий... «Всем в укрытие!» — раздалась команда. Мы опять под землей... Обстрел прекратился так же внезапно, как и начался.

Один из матросов предложил мне вместе с Левиным пойти посмотреть на гитлеровцев поближе. Предложение было принято. Мы взяли две винтовки (одну даже с оптическим прицелом) и пошли.

Как часто я себя ругаю сейчас за то, что в то время не записывал ни фамилий своих фронтовых друзей, ни событий, которые тогда происходили рядом со мной. Сколько раз думал начать писать дневник, и все как-то не доходили руки, а теперь... Теперь об этом остается только сожалеть.

Вот мы и на месте. Рассматриваем в бинокль Шлис-сельбург. На уцелевшей церквушке висит фашист-

ский флаг со свастикой. По берегу два фрица несут бревно. Делаем несколько выстрелов, гитлеровцы бросают бревно и скатываются за насыпь.

— Теперь, артисты, чур голову не поднимать, — говорит сопровождающий матрос.

— А что, — спрашиваю я, — могут снести?

— А как же, — отвечает он, — у них ведь тоже снайперы есть.

Ждем. Фашисты не отвечают. Осмелев, делаем еще несколько выстрелов, и в ту же минуту ударяет крупнокалиберный пулемет. Нас заметили. У стены разорвался снаряд. Оставаться в нашем укрытии небезопасно. По ступенькам, перебегая от одной стенки к другой, опять через тот же двор мы возвращаемся к своим. Здесь мы в полной безопасности.

...И снова концерты. Только поздно вечером, когда нашу программу посмотрел почти весь гарнизон, мы пошли на отдых.

Разбудили нас среди ночи. Пора было уходить. Одеваемся, наскоро едим и спускаемся к берегу. Провожает нас несколько человек, и среди них Алексей Григорьевич Морозов, человек, к которому мы успели привыкнуть и с которым сейчас расстаемся как друзья. Короткое прощание. Слова благодарности. Доброе напутствие, и мы снова на воде. Так же тихо, бесшумно, пригнувшись в лодках, идем в сторону Морозовки. Выходим на берег, прощаемся с провожатыми. Еще минута, и лодки растаяли в ночи. Мы, обходя поселок, направляемся в лес. Там наши батареи. Там нас тоже ждут...

Попков Григорий Иванович,

старшина запаса. В крепости находился
с мая 1942 года по январь 1943 года.
Участник боев под Синявином, Кингис-
сепом, Нарвой.

ПАМЯТЬ

Вот уже тридцать лет ношу я в кармане одну фотографию. Любительский снимок потускнел, и, наверное, не каждый запечатленный на нем сегодня себя узнает. Но когда я смотрю на эту карточку, то вспоминаю их всех и все, что с ними связано. Вот командир батареи Николай Нетужиллов, рядом политрук Андрей Василенко, артиллерийский мастер Константин Калинин. А вот и я, старшина батареи.

Я пришел на Орешек весной 1942 года из взвода полковой разведки. Откровенно говоря, привыкать к обязанностям старшины было трудно. Я привык к подвижной службе, к рискованным походам в тыл врага, к рукопашным схваткам с фашистами. А здесь нужно было заниматься обеспечением артиллеристов. На мне лежала забота об их одежде, питании, боезапасе и многом другом. Но ведь хотелось и самому уничтожать врагов.

Я выбирал свободные минуты и вместе со снайпером Василием Коростылевым и комсоргом Львом

Глазманом уходил на четвертый этаж Г-образного корпуса. Оттуда были хорошо видны вражеские позиции. Глазман, прекрасно владеющий немецким языком, начинал читать в рупор листовки, обращенные к солдатам противника. В ответ гитлеровцы открывали огонь, а мы из винтовки и пулемета расстреливали фашистских минометчиков.

Разумеется, не все и не всегда проходило гладко. Однажды мы с Коростылевым обстреливали наблюдательный пункт фашистов, расположенный в городской церкви. Там что-то загорелось. Повалил густой дым. Гитлеровцы из минометов начали обстреливать крепость, вели прицельный огонь по Г-образному корпусу, с которого мы обстреливали их наблюдателей. После одного из попаданий рухнули стена и перекрытия. Мы оказались отрезанными от земли, от товарищей. Положение было не из приятных. Только после того как обстрел закончился, нас сняли с карниза.

Этот и многие другие эпизоды из нашей орешковской жизни врезались в память. И когда я смотрю на фотографию, на которой снят вместе с боевыми друзьями, я вспоминаю те дни.

Касаткин Василий Никитович,
старшина запаса. В крепости Орешек
находился с сентября 1941 года по январь 1943 года. Участник боев под Синявином, Кингисеппом, Нарвой.

НА ПЕРЕПРАВЕ

Оборудование огневых точек и дозоры — этими обязанностями определялась вначале моя служба в крепости. А основную свою военную специальность я получил позже.

Случилось это так. Однажды крепость подверглась небывало сильному обстрелу. Несколько наших товарищей было убито.

В казематах крепости, которые использовали как временный медпункт, собралось много раненых. Требовалась медицинская помощь, которая могла быть оказана только в медсанбате или госпитале. Следовало срочно переправить их с острова на материк. Для многих этим решался вопрос жизни или смерти.

Комиссар крепости Валентин Алексеевич Марулин вызвал Николая Каргалева и меня. Комиссар сообщил нам, что решено создать специальную команду для переправы и что мы с Каргалевым и есть эта команда.

На островном причале, обращенном к правому берегу Невы, лежала вытащенная на берег шлюпка, на борту которой белой краской было написано «Чайка».

Мы спустили шлюпку на воду. Первый рейс для пробы решили сделать вдвоем. Не отошли от острова и нескольких метров, как воду вспенили пулеметные очереди. Мы уходили влево, вправо, искали путь, менее досягаемый для вражеского огня. Довольно благополучно добрались до Шереметьевки и там скрылись за бортом полузатопленной баржи. Немного отдохнув, двинулись обратно... Опытный рейс прошел, на наш взгляд, успешно. «Чайка» отделалась несколькими царапинами. Значит, работать сможем. Второй рейс мы совершали уже с ранеными на борту.

С тех пор мы регулярно с острова вывозили раненых, а на остров доставляли продукты и боеприпасы. Работали обычно втроем: Каргалева, я и третьим нам давали кого-нибудь из свободных бойцов. Этот, третий, постоянно менялся.

Однажды мы возвращались из Шереметьевки в крепость. Каргалева на руле. Я и солдат-новичок — на веслах. Этот боец из госпиталя направлялся в наш гарнизон. Некогда было спросить его имя, думали познакомиться в крепости.

«Чайка» рванулась вперед. Пулеметная очередь трассирующими пулями пересекала наш путь. Надо было как можно быстрее пройти открытое место.

Вдруг мои весла ударились о весла сидевшего сзади новичка. Чувствую, приходится работать за двоих. А что случилось, не понимаю. Оглянуться, чтобы посмотреть, в чем дело, некогда. Думаю только об одном: поскорей бы добраться до своих. Наконец и спасительный причал. Оглядываюсь. Новичок убит. Так мы даже имени не узнали того солдата.

Страшнее всего для нас был станковый пулемет гитлеровцев, врытый в землю на бровке канала возле часовни. Наши снайперы охотились за прислугой этого пулемета, но никак не удавалось их уничтожить. Выручали нас артиллеристы. Как только «Чайка» выходила на середину протоки и становилась уязвимой для пулемета, артиллеристы открывали огонь по врагу и заставляли его молчать. Мы тем временем благополучно проскакивали опасное место.

Самой трудной была для нас пора белых ночей. На долгие недели исчезал спасительный покров темноты. В этих условиях приходилось не считаться ни с какой опасностью. Крепость без боеприпасов и продуктов обороняться не могла бы. В мае — июне 1942 года у нас оставалось по десятку патронов на солдата и по несколько снарядов на орудие. Откладывать переход в Шереметьевку было невозможно.

Кроме «Чайки» в рейс подготовили еще несколько шлюпок. Мы воспользовались тем, что однажды вечером разгулялась непогода. Переправившись на правый берег, погрузились, и маленькая флотилия двинулась в обратный путь. Шлюпки с грузом еще только подходили к крепости, а солдаты уже бросились в воду, разгружали их, чтобы дать возможность побыстрее отправиться в новый рейс. А враг, не прекращая, обстреливал переправу — ведь мы были у него на виду.

Надолго нам запомнились эти белые ночи...

Дни шли за днями. Мы втянулись, привыкли к опасности, научились ускользать из-под мин и снарядов. Только уж совсем плохо пришлось нам, когда гитлеровцы разбили баржу у правого берега. Они давно разглядели, что мы за нею скрываемся, и решили ее сжечь. Сделать это было им нетрудно. Гитлеровцы выпустили несколько снарядов, и запылала наша

спасительница... Пришлось делать новый причал в Шереметьевке. Место там ровное: ни бугорка, ни деревца. Строили ночью. А за день гитлеровцы иногда успевали разрушить все, сделанное нами. На следующую ночь приходилось начинать все сначала. Но в конце концов причал мы построили. И опять переправа наладилась. Снова наша шлюпка по ночам, а когда было необходимо, то и днем отправлялась на правый берег и возвращалась в крепость.

В общем, переправа работала исправно. Наша маленькая быстрая «Чайка» надежно несла свою трудную службу.

Траньков Владимир Михайлович,
младший техник-лейтенант запаса, с
марта 1942 года по январь 1943 года —
пулеметчик гарнизона крепости. Участ-
ник боев под Синявином, Кингисеппом,
Нарвой.

ПУЛЕМЕТЧИКИ

Товарищ старшина

Кончался март 1942 года. В одну из темных ночей группа пополнения гарнизона Шлиссельбургской крепости, в которую входил и я, вступила на ладожский лед.

Вел нас в крепость статный, подтянутый, высокий старшина. Мы несли на себе, толкали и тянули нагруженные до предела сани с запасом продовольствия и боепитания. Трассирующие пулеметные очереди проносились над головой. То слева, то справа рвались мины. Высоко в небе висели осветительные ракеты. Все это нас, новичков, пугало. А старшина шел спокойно, уверенно обходя пробоины во льду. Его спокойствие вселяло в нас некоторую уверенность.

В крепости мы сразу попали под минометный обстрел. И тут старшина был рядом с нами. Он подсказывал, как и где лучше пройти до небольших, спрятанных в каменных укрытиях складов, куда мы должны были разнести все привезенное с собой.

На следующий день я узнал, что буду во взводе станковых пулеметов, командиром которого был Георгий Яковлевич Кондратенко, тот самый старшина, который привел нас в крепость.

Старшина Кондратенко был удивительно целенаправленным, необыкновенно самоотверженным человеком. Георгий Яковлевич не терпел людей безразличных. Сердился, когда солдаты, стремясь облегчить себе труд, копали мелкие ходы сообщения или делали слишком слабые укрытия от минометного и артиллерийского огня. Ругал нерадивых. Убедительно, доходчиво и просто обучал нас, передавал свой боевой опыт. Примеру его старались следовать многие.

В конце 1942 года Георгию Яковлевичу Кондратенко было присвоено звание младшего лейтенанта. Его назначили начальником штаба гарнизона. Помню, в ночь под новый, 1943 год он обходил подразделения и с особой тщательностью отмечал на планшете все известные огневые точки фашистов. А ровно в 00 часов он выпустил красную ракету, и гарнизон из всех огневых средств послал фашистам свой «новогодний подарок».

Его заслуги в Орешке высоко оценило командование — он был награжден орденом Красного Знамени.

Когда после прорыва блокады крепость осталась в тылу, Кондратенко одним из первых ушел на новую передовую, на Синявинские болота. Здесь он был помощником начальника штаба по разведке отдельного батальона. Сюда же, под Синявино, в 92-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон прибыл и я.

Вскоре нам довелось встретиться. Он возвращался с разведчиками с задания, а мы, группа пулеметчиков, случайно оказались на заминированном участке.

— Идите за мной. Ступайте по моим следам! — скомандовал Кондратенко. Он рисковал собой, чтобы спасти нас.

Встречался я с ним и в тяжелых боях под Нарвой. Он был уже старшим лейтенантом. Потом наши с ним фронтовые дороги разошлись.

В Шереметевском проломе

Когда я впервые попал в это подземелье, мне стало немного не по себе. Крутая узенькая лестница вела в небольшое помещение. Заплесневелые мрачные стены подсвечены слабенькой коптилкой. В полутьме, напротив лестницы, просматриваются расположенные по кругу двухъярусные нары. На них — люди. Все в одежде, в сапогах. Спят. Лишь одна-другая пара глаз поблескивает в темноте: «Новеньки́и прибыл!».

Этот подвал был в торце башни Головкина, а его обитатели — бойцы пулеметной роты. И я — 18-летний ленинградский парнишка — становлюсь членом большой дружной семьи.

— Твои обязанности простые, — говорил мне командир взвода Кондратенко. — Побыстрей учись пулеметному делу. С сегодняшнего дня будешь вторым номером расчета. Вот у него, — он показывает на невысокого сутулого бойца. — Младший сержант Горовой.

Огневая точка нашего расчета находится в южной стене крепости напротив Четвертого корпуса. Ниша продолблена на уровне земли, чтобы можно было вести по врагу настильный огонь. Сектор обстрела охватывает значительную ширину левой протоки Нэвы и северную окраину Шлиссельбурга.

Перед своим первым дозором я очень волнуюсь. Мне предстоит провести 120 минут у пулемета

в 120 метрах от фашистов. «А что... а если... а вдруг...» — думал я.

Когда я теперь вспоминаю волнение, охватившее меня той весенней ночью 1942 года, я невольно улыбаюсь. Мне кажется, что это волнение сродни тому чувству, которое охватывает молодого рабочего, когда его впервые подводят к станку, молодого ученого — перед его первым самостоятельным опытом, спортсмена — перед первым большим стартом. Но, как это часто случается, первое ничем не отличается от сотен других. К тому же, в отличие от многих моих последующих дозоров, первый дозор прошел благополучно.

В Орешке существовало неписаное правило — прикреплять к вновь прибывшим бойцам опытных, закаленных солдат. В свободное время нам помогали овладевать военными премудростями, разобраться в окружающей обстановке, разъясняли, какие места наиболее опасны и лучше пристреляны противником, а где относительно безопасно.

В первые дни новичкам не разрешали даже ходить за обедом. Мы еще не могли ориентироваться среди развалин и воронок. Были случаи, когда боец, укрываясь от осколков снарядов и мин, падал, разливал суп или опрокидывал кашу. Приходилось потом во время обеда солдатам делиться своей порцией с пострадавшими товарищами.

Кухня располагалась в бывшей тюремной камере Светличной башни. Дым ее привлекал внимание фашистов. Однажды 100-миллиметровым снарядом было пробито сводчатое перекрытие башни. Штукатурка обвалилась с потолка, обрушившиеся камни завалили котел. Повара Лебедева ранило, но он не покинул своего поста и после оказанной ему медицинской помощи начал заново готовить обед.

...Шло время. Я становился опытнее. И вскоре меня назначили первым номером пулеметного расчета. Находясь в боевом дозоре, мы тщательно наблюдали за Шлиссельбургом, а особенно — за колокольной, которая гитлеровцами использовалась как НП. И всякий раз обстреливали ее. Уж очень нам надоедали наблюдатели. Общей радостью было, когда в один из летних дней артиллеристы гарнизона из 45-миллиметровой пушки «Чайка» прямой наводкой двумя снарядами пробили колокольню в двух местах. Теперь фашистам труднее стало «подглядывать» за жизнью гарнизона.

Частенько мы устраивали с гитлеровцами пулеметные дуэли и каждый раз выходили победителями — противник замолкал первым.

В холодное время года днем мы, пулеметчики, мешали фашистам даже топить печи в блиндажах, находившихся на бровке Ново-Ладожского канала. Как только увидим дым, моментально открываем огонь.

Для перехода через Ново-Ладожский канал противник строил легкие мостики, прикрывал их маскировочными заборами. Но и заборы не помогали фашистам. Поэтому, спасаясь от наших пуль, фашисты строили переходные мостики все дальше и дальше, удаляясь от крепости в направлении деревни Липки. Но огонь станкового пулемета накрывал гитлеровцев и здесь.

Переходные мостики были одними из наиболее уязвимых мест противника. Для ведения огня по ним была выделена пулеметная точка в Шереметевском проломе, которая получила название снайперской. Из нее можно было вести огонь вдоль Ново-Ладожского канала.

В одном из снайперских расчетов был и я с парторгом пулеметной роты Николаем Яковлевым. Оба мы к этому времени получили звание ефрейторов.

Нас скрепляла дружба с самых первых дней пребывания в крепости. Не мешали и те шестнадцать лет, на которые Яковлев был старше меня.

Вместе с рассветом наша пулеметная точка открывала огонь по переходным мостикам Ново-Ладожского канала. К сожалению, оптических прицелов у нас не было. Имелся лишь полевой перископ с четырехкратным увеличением, благодаря которому мы могли корректировать огонь по всплескам на воде или по очередям трассирующих пуль.

Маскировочные заборы на переходных мостиках состояли из неплотных дощатых щитов. В перископ хорошо было видно, как гитлеровцы выходили из траншей. В этот момент мы с упреждением в направлении движения врага открывали пулеметный огонь. Гитлеровцы бежали, а наши пули настигали их.

Несмотря на близость противника и постоянные обстрелы крепости, гарнизон старался жить по расписанию. В свободное время мы занимались строительством и оборудованием новых огневых точек. В связи с ростом численности гарнизона в полуразбитой крепости начиная с лета 1942 года уже не хватало жилья. Чрезмерная теснота в подвалах, а также необходимость рассредоточить личный состав заставили нас строить землянки. Строительным материалом служили деревянные и железные балки, которые нам приходилось выламывать из разрушенных огнем противника зданий.

Каждый метр земли в крепости был перепахан снарядами. Командование крепости приказало сделать ходы сообщения, а местами и перекрытия. В первую очередь были вырыты ходы сообщения к кухне и санчасти. От башни Головина до Государевой проложили глубокие, в полный рост, траншеи. Передвигаться по острову разрешалось только бегом.

Огонь по крепости велся почти непрерывно. 12-дюймовая артиллерия бетонобойными снарядами разрушала многовековые каменные стены и башни.

Однажды во время обстрела такими снарядами старшина Кондратенко и командир минометной роты лейтенант Зенин находились в башне Головина на НП. Снаряд попал в угол амбразуры. Рухнула часть стены, но снаряд не разорвался. Командиры, случайно не задетые камнями, недолго думая, вытолкнули снаряд наружу...

Под прицелом врага

В начале мая 1942 года в Государеву башню попал снаряд. 76-миллиметровая пушка «Орех», находившаяся в башне, вышла из строя. Командование крепости приказало ликвидировать брешь в огневой системе крепости: на самом краю бастиона срочно оборудовать прочную огневую пулеметную точку. Работу должен был выполнить наш взвод.

Командир роты Николай Чулков объяснил бойцам задание, не скрывая его сложности и срочности:

— Работы будем вести ночью. А поскольку они будут приходиться фактически на глазах у противника, приказываю — никаких лишних разговоров. — Потом добавил: — Нужно торопиться, ребята. Огневая точка должна быть создана до наступления белых ночей.

Пулеметчики разделились на группы. Первая должна была копать траншею от Государевой башни в направлении Государева бастиона. Второй группе была поручена заготовка строительного материала и постройка вблизи новой огневой точки землянки, укрытой от противника остатками башни.

Нелегко пришлось первой группе, которой командовал Кондратенко. Древний бастион состоял из

крупного камня, заваленного землей, и практически лопате не поддавался. Бойцам приходилось окапывать каждый камень. Но вынимать валуны удавалось лишь при помощи нескольких ломов. Работали осторожно, и гитлеровцы, видимо, нас не замечали. Очереди трассирующих пуль, направленных на Государеву башню и переправу, проносились над головами. Изредка где-то в стороне падали мины.

Вторая группа в поисках строительного материала решила спиливать стоявшие в воде сваи бывшего пирса. Бойцы с пилами и топорами в руках заходили в воду. Вначале по пояс, потом по горло, забираясь каждый раз все дальше и дальше. Некоторые из нас, чтобы облегчить работу, раздевались, добираясь вплавь до намеченной сваи. Тон в работе задавал командир группы сержант Стройный — энергичный, везде поспевающий, всегда веселый 22-летний украинец.

В сравнительно спокойной обстановке работа продолжалась три ночи и подвигалась быстро. Чувствовалась правильная расстановка сил. Бойцы работали слаженно, споро. Торопились закончить работу, никто даже не шел обсушиться или согреться, хотя было холодно.

Когда вспыхивали осветительные ракеты противника, все замирали в тех позах, в которых их заставлял яркий свет. Это напоминало немые сцены, но зато гарантировало безопасность.

Непредвиденное произошло на четвертую ночь. Боец Тепляков не удержался на мокром скользком бревне и упал в воду. Падая, ударился головой о бревно и пошел ко дну. Сержант Рузин бросился его спасать. В этот момент вспыхнула осветительная ракета. Падение Теплякова вызвало некоторое замешательство среди тех, кто буксировал спиленные брев-

на к берегу. Горовой, Яковлев, Атаулин стали помогать Рузину. Вытащили Теплякова, посадили на бревно.

Все это не могло пройти незамеченным, и гитлеровцы открыли огонь. По воде застрочил крупнокалиберный пулемет. Пули ложились рядом с плывущими. Не понимая, что происходит у нас, противник открыл огонь по Государеву бастиону. Стреляли долго, иступленно. Огонь вели несколько минометных и артиллерийских батарей. Вскоре обстреливали уже всю крепость.

Мины и снаряды ложились так густо, что нельзя было перебежать в надежное укрытие. Осветительные ракеты гирляндами висели в небе. Укрывались кто где мог: в траншее, в воронках, за камнями. Пулеметные очереди прижимали к земле и не позволяли поднимать головы. Минут двадцать лежали не шелохнувшись.

Всю ночь не прекращался огонь, а когда он несколько ослаб, мы насчитали двенадцать раненых, из них четверо — тяжело. Ну, а все, что нам удалось построить, было превращено в кучу камней, земли, разбитых бревен. Работу пришлось временно приостановить. Днем трудиться было нельзя, а ночью фашисты снова держали Государев бастион под обстрелом.

Обстановка складывалась чрезвычайно сложная. Было ясно, строить огневую точку на краю бастиона невозможно: противник перестреляет всех, как цыплят. Однако командование гарнизона задачи не меняло (да и не могло менять) — огневая точка необходима, надо изыскивать возможности.

Неожиданный выход нашел Яковлев. Раненый накануне, но оставшийся в строю, парторг предложил соорудить пулеметную точку в разбитом окне второго этажа Государевой башни.

— Конечно, — говорил Яковлев, — сектор обстрела будет чуть поменьше, но зато подход к месту полностью укрыт от неприятеля.

— Заманчивый вариант, — резюмировал лейтенант Чулков, — однако прежде давайте взглянем все же в окошко, не узковато ли, не наденем ли мы себе на глаза шоры?

Окно, в котором Яковлев предложил оборудовать точку, находилось высоко. Никакой лестницы к нему не было. Кто-то из бойцов помог Чулкову и Кондратенко взобраться на груды камней, по которым можно было добраться до оконного проема. Через некоторое время комроты дал «добро».

— Только учтите, — говорил он Яковлеву и Атаулину, вызвавшимся вдвоем сделать основные работы, — полной безопасности нет. Любое ваше передвижение перед окном будет замечено противником. Осторожность необходима.

Вначале мы — несколько бойцов взвода — из камня построили лестницу, затем установили перекидной мостик между каменной грудой и оконным проемом. За остальное взялись Яковлев и Атаулин. Как заправские каменщики принялись за работу, наши смельчаки. Много раз им приходилось прекращать работу. То и дело проносились очереди трассирующих пуль. Пули дробили камни, и осколки от них разлетались во все стороны. Негде было укрыться и от мин. Ребята нередко скатывались по камням, а потом возвращались и снова продолжали прерванную работу. Они подбадривали друг друга. Когда обстрел усиливался, Атаулин, усмехаясь, говорил: «Ничего, постреляет и перестанет...»

Однажды разрывом унесло перекидной мостик, и Яковлев оказался прижатым к оконному проему. Он стоял на одной ноге, держась рукой за каменный

выступ, пока Кондратенко не добрался до расчищенной площадки и с нее не подал Яковлеву рукоятку лопаты, причем все это делалось под довольно сильным обстрелом.

Смелость, взаимопомощь и товарищество помогли построить эту огневую точку, одну из многих, которые нам приходилось сооружать.

Хочется мне рассказать здесь еще об одном запомнившемся эпизоде, который произошел 25 ноября 1942 года.

В тот солнечный день на самом краю Флажного бастиона артиллерийским огнем противника разрушило пулеметную точку, которая в системе обороны крепости имела большое значение.

Командир роты лейтенант Чулков принял решение: любой ценой восстановить ее в самый короткий срок. Лейтенант взял командира отделения сержанта Горового, рядового Исакова и на глазах у гитлеровцев вылез через крепостную стену на Флажной бастион. Но только наши товарищи удалились от стены и подбежали к разбитой огневой точке, как фашисты открыли пулеметный огонь.

Точка была разрушена полностью. Небольшая траншея завалена камнями. Чулкову, Горовому и Исакову пришлось залечь на открытом месте. Положение оказалось тяжелым. Но от принятого решения лейтенант не отказался. Через бойницы и амбразуры мы видели, как Чулков стал разбирать камни, а бойцы окапывались. Земляные холмики быстро вырастали вокруг трех смельчаков. Для того чтобы отвлечь от них внимание, из Шереметевского пролома по вражескому пулемету открыл огонь командир взвода старшина Кондратенко. Фашистский пулеметчик вступил в дуэль с Кондратенко, но после нескольких длинных очередей старшины пулемет противника смолк.

Не прошло и пяти минут, как гитлеровцы вновь открыли огонь по Чулкову, Горовому и Исакову. На этот раз из миномета. Мины ложились совсем близко, но бесстрашной тройке все же удалось сложить из камней бруствер новой пулеметной точки. Из валявшихся вблизи остатков бревен они сумели соорудить накат.

Однако противник пристрелялся — мины стали ложиться по только что сделанному укрытию. Чулков приказал Горовому и Исакову вернуться за крепостную стену. Когда, добежав до стены, Горовой оглянулся, рядом с Чулковым разорвалась мина. В тот же миг из-за крепостной стены выбежал санинструктор Сулейманов. Под огнем он добрался до лейтенанта и, разорвав на нем гимнастерку, обнаружил тяжелое ранение в живот. Однако обстановка не позволяла сделать перевязку. Сулейманов потащил Чулкова к крепостной стене. Невдалеке от стены они оба были ранены осколками разорвавшейся вблизи мины.

Ночью Чулкова в бессознательном состоянии переправили в медсанбат. К сожалению, дальнейшая судьба его осталась мне неизвестной. Санинструктор Сулейманов отказался от госпитализации и остался в крепости.

Пулеметная точка на краю Флажного бастиона в эту ночь, до конца восстановленная Яковлевым, Атаулиным и Рузиным, снова повела прицельный уничтожающий огонь.

Огневые пулеметные и артиллерийские точки, расположенные в южной стене крепости, фашисты обстреливали из всех видов оружия, причем следует сказать, что стреляли они довольно точно. Амбразуры заваливало камнями разрушенных стен. Бывало, от разрывов поднималась такая пыль и дым, что днем

становилось темно. Внутри ниши дышать было нечем. Иногда даже противогаз приходилось надевать.

...В один из дней обстрел начался внезапно. Казалось, тысячи орудий направлены на наши амбразуры.

Не помню почему, но в точке в этот раз я был один. Второй номер куда-то отлучился. Вдруг меня кто-то трясет за плечо. Оглянулся — командир отделения сержант Горовой.

— Жив? — спрашивает.

— Жив.

— Я тебе звонил по телефону, — кричит он мне в ухо, — а ты не отвечаешь. Побежал сюда, да минометный огонь прижал к стене. Слегка царапнуло. А здесь кричу тебе, кричу, ты не отвечаешь. Решил, убит ты. Ну, будь жив...

Раннее утро 21 июня 1942 года. Мы с Николаем Яковлевым вышли в очередной дозор.

Придя на точку, я занял место первого номера у станкового пулемета. Яковлев расположился немного ниже меня у коробки с лентами. Осмотрев и проверив пулемет, я навел его на первый переходный мостик. Для пристрелки дал две-три короткие очереди и приготовился ждать очередного гитлеровца.

Прошло минут десять. Никто не появлялся. Вдруг с мыса заработал фашистский пулемет. Одна за другой последовали длинные очереди в направлении Королевской башни и нашей переправы. Изменив прицел, я обстрелял противника, дав три-четыре короткие очереди, затем — длинную. Пулемет противника замолк.

Я снова направил свой «максим» на первый мостик. Но в это время с бровки канала вражеский снайпер выстрелил по моей амбразуре. Пуля ударилась о камни. Я вздрогнул от неожиданности. Выдвинулся вперед — дымок справа, в камнях бровки, еще не

успел рассеяться. В перископ заметил движение винтовки. Разворачиваю пулемет, сдвигаю влево. Еще немножко... Мало... Чуть вперед. Хорошо. Навожу пулемет. И вдруг о камни амбразуры ударяется броневой зажигательная пуля. К счастью, потеряв скорость, она, горящая, завертелась между камнями и колесами пулемета да так и осталась лежать.

Даю очередь. Но что такое? Мой пулемет неожиданно замолкает. Приходится встать в полный рост и открыть крышку короба. Так и есть — поперечный разрыв гильзы. Снимаю гильзу с замка и... что-то больно ударяет в шею. Хлынула кровь. Ко мне бросается Яковлев. Как сквозь туман вижу залитую кровью гимнастерку моего напарника и слышу голос: «Разрывная. Прямо в артерию...»

Очнулся вечером. Лежу на деревянном полу лазарета. В горле какой-то жар. Дышится тяжело. Заглянул санинструктор Сулейманов.

— Ну, как дела?

— Ничего, — шепчу.

— Будем тебя эвакуировать, — сказал санинструктор.

Вечером на лодке меня переправили в Морозовку на полковой медицинский пункт. А на следующий день отправили в медсанбат.

Прошло семнадцать дней. Снова переправа. Снова крепость. Как всегда, лодку встречает комиссар Марулин. Первые рукопожатия, поздравления с выздоровлением. Чувство такое, что вернулся домой.

Серафим Фирсов

Командир пулеметного расчета сержант Рузин получал пополнение. Оформление шло в штабе полка. Сержант скучал, дожидаясь вечера, когда можно бу-

дет пройти в крепость. Неожиданно перед ним появился молодой, небольшого роста солдат. Ремень на нем не затянут, телогрейка грязная и рваная. Чувствовалось, что к воинской дисциплине он еще не привык.

— Товарищ командир, возьмите меня в крепость, — обратился он к Рузину.

— Откуда ты взялся?

— Я здесь служу.

В разговоре солдата русские слова перемежались с украинскими. Рузин выяснил, что призван солдат недавно и никакого оружия как следует не знает.

— Что же ты собираешься делать в крепости? — спросил сержант.

— Воевать буду. Пулемет и коробки с лентами таскать могу. Все, товарищ командир, буду делать, только возьмите...

— А здесь что же?

— Та я туточки ездовым назначен. А я воевать хочу. Возьмите, товарищ сержант.

— Ладно, — сказал Рузин, — возьму тебя в крепость. Но если подведешь меня, то... — Рузин не договорил.

Однако солдат его понял. Он вытянулся перед Рузиным и, улыбаясь от радости, отрапортовал:

— Есть, товарищ командир! Понял!

— Как фамилия?

— Фирсов.

Зачислили Фирсова в пулеметный расчет сержанта Рузина.

Обстановка в крепости ошарашила Фирсова. Он стал малоразговорчив, затих. Во время обстрелов бежал, пугался. Зато в перерывах между обстрелами ходил по крепости и рассматривал разрушения. Его часто окликали:

— Фирсов, проходи скорее! Фирсов, опять рот разинул!

Серафим — так звали новичка — выполнял любую работу, старательно вникал в каждую мелочь солдатского быта, хотя неопытному бойцу, конечно, трудно было постигнуть сразу все премудрости настоящей войны.

Много доставалось Серафиму от заместителя командира пулеметной роты Федора Изотовича Возного за нарушение формы одежды. Сам до педантизма опрятный, Возный терпеть не мог нерях. Справедливости ради следует сказать, что постоянное внимание со стороны Возного сделало свое дело — расхлябанность Фирсова исчезла.

Шли дни. Серафим Фирсов заметно изменился. С большим интересом и вниманием относился он к воинской учебе. Но признавал только те знания, которые можно было применить непосредственно здесь, в крепости.

Как-то командир взвода проводил занятия на тему: «Действия пулеметного взвода в наступательных операциях стрелковой роты».

— Яка же здесь, в крепости, маневренность? — спросил недоуменно Фирсов.

Кондратенко только головой покачал и приказал Рузину проработать эту тему с Фирсовым дополнительно.

Трудно давалась Фирсову учеба. На занятиях по материальной части станкового пулемета Кондратенко, бывало, спрашивает:

— Товарищи пулеметчики, понятно?

Все отвечают:

— Понятно.

И только Фирсов заявляет:

— Что же здесь понятного? Понятно, что все это

сделано из железа. Сложено вместе. Стреляет. А почему стреляет? Не знаю, как другие, а я ничего не понял.

Солдаты посмеивались над Фирсовым. А он свое:

— Так я ж не за всех говорю. Я тильки за себя. Не понял я.

Такая прямота Фирсова нравилась командиру взвода. Было видно, что некоторые бойцы тоже не поняли сложного механизма станкового пулемета, но то ли спросить стесняются, то ли им хотелось отдохнуть, они молчали. А Фирсов не молчал, он всегда говорил прямо и только правду.

Шло время. Уже многому научился Фирсов. Много уяснил не хуже, а подчас лучше, быстрее других.

Однажды после очередного минометного обстрела Фирсов пришел к комсorghу роты Голоду:

— Дай, пожалуйста, Устав ВЛКСМ. Хочу изучить...

Вскоре состоялось комсомольское собрание. Когда обсуждали кандидатуру Фирсова, комсомольцы хвалили бойца, говорили, что верят, доверяют ему. В комсомол Серафима приняли единогласно.

А он и действительно стал хорошим бойцом.

Массированные минометные и артиллерийские налеты часто захватывали нас врасплох. Другой от неожиданности растеряется, засуетится. Смотришь, осколки его и прихватили. Фирсов же никуда не бежал. Он ложился там, где заставлял его огонь, и только потом, выждав время, перебежал в укрытие. Не раз мы думали, что Фирсов погиб, накрытый минами или снарядами. А он, глядишь, появляется, рассматривая свой ватник или гимнастерку.

— Опять зашивать. Я же не портной, — говорил он обескураженно.

Серафим пользовался любым моментом, чтобы пополнить свои боевые знания. Даже находясь в охране на огневой точке, он старался выпытать у Рузина все, что могло пригодиться, когда ему самому доверят пулемет.

Наконец наступил для Фирсова торжественный день. Командир взвода старшина Кондратенко, отправляя очередной наряд, сказал:

— Боец Фирсов, сегодня вы займете место первого номера.

С этого дня Серафим Фирсов занял место наводчика у станкового пулемета. Действовал он спокойно и уверенно. Сменяя его, я каждый раз слышал точные, ясные доклады об обстановке прошедшей смены.

...При прорыве блокады Ленинграда Фирсов, находясь на огневой точке «Ива», поддерживал метким пулеметным огнем наступавшие на Шлиссельбург стрелковые подразделения. Отличился он и в последующих боях под Синявином. За одну из операций Серафим Фирсов был награжден орденом Красного Знамени.

Устиненков Евгений Андреевич,
рядовой запаса, бывший связной комен-
данта крепости. Участник многих боев
на Ленинградском и других фронтах.

СВЯЗНОЙ

Дело мое было несложным — сел в лодку, погрузил что следует и поплыл в крепость, а оттуда взял кого надо и обратно — на Большую землю. Только и всего. В мирное время — совсем пустячная операция, одно удовольствие. В блокадные дни задача моя осложнилась тем, что сидевшие совсем рядом фашисты могли видеть меня и достать из любого рода оружия. И не раз пытались достать...

Называли меня товарищи «лихим почтарем», «неуязвимым», уверяли, что таких, как я, «пуля не берет», говорили много других хороших слов. Но я-то понимал, что пуля — дура, что всякое может случиться, и зря не рисковал. Отправляясь в рейс, всегда носил запасную «лимонку» в кармане — в случае чего подорвать себя вместе с секретными документами, которые приходилось доставлять. Страшно, конечно, было, но старался вида не показывать.

Что возить приходилось? Разное. Письма солдат и боеприпасы, продовольствие и срочные донесения.

Сколько на меня гитлеровцы мин и патронов израсходовали — целый арсенал! А я знай везу и везу. Один раз лодку пробило, стал пилоткой воду вычерпывать — никак не вычерпать, пришлось тогда вплавь добираться; в другой раз пуля попала в мешок с крупой, который я нес, а меня не тронула. Крупа защитила. В третий раз вражеская мина по соседству разорвалась, меня на воздух подняло и швырнуло, как котенка. И — ничего. Полежал, встал, отряхнулся и продолжал выполнять задачу. Сколько ж их, таких случаев, было — разве считаешь или упомнишь!

Работа моя, казалось бы, несложной была, а требовала и она знать свой маневр, проявлять воинскую хитрость: когда побыстрее проскользнуть, когда выждать, когда маршрут изменить. И в том, что продолжал жить Орешек, продолжал стоять на страх врагам, есть и доля труда связных. И вспоминаешь об этом с гордостью.

Козик Емельян Васильевич,

генерал-майор запаса, с апреля 1942 года по июль 1943 года — командир 1-й дивизии войск НКВД. Участник многих боев на Ленинградском и других фронтах.

ДНИ НАКАНУНЕ БЕССМЕРТИЯ

Защита Орешка была лишь частью деятельности нашей дивизии — она ведь обороняла правый берег Невы и отрезок юго-западного побережья Ладожского озера. Полоса обороны по фронту растягивалась до 60 километров. И на каждом из них можно было ждать попытки врага прорваться. А отступить некуда — за нами Ленинград.

Об этом говорили мы в тот холодный апрельский день сорок второго года с Героем Советского Союза полковником В. А. Трубачевым, когда он сдавал, а я принимал 1-ю дивизию войск НКВД.

Ни минуты покоя врагу

Задача была ясна, ее продолжала выполнять дивизия: непрерывно укреплять оборону, совершенствовать боевое мастерство, держать врага в напряжении, в ожидании, что каждую минуту может что-то произойти.

Фронтавикам знакомо это тягостное чувство — иной раз не так страшен сам бой, как ожидание его. Чем труднее было нам, тем важнее было проявить воинскую смекалку, солдатскую хитрость, чтобы сбить с толку противника, запугать его. И наши бойцы и командиры доказали, что не зря русский воин издавна славился этими качествами.

То мы оборудуем несколько ложных артиллерийских позиций, поставим там макеты орудий, а настоящую пушку выкатим, дадим из нее несколько выстрелов и — в укрытие. Фанерная батарея уже засечена фашистами, они открывают по ней бешеный огонь. А через некоторое время наша пушечка заговорит на другом участке. Фашисты уверены, что и там у нас батарея. Следует новый огневой шквал... Бьют гитлеровцы по пустому месту, изводят зря боеприпасы, раскрывают свою огневую систему. Нам это только на руку.

А то вдруг проскользнут по дороге два наших танка и — в лес. Поди догадайся издали, что они — фанерные! Оформлены так — не отличишь от настоящих. Ночью некоторое время в этом лесочке горит костер, сердито урчат моторы. И вот уже поднята в воздух вражеская авиация. Следует массированный бомбовый и артиллерийский удар. Потерь он нам не приносит, но в это время удастся сбить фашистский самолет, обнаружить неизвестные дотоле огневые точки противника.

Я отнюдь не собираюсь изображать здесь фашистских вояк простофилями, которых легко было «на мякине провести». Фанерную батарею, к примеру, мы маскировали с такой же тщательностью, что и настоящую. И все же давали возможность врагу «разоблачить» нашу маскировку, порадоваться своей «сообразительности». Позже через пленных мы узнавали, что

эти и многие другие обманные действия заставляли гитлеровцев изрядно нервничать: то им мерещился подход наших резервов, то сосредоточение свежих сил для атаки, то еще что-либо.

Уйму изобретательности во всех этих делах проявляли командир 2-го стрелкового полка Дерзиян (запамятовал его имя), начальник инженерной службы того же полка Владимир Попов, начальник разведотделения Петр Кузнецов. Да и не только они.

Это приносило свои плоды. За спиной у гитлеровцев, находившихся на Шлиссельбургско-Синявинском выступе, была большая, отлично вооруженная армия, захватившая огромную территорию. Но захватчики ни минуты не чувствовали себя здесь спокойно, бурно реагировали на каждый наш новый «сюрприз». А мы старались их как можно чаще разнообразить...

Помнится, в июне сорок второго года, искусно маскируя свои действия, мы неподалеку от крепости перегородили впадавшую в Неву Черную речку — построили примитивную плотинку. В четыре большие лодки усадили человекоподобные чучела, закрепили макеты пулеметов. На рассвете наши бойцы без шума разрушили плотинку, и лодки по течению быстро поплыли в Неву. Фашисты довольно скоро обнаружили эту «мощную флотилию». Что тут было!.. На несчастные чучела обрушился шквальный огонь артиллерии, минометов, пулеметов и автоматов. Содрогались берега, забурлили скромные чернореченские воды. Общими усилиями гитлеровцы разгромили «десант».

Мы поняли, что они восприняли наш маневр как своеобразную разведку, и постарались укрепить их в этой догадке. Спустя несколько дней в тех же местах мы пустили дымовую завесу. Союзник-ветер понес ее в сторону противника, вызывая у него тревогу и панику. На сей раз вражеский огонь был еще более

сильным и безрезультатным. Правый берег Невы по фронту более километра был подвержен такому интенсивному артиллерийско-минометному обстрелу, что командующий Невской оперативной группой генерал И. Ф. Никитин осведомился у меня по телефону: не собирается ли противник форсировать Неву? А противник в эти минуты все глаза проглядел: не движутся ли вслед за дымовой завесой наши штурмовые стряды? Но время для них тогда еще не пришло. А панику на врага мы навели порядочную.

Так претворялось в жизнь мудрое правило: «Ни минуты покоя врагу!»

Ударом на удар

Положение наше, как я уже говорил, конечно, осложнялось нехваткой боеприпасов. В то время, весной сорок второго года, когда у фашистов они имелись в изобилии, нашей дневной нормой было: три снаряда на орудие, пять мин на миномет, сотня патронов на станковый пулемет, полсотни — на ручной и три десятка — на крупнокалиберный. Что и говорить, «блокадная» норма. Она увеличивалась при активных действиях противника, но и в этих случаях была явно недостаточной.

Такой «голодный паек» требовал от наших артиллеристов, минометчиков, пулеметчиков тщательнее определять цели, метко поражать их с минимальной затратой боеприпасов.

— Хорошую цель и один снаряд накроет, — говорили бывалые воины, — причем самый первый снаряд.

Кстати, о первом снаряде.

Прибыл как-то в дивизию комиссар Невской оперативной группы бригадный комиссар Б. О. Галстян,

человек редкого обаяния, знающий и мужественный политработник. Его интересовали Орешек и подступы к нему. Немного не дойдя до берега, мы оказались с ним на хорошо замаскированной огневой позиции 45-миллиметрового орудия. Бригадный комиссар беседовал с артиллеристами, проверил, как знают они обстановку, материальную часть, свои обязанности. А затем приказал дать команду: «По цели номер три одним снарядом огонь!» Расчет молниеносно и четко выполнил приказ — цель была поражена. Как обычно, сразу же откликнулись артиллерийские и минометные батареи противника. Мы насчитали около тридцати разрывов снарядов, еще больше разорвалось мин, да еще около полусотни снарядов враг бросил на другие участки обороны, в том числе и на Орешек. Замечу попутно, что любой обстрел гитлеровцы завершали огнем по крепости. Сюда же сбрасывали свой груз и возвращавшиеся вражеские самолеты, если им не удавалось отбомбиться на других участках. Очень уж бесил их маленький непокорный Орешек.

Галстян остался доволен и меткостью наших артиллеристов, и реакцией противника. Предложил разработать дополнительный план беспокоящих боевых действий. А вскоре после моего доклада командующему Ленинградским фронтом генералу Л. А. Говорову нам значительно прибавили боеприпасов. «Жить стало веселее», — говорили бойцы. Теперь фашисты не могли безнаказанно осыпать нас снарядами и минами. На удар следовал удар — да еще какой! Оперативные сводки, как мы тогда говорили, стали «содержательнее». Читаешь сообщения, полученные из 2-го полка, и душа радуется: на Каменной косе уничтожен крупнокалиберный пулемет, прямым попаданием в Шлиссельбурге разбита машина с боеприпасами, пущен на дно катер, появившийся на

Ново-Ладожском канале, прямым попаданием на том же канале разрушен мост...

Теперь уже дело не ограничивалось беспокоящими действиями — потери у гитлеровцев многократно умножились. Надо ли говорить о том, какое это было прекрасное средство для еще большего подъема духа гарнизона крепости, всех наших воинов.

Слово, звавшее к победе

Из рук в руки передавали защитники Орешка листовку-обращение к ним командования дивизии. Я и сейчас с волнением перечитываю этот документ, написанный несколько высокопарным и не везде «гладким» слогом, но сыгравший свою роль в те не легкие дни. Вот строки из него:

«Лозунг „Не бывать фашистским извергам в Ленинграде!“ сделался смыслом жизни и борьбы его жителей, бойцов, командиров и политработников Красной Армии. Вы, дорогие товарищи, заняли передовое место в рядах бесстрашных борцов за Ленинград. С вашей помощью враг был остановлен... Вы — наша гордость, гордость всей нашей прекрасной страны.

...Наш великий предок Петр I назвал эту крепость „Орешек“, который не могли раскусить многочисленные враги. И Петр I был прав, но не потому, что стены ее нельзя прогрызть. Каменные стены крошатся, рушатся, ломаются, но нашей воли к борьбе не сломить никому.

...Когда ликующий народ пробьет в колокол набатный звон своей победы над остервенелым врагом, радостные взоры будут обращены и к вам, дорогие товарищи. А ваши доблесть, мужество и героизм будут записаны на стенах крепости золотыми буквами: „Здесь в 1941—1942 гг. вели смертный бой с немец-

кими оккупантами советские герои-богатыри за нашу святыню — город Ленина“. Ваши имена войдут в историю, и она их свято будет хранить. Ваши беспримерно и безгранично боевые дела войдут в века».

Комиссар дивизии полковник Н. В. Чиненков, начподив полковник Ф. П. Степченко, комиссар штаба дивизии З. И. Бродский, секретарь партбюро 2-го стрелкового полка Н. Е. Левин и многие другие политработники большевистским словом и личным примером воодушевляли воинов.

И мы можем сегодня отметить: не зря были сказаны слова, прозвучавшие во фронтовой листовке. Имена легендарных защитников Орешка вписаны в историю, с любовью и уважением повторяют их советские люди.

В те огневые дни до победы было еще далеко. Мы держали противника в напряжении, но и сами были каждую минуту готовы к любым вылазкам врага. В частях дивизии действовал закон: сегодня твоя оборона должна быть крепче, чем вчера, сегодня твоя бдительность, твое воинское мастерство должны быть выше, чем были накануне.

Мы знали, что фашисты не отказались от мысли о захвате Орешка, — обладание крепостью сулило им немалые преимущества. Достигнутые гитлеровцами успехи в летнем наступлении 1942 года на юге страны говорили о том, что враг мог и здесь предпринять наступательные действия.

На устах у каждого из нас была клятва: ни шагу назад! Но все ли сделано для того, чтобы не позволить противнику использовать фактор внезапности?

Об этом еще и еще раз говорил я с командирами во время очередного пребывания в подразделениях 2-го стрелкового полка. Эта часть стояла на самом ответственном рубеже. Да, оказалось здесь у нас

такое «узкое» место. Дело в том, что от стен крепости до уреза воды расстояние по восточной и южной сторонам острова составляло всего 10—20 метров. Местность эта изобиловала крупными валунами, за ними могли укрыться вражеские подразделения, если бы противник под покровом темноты попытался высадить десант. Тогда возникла бы серьезная угроза защитникам Орешка.

По заданию командования дивизии командир 2-го полка майор Дерзиян и начальник инженерной службы полка майор Попов вместе с дивизионным инженером майором Карасиком провели тщательную рекогносцировку, подготовили и предложили хорошо продуманный план укрепления обороны крепости. В короткий срок был изготовлен ряд переносных препятствий (ежи, рогатки). Они были установлены в тесном сочетании со взрывными противопехотными заграждениями (мины, фугасы и др.). Все это хозяйство находилось под нашим постоянным и зорким наблюдением, что исключало возможность внезапного появления здесь фашистов.

Так прощупывали мы снова и снова каждый, даже самый маленький участок нашего широкого фронта обороны. Взвешивали, учитывали, действовали.

Когда обстоятельства требуют

Летчик-космонавт Георгий Береговой в своей книге «Угол атаки» приводит примеры, когда человек делает, казалось бы, невозможное. Один пример трагикомический. В цирке работал плотник. Однажды, когда он ремонтировал вольтер, из клетки вышел лев и не спеша направился в его сторону. Плотник бросил инструмент и через несколько секунд взвился под потолок по вертикальному столбу.

Н. И. Чугунов.

В. А. Трубаев, Герой Совет-
ского Союза.

В. А. Марулин.

А. Н. Вальков.

Прием в партию С. Левченко: (слева направо) корреспондент дивизионной газеты М. Л. Смелянская, комендант гарнизона В. А. Стулов, члены партийной комиссии 1-й дивизии войск НКВД Левин, Еремин. Выступает комиссар гарнизона В. А. Марулин.

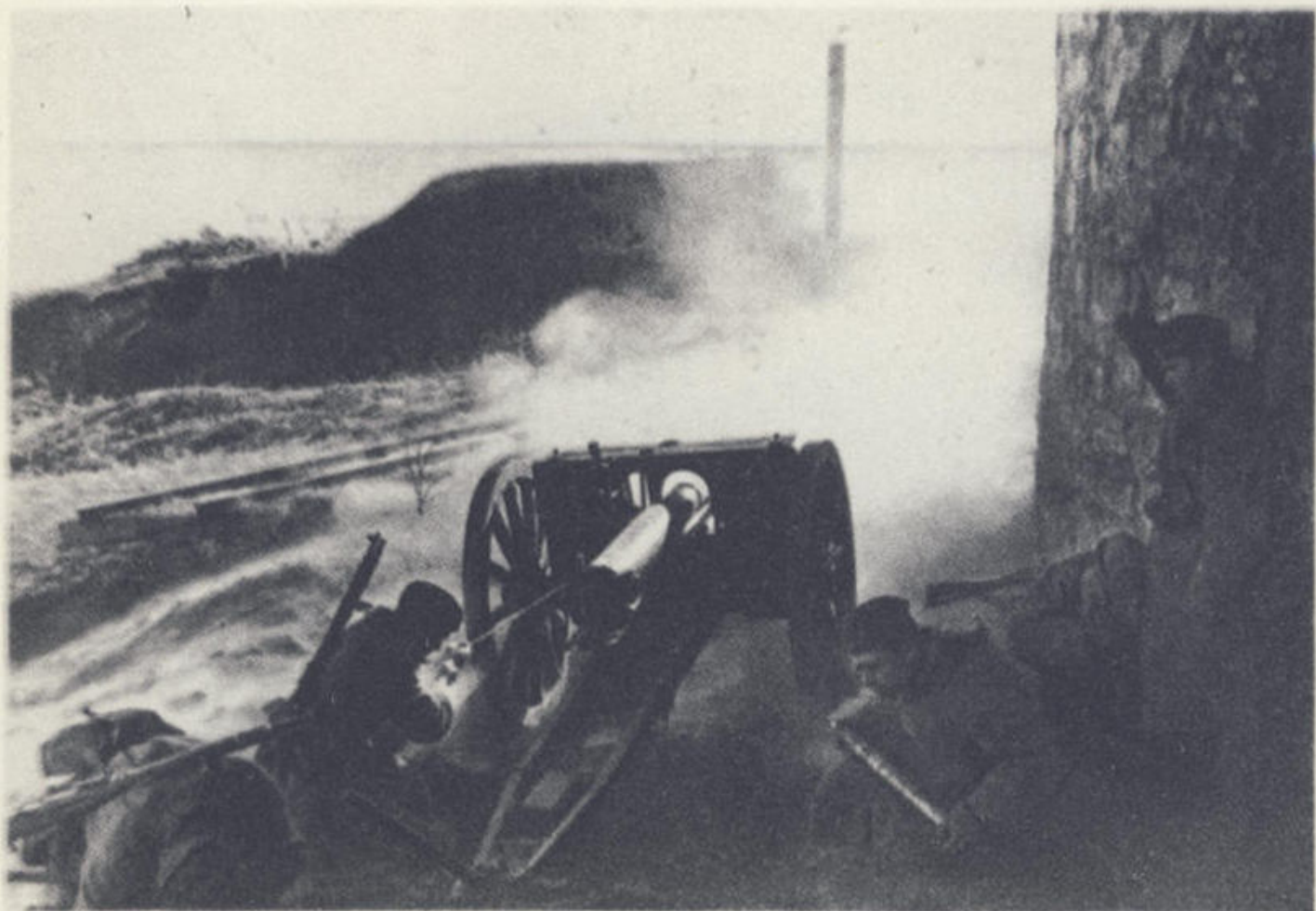
Командир 2-го полка А. А. Золотарев (справа налево) дает указание перед выходом в разведку командирам разведчиков старшему лейтенанту Д. Шеповалову и младшему лейтенанту А. Двоеглазову.

Пулеметчик Р. Цветков.

Снайпер К. Боярский.

Артиллерийский расчет М. Демидова ведет огонь прямой наводкой под пулеметным обстрелом врага.

Н. В. Конюшкин.

К. Л. Шкляр.

П. Г. Сивачев.

К. Д. Ушаков.

Д. Ф. Николаев.

И. И. Белов.

И. У. Куклин.

Груша Афанасьева.

И. С. Зенин, Герой Советского
Союза.

Шура Васильева.

Ф. И. Зеленков.

П. Н. Кочаненков.

М. А. Омельчук.

М. Н. Рубцов.

Ф. А. Шарков.

А. Г. Морозов.

Артиллерист 409-й артиллерийской батареи КБФ В. Коньков на снайперской позиции.

Разведчики (слева направо) В. Первухин, Е. Андреев, И. Семенихин,
младший лейтенант А. Двоглазов.

Политрук Н. Коротков корректирует огонь батареи.

На наблюдательном пункте артиллеристов.

Ф. И. Магдюк.

Н. В. Чиненков.

Г. Т. Орлов.

Идиат Атаулин.

В. Т. Игнашны.

И. И. Канашин.

В. А. Стулов.

Г. И. Попков.

Разбитая огневая точка фашистов на бровке Ново-Ладожского канала.

Л. М. Глазман.

И. И. Воробьев.

В. Н. Касаткин.

Ф. И. Возный.

В. М. Транъков.

Н. А. Яковлев.

Пулеметчики выходят на огневую позицию.

Е. В. Козик.

Командир 330-го стрелкового полка Г. И. Середин среди офицеров.

Командир 1-й стрелковой дивизии войск НКВД Е. В. Козик и комиссар дивизии Н. В. Чиненков (сидят) с офицерами управления дивизии.

В. С. Тараскина.

А. Э. Аронишидзе.

А. В. Строилов.

Орешек сегодня.

Плотник установил своеобразный рекорд благодаря исключительным обстоятельствам. Получив в связи с чрезвычайностью момента мощную, зарядившую его, что называется, до отказа команду из центральной нервной системы, он совершил для себя невозможное. А точнее то, что казалось невозможным.

Оказывается, порой бывает возможно то, что в других условиях, в иной обстановке казалось бы невозможным. Иной раз спросишь солдата, только что прибывшего из крепости:

— Ну, как там у вас?

А он в ответ с улыбкой:

— Нормально, товарищ генерал.

Какое глубокое, емкое слово: нормально. Подчас лучше самых пространных рапортов и убедительных докладов выражало оно и настроение людей, и состояние их, и решимость.

Может ли человек постоянно находиться под вражеским огнем — утром и днем, вечером и ночью, — но в то же время ни на минуту не терять душевного равновесия, бодрости духа, чувства юмора? Может, оказывается. У нас в крепости звучал смех, бодрила соленая солдатская шутка, рождалось острое словцо. И — любопытная деталь. Когда раненым защитникам крепости после возвращения из медсанбата предлагали остаться в подразделениях на берегу, они неизменно отвечали:

— Нет уж, направьте в крепость. Дело привычное.

То, что недавно многим из них показалось бы фантастичным, становилось реальностью, вошло в быт, в особый фронтовой быт. Мобилизация внутренних человеческих ресурсов делала чудеса. Только некогда было в те горячие денечки восхищаться этим

замечательным массовым героизмом, который рождался ежечасно, ежеминутно и о котором вспоминаешь сейчас с чувством изумления и гордости.

Нужны? Будут!

Снова и снова на различных встречах задают вопрос:

— А как вам удавалось держать связь с крепостью, снабжать гарнизон, ведь вся вода вокруг просматривалась и простреливалась противником?

Это опять-таки из области «невозможного». Бесперебойную связь нашей Большой и нашей Малой земли помогли осуществить мужество бойцов, сознание долга. Но всего этого было недостаточно. Требовались ко всему прочему так называемые плавсредства, и в значительном количестве. Ведь вражеские артиллеристы, минометчики и пулеметчики охотились за нашими лодками, нередко разбивали их. А где брать новые?

— Найдем, — решительно заявил командир саперного батальона капитан М. Н. Верещагин. — Сколько надо — столько и найдем. Ленинградцы выручат.

По его предложению отобрали в подразделениях группу ленинградцев и отправили их в город решать необычную задачу. Прошли они по друзьям и знакомым, побывали на заброшенных спортивных базах, и через несколько дней мы с комиссаром уже осматривали доставленный в дивизию прогулочно-рыбачий «флот». Лодки были разного размера, вида и назначения, они были окрашены в различные цвета, некоторые требовали немедленного ремонта. Но все они честно послужили нам и немало помогли в решении боевых задач.

Сколько еще мог бы я привести примеров, когда в трудную минуту на выручку приходили воинская

смекалка, творческая инициатива! Их, видать, тоже совсем не учитывали гитлеровские стратеги в своих планах «молниеносной» войны на Восточном фронте.

Воспитание мужества

Я не верю тому, кто утверждает, что ему ничего не страшно. Страшно, видимо, каждому, но вот преодолеть этот страх, заглянуть смерти в глаза, да так, чтобы она отвела взгляд, — в этом подлинный героизм. И еще надо учесть: не каждый, кто испугался, кто не сразу сумел совладать с собой, — презренный трус и должен быть заклеямен и осужден. Мы считали в дивизии, что мужеству, стойкости, бесстрашию можно и надо учить, как учат меткой стрельбе, штыковому бою, выбору огневой позиции.

Никого из свежего пополнения даже в самое трудное время не направляли мы на наиболее «горячие» участки. Надо было дать людям осмотреться, привыкнуть к обстановке, обстреляться. И хоть совсем кратким был этот курс привыкания к огню противника — иногда две недели, иногда всего несколько дней, — но его обязательно проходили новички. И мы видели, как люди начинали подавлять в себе чувство страха, а позднее вели себя стойко, мужественно.

Тех, кто слишком уж часто и низко кланялся вражеским пулям, мы особо учитывали, старались поставить их рядом или отправлять вместе с самыми умелыми, храбрыми бойцами, с коммунистами и комсомольцами. И это неизменно давало свои результаты — новички подтягивались, старались быть похожими на своих товарищей.

Это была боевая школа, как сказали бы сейчас, «без отрыва от производства». И среди прошедших ее было впоследствии немало прославленных героев.

В крепость люди отбирались с особой тщательностью. Туда мы направляли только тех, чье мужество и стойкость не вызывали сомнений.

Мы требовали от командиров и политработников отлично знать своих лучших солдат, замечать каждое проявление мужества и отваги. Пусть герой растит героев — это было законом нашей фронтовой жизни. Помню, как-то я обратил внимание на солдата, который при сильнейшем вражеском обстреле переправы вел себя исключительно мужественно и разумно. Позднее побеседовали мы с ним. Я узнал, что фамилия его Вольфсон, что он всего неделю в нашей дивизии, но уже чувствует здесь себя «как дома». Он и впоследствии вел себя героически, получая ответственные задания. Молодые воины, которые вместе с ним решали ту или иную боевую задачу, действовали так же решительно и смело.

Велика была моя радость, когда совсем недавно мы случайно встретились в Ленинграде. Наш бывший солдат — ныне директор средней школы. И очень хорошо, что подобным людям доверена забота о молодом поколении, о будущих защитниках Родины.

Воспитание подлинного мужества требовало от нас неустанно разоблачать напускную смелость, бравирование опасностью.

Фронтовикам знакомо такое чувство: отойдешь от переднего края на 1—2 километра, и уже начинает казаться, что ты в глубоком тылу. Тут и бдительность притупляется, и появляется излишнее благодушие. Вроде уже здесь и опасность — не опасность...

Боролись мы с этим недобрым «чувством тыла» на всей территории дивизии. Не было у нас здесь никакого тыла! В любую минуту противник мог обрушить огонь на любой квадратный метр площади, занятой нашим соединением. Вот почему мы не проходили,

к примеру, мимо любителей устроиться на обед не в землянке или в подбрустверном блиндаже, а где-нибудь на зеленой лужайке.

— Мина — такая штука, что везде падает, — лихо ответил мне «на солнечной поляночке» молодой пулеметчик. — Мин бояться — на войну не ходить...

Таких «смельчаков» мы развенчивали, наказывали: не хорохорься, не рискуй зря, не делай врагу подарка. И это помогло нам сохранить не одну солдатскую жизнь в суровые месяцы обороны.

Каждая пуля — в цель

Одной из ярких страниц боевой деятельности дивизии было истребительное движение. Снайперы-истребители блестяще доказали, что, находясь и в обороне, можно вывести из строя большое число вражеских солдат и офицеров, нанося оккупантам значительные и невосполнимые потери.

Одними из первых истребителей на Ленинградском фронте были воины нашей дивизии Иван Вежливцев и Петр Голиченков. Обоим в феврале 1942 года было присвоено звание Героя Советского Союза. Важно было поддержать, развить отличную инициативу. И из частей, подразделений сообщали в штаб дивизии о многих истребителях, об их успехах. Однако один случай заставил меня по-новому взглянуть на получаемые сводки.

Пробираюсь как-то в окоп снайпера, к тому времени уже довольно популярного в своем батальоне. Спрашиваю о результатах сегодняшней «охоты». Солдат не без гордости докладывает:

— Только что, товарищ генерал, уложил второго фрица. Высунул он из траншеи свою голову, тут я его и достал.

— Хорошо, что достал, очень хорошо, что одним стреляющим фашистом стало меньше. Только как это подтвердить можно? Небось справки с той стороны не пришлют...

— А справки и не надо, товарищ генерал, — весело отвечает боец. — Без бумаги все ясно. Только я выстрелил — он плюхнулся на землю и сразу же слышу, кто-то там закричал: «Носилки! Носилки!»

С трудом сдерживаю улыбку.

— Ясно, — говорю. — Тут ведь близко — хорошо слышно. Только не напомнишь ли мне, как по-немецки носилки называются? Или там по-русски кричали?

Молчит, потупился, покраснел.

— Не знаю, — говорит. — Показалось, вероятно.

Ну, думаю, хороший ли ты снайпер — еще неизвестно, но фантазия у тебя, дружок, богатейшая...

А тут и еще один случай подвернулся. Прохожу по первой траншее и вижу ответвление — так называемый ус — в сторону Невы. Еще метров двадцать пять, и в тупичке хорошо оборудованный снайперский пост. Изготовившийся к стрельбе сержант ведет в бинокль наблюдение за противником. И до того увлекся, что даже не заметил моего прихода. Он наблюдает за противником, я — за ним.

— Ах, черт возьми, — шепчет он. — Вот черт! Чтоб тебя черти съели!..

— В чей адрес чертяк посылаете? — спрашиваю его. — Кто это вызывает такое неудовольствие?

— Фрицы, конечно, — отвечает. — Там у них между двумя траншеями ложбинка. Бывало, переходят из одной траншеи в другую открыто, во весь рост — троих удалось уложить. А теперь так проскакивают, что не успеешь глазом моргнуть.

Знакомлюсь поближе со снайпером. Сержант Бондаренко, в прошлом таежный охотник. Вот уже не-

делю дежурит, и ни одного выстрела не пришлось сделать. Отсюда и все его «чертяки». Спрашиваю его:

— Если дичь на какой-нибудь полянке или лесной опушке напугана охотниками, подпустит она близко к себе человека?

— Нет, конечно.

— А если из этого самого окопчика в одной и той же ложбинке уничтожены трое фашистов, должны остальные сделать вывод?

— Должны, товарищ генерал.

— Вот и выходит проще простого — искать надо другую огневую позицию. А здесь ждать нечего, сколько ни чертыхайся.

Обе эти встречи заставили призадуматься над путями и судьбами истребительного движения в дивизии. Первое: учить надо наших стрелков — одного желания мало для того, чтобы истреблять врага, требуется еще и умение; а второе — надо сделать невозможной «липу» в таком великом деле, как уничтожение коварного и сильного врага.

И вот в июне сорок второго года провели мы при штабе дивизии трехдневный сбор истребителей. Человек шестьдесят явилось. У большинства обычные винтовки, у некоторых с диоптрическими и оптическими прицелами.

Начали мы занятия с боевых стрельб. Поставили на расстоянии 300 метров грудные мишени, раздали патроны, разрешили стрелять из любого положения, целиться сколько угодно.

Отстрелялась первая группа. Пошел я к мишеням и ужаснулся. Большинство из них так и осталось целехонькими, нетронутыми. Почти такое же положение было и во второй группе, и в третьей. Лишь человек пять-шесть показали себя хорошими стрелками. А ведь на счету у всех было немало истребленных

гитлеровцев. Только велика ли цена такого «боевого» счета?

Выяснилось, что оружие не пристреляно, что не знают наши истребители элементарных истин. Поэтому и выдают часто желаемое за действительность.

Постарались мы за эти три дня дать нашим курсантам-краткосрочникам как можно больше теоретических знаний. Помнится, один из стрелков, отправивший все свои пули «за молоком», с хитрецей заметил:

— Теория — дело хорошее. А вот кто бы практически показал, как с первого выстрела фрица снимать.

Это должно было означать: учить-то легко, а вот сам бы попробовал.

Должен сказать, что еще в годы обучения в пехотном училище я страстно увлекался стрельбой. Позднее не раз участвовал в окружных и всесоюзных стрелковых соревнованиях, завоевывал первые и вторые места, вырастил многих снайперов. Я принял «вызов» и тут же с позиции «стоя» выпустил пять пуль, дав кучно четыре попадания в цель. Еще древнеримский философ Сенека утверждал, что «длиннен путь через учения, краток путь через примеры»...

Разбирая результаты стрельбы, я показал, как помогает мне знание теории.

А пока шли теоретические занятия, наши оружейники проверили и пристреляли каждую винтовку, привели к порядок оптические приборы. Завершили мы сбор, как и начали, боевыми стрельбами. Велик ли срок — три дня, а результаты были уже совсем иными. Теперь более половины стрелков добилось неплохих результатов.

В дальнейшем мы уделяли серьезное внимание воспитанию снайперов-истребителей, число их в дивизии значительно возросло, они стали грозной силой

для врага. А история с подбитым гитлеровцем, который с перепугу закричал: «Носилки!», еще некоторое время имела хождение в дивизии на правах веселого анекдота.

Решали успех люди

...Перечитал то, что написано, и вижу, мало сказал о людях, о наших замечательных солдатах и командирах, решавших успех каждой боевой операции. Как бы блестяще ни был составлен план действий, как бы тщательно в любом штабе ни была разработана операция — успех зависел от тех, кто воплощал в жизнь задуманные планы. И теперь, почти тридцать лет спустя, с уважением и любовью вспоминаю этих людей.

Он и сейчас перед глазами — командир 2-го стрелкового полка майор Дерзьян, схватывающий на лету суть задачи, решительный и смелый, боевой командир и отличный товарищ для подчиненных.

Заместитель командира артиллерийской батареи этого полка — старший лейтенант А. М. Данилов — всегда поражал своей неутомимостью, небывалым трудолюбием. Эти качества сочетались в нем с отличным знанием дела, отвагой и мужеством. Найти его можно было всегда на передовой, у орудийных расчетов. Его огневые позиции, землянки для артиллеристов, щели для укрытия на основных и запасных позициях — все это соответствовало самым строгим требованиям и всегда было в образцовом состоянии. Учил Данилов своих солдат умело и, я бы сказал, весело. Его уроки запоминались надолго. У него была душа воспитателя, политработника, и не случайно позднее назначили его комиссаром полка, а в 1944 году начальником политотдела дивизии.

Сержант В. А. Пыльнов в одном из ожесточенных боев сорок первого года принял на себя командование взводом, а потом и ротой, когда командиры были убиты и ранены. Был тяжело ранен и Пыльнов, но после излечения вернулся в полк. Его избрали секретарем полкового комсомольского бюро и привыкли к тому, что он там, где опаснее всего, где труднее. Не раз пробирался он в крепость. Так, например, помог он оборудовать в одном из помещений небольшой спортзал с турником и брусьями. Защитники Орешка охотно бывали здесь в минуты затишья. Выпускник Харьковского института физкультуры, Пыльнов и в годы войны оставался страстным пропагандистом спорта, умел зажигать своим примером товарищей.

Старшина одной из рот Мохов являл образец боевого командира и заботливого хозяина. Бывало, возвращается из медсанбата солдат и просит:

— А меня обратно к старшине Мохову.

Кандидат технических наук Дымарский ушел на фронт добровольцем в первые же дни войны. Был зачислен рядовым. Отличный инженер, он в совершенстве изучил все виды оружия и помог нам вернуть в строй многие поврежденные орудия, минометы, пулеметы. С набором инструментов он передвигался с одного участка на другой и нередко под огнем противника быстро и умело делал свое дело. Он был желанным гостем в крепостных башнях, на артиллерийских и минометных позициях.

А какими отважными и искусными командирами проявили себя комендант крепости В. А. Стулов, комиссар Орешка В. А. Марулин, начштаба дивизии А. И. Тарашкевич, начальник артиллерии дивизии Ф. И. Магдюк, командующий артиллерией дивизии Ф. А. Кандидатов и многие другие! С какой теплотой вспоминаю наших мужественных и заботливых меди-

цинских работников — Е. С. Леонидову, Л. Величко, М. Смелянскую, Е. Кичаева, К. Гундарева. Да разве расскажешь обо всех солдатах и командирах, о ком хотелось бы рассказать! Стояли насмерть во имя жизни, во имя победы советских людей!

В августе 1942 года наша 1-я дивизия войск НКВД была переименована в 46-ю стрелковую дивизию и продолжала оборонять Невский рубеж. Но навсегда в памяти остались дни и месяцы обороны неприступного правого берега Невы, прославленного Невского «пяточка» и легендарного Орешка, люди, оказавшие сильнее камня, металла, огня, получившие право на бессмертие.

Анисимов Александр Иванович,
заслуженный деятель искусств РСФСР,
профессор. В годы Великой Отечествен-
ной войны — руководитель ансамбля
песни и пляски Ленфронта.

КОНЦЕРТ

К тому времени наш фронтовой ансамбль песни и пляски был уже изрядно «обстрелян», мы не раз выступали перед солдатами и офицерами неподалеку от переднего края, не раз попадали под вражеский огонь. И все же полученное в декабре 1942 года боевое задание: «Дать концерт для гарнизона героического Орешка» — особенно взволновало нас.

До этого, бывая в частях на правом берегу Невы, мы видели крепость лишь издали, — она возникала перед нами в дыму разрывов вражеских мин и снарядов. Мы восхищались мужеством и стойкостью защитников Орешка. И вот теперь нам предстояла близкая встреча с ними, мы получали возможность как бы прикоснуться к их славе, увидеть их лицом к лицу.

Еще не совсем точно представляя себе, как будет выглядеть наше выступление под непрерывным вражеским обстрелом, мы уже стали энергично готовиться к нему. Решено было из 100 участников

ансамбля отобрать группу в 20 человек. В нее вошли певцы А. Яркин, М. Воронин, А. Дубовицкий, В. Пучков, И. Баранов, А. Шевченко, И. Трушков, А. Смирнов, Н. Шейкин, В. Игарис, Н. Колявин, А. Котов; танцоры В. Зейферов, М. Кочержинский, А. Юрков, Б. Беляев; баянисты В. Яковлев и Г. Аникин; исполнитель на ударных инструментах М. Каплун и чтец В. Тогатов, впоследствии заслуженный артист республики. Двадцать первым в группе был я. Что и говорить, поездка предстояла опасная и нелегкая. Но с каким огромным желанием каждый из артистов ансамбля предлагал свою кандидатуру! Выступить в Орешке, — для этого стоит рискнуть и пренебречь опасностью...

Поздним вечером в сопровождении сержанта Нехорошкова стали по скованной морозами Неве перебираться в крепость. Надо было преодолеть несколько сот метров ледяной дороги, которая просматривалась и простреливалась фашистами. Одна за другой вспыхивают осветительные ракеты, рвутся мины, трассирующие пули веерами рассыпаются вокруг. Мелькает невеселая мысль: «А концерт-то может не состояться». Вероятно, и мои товарищи думали в эти минуты о том же, а Нехорошков, уверяющий, что чувствует себя в крепости «как дома», пошучивает, старается подбодрить нас.

— Теперь уж совсем рядом. Тут никто не тронет. Вперед, товарищи артисты.

Через прорытый лаз под крепостной стеной у Светличной башни, по закрытым ходам сообщения мы добрались до конца своего маршрута. Встречали нас защитники крепости тепло, с улыбками, как дорогих гостей.

— Ишь ты, не побоялись, — слышали мы солдатские реплики. — Боевые ребята!

Надо ли пояснять, с какой радостью принимали наши товарищи эти скупые оценки.

«Зрительный зал» был в небольшом полуразрушенном здании. Окна и проломы заложены обломками кирпича. Свет проникает через многочисленные щели.

В 13 часов, когда наступило относительное затишье, начался наш концерт. «Зал» до отказа заполнили бойцы и командиры, свободные от несения службы. Многие были в касках, готовые в любую минуту занять боевые посты.

И полилась широкая напевная мелодия песни о нашей Советской Родине, потом грянули слова из кантаты Сергея Прокофьева «Александр Невский», прозвучала огневая «Казачья песня»... В. Тогатов с большим чувством прочел стихотворение Ольги Берггольц о Ленинграде и только собирался, поощряемый бурными аплодисментами, бисировать, как последовал приказ командования гарнизона:

— Концерт прервать! Всем по местам!

Быстро растаяла наша аудитория. Помню, пробежавший мимо меня молоденький артиллерист сказал:

— Сейчас мы их попросим замолчать.

Это вежливое заявление относилось к гитлеровцам, обрушившим на крепость шквал минометного огня. И действительно, после краткого, но внушительного ответа с нашей стороны фашисты умолкли.

После получасового «антракта» концерт продолжался.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война, —

дружно пели участники ансамбля, и, кажется, можно было видеть, как каждое слово доходило до сердец слушателей.

А потом была веселая, озорная солдатская пляска. Она вызвала уже не просто шумные, а неистовые аплодисменты. Все поднялись со своих мест, хотели пожать руки исполнителям.

Даже и сейчас, спустя три десятка лет после того концерта, мне трудно описать волнение и душевный подъем, которые охватили каждого из нас. Приятно сознавать, что ты делаешь почетное, нужное людям дело. А в тех условиях это было приятно вдвойне.

Нет, музы не молчали в суровые дни ленинградской блокады! Они помогли выстоять, помогли победить.

Строилов Александр Васильевич,

гвардии майор запаса, комендант гарнизона крепости с декабря 1942 по январь 1943 года. Участник боев на Невском «пяточке», под Синявином, Кингисеппом, Нарвой.

ШТУРМ ШЛИССЕЛЬБУРГА

В начале декабря 1942 года меня, бывшего до этого командиром стрелкового батальона, назначили комендантом Шлиссельбургской крепости. К этому времени в составе гарнизона Орешка были пулеметная рота, взвод автоматчиков, отделение снайперов, взвод противотанковых ружей, две артиллерийские и минометные батареи, взвод связи и хозвзвод, обеспечивающий гарнизон продовольствием и боеприпасами.

Знакомство с расположением огневых точек в крепости убедило меня в том, что в основном крепость укреплена хорошо. Однако в некоторых местах нужно было изменить позиции, пробить в стенах новые амбразуры, установить пулеметы, создать дополнительный наблюдательный пункт правее башни Головина.

Работа эта была большая и трудная. Сложность усугублялась еще и тем, что противник усилил обстрел крепости. Бойцы трудились под вражеским огнем.

Помню такой случай. Морозное утро. Над покрытым дымкой горизонтом багровый диск солнца. В такие часы хорошо выслеживать минометные позиции противника по тепловой воздушной волне, которая вслед за миной поднимается из-за укрытия и исчезает высоко над землей, надолго оставаясь заметной в морозном воздухе.

Не успел я поднять бинокль, как в крепости с пронзительным воем и грохотом разорвались мины. Затем второй залп, третий, десятый... Остров содрогался.

Вдруг я увидел, как на левом берегу Невы промелькнул фашист в белом халате. За ним еще семеро.

Гитлеровцы, пригнувшись, цепочкой спустились к воде и, прикрываясь насыпью канала, скрылись из виду. Через 10—15 минут халаты замелькали в обратном направлении. Сомнения не было — сменялись минометчики на огневых позициях. Через полчаса в трех местах в разное время появились едва заметные дымки. «Фашистов, видимо, мороз пробрал, решили погреться», — подумал я. Тут же вызвал командира минометной роты лейтенанта Мальшукова.

— Посмотри туда, — сказал я, протягивая лейтенанту бинокль.

Мальшуков долго присматривался.

— Так это ж их огневые точки, товарищ капитан. Разрешите?

Через несколько минут на левом берегу взметнулась земля. Беглым огнем минометчики уничтожили две огневые точки противника.

На несколько часов в крепости воцарилась тишина. Бойцы продолжали работу.

К вечеру на горизонте со стороны Ладоги показались яркие точки, а вскоре до нас донесся гул моторов.

Заговорили зенитные расчеты крепости. Бомбардировщики не могли прицельно сбрасывать бомбы. Поэтому обычно они сбрасывали свой смертоносный груз вблизи Орешка. Но за ними шли штурмовики. На бреющем полете они поливали из пушек и пулеметов все пространство между крепостными стенами. На наше счастье, люди в основном не пострадали. Только несколько человек было легко ранено.

Работы в крепости велись до конца декабря. И вот пришла морозная, снежная предновогодняя ночь. Еще пару часов, и на землю ступит год 1943-й. Черное небо то и дело озаряется светом вражеских осветительных ракет. С наблюдательного пункта я вижу, как на левом берегу у городской церкви усилилось движение гитлеровцев. Они что-то подносят туда и быстро скрываются. Надо бы открыть огонь. Но меня сдерживает то, что где-то на льду Ладоги, между крепостью и Морозовкой, мой начальник боепитания.

Еще накануне вечером сержант Николай Рузин отправился на правый берег в склады укрепленного района. Он должен там получить снаряды, подвезти их на лошади до берега, здесь его встретят наши ребята, перегрузят ящики на маленькие санки и по ящичку, по два перевезут на остров.

Они обязательно должны пройти незамеченными. Нам очень нужны снаряды. Поступил приказ создать в гарнизоне достаточный запас артиллерийских снарядов, мин, пулеметных лент.

Вспыхнула в черном небе осветительная ракета, и тут же гитлеровцы открыли бешеный огонь. Заныли, засвистели мины. Но фашисты бьют не по крепости. Значит, обнаружили наших саночников.

Приказываю открыть огонь. Связываюсь с командиром морской батареи Кочаненковым. И вот уже вся крепостная артиллерия бьет по левому берегу.

Расчет орудия «Дуня» ведет прицельный огонь по церкви.

— Товарищ капитан! — ко мне поднялся интендант гарнизона капитан Белов. Глаза блестят, рот в улыбке расплылся. — Рузин-то, вот молодец!

Оказывается, немцы засекли сержанта еще на берегу. Поняв, что фашисты обстреливают его, Рузин приказал гнать лошадь по льду в крепость.

Когда я подошел к нему, сержант вытянулся и доложил:

— Товарищ гвардии капитан, ваше приказание выполнено. Подарочек для немцев доставлен в Орешек.

— Ну, спасибо, дед-мороз, — сказал я смеясь. — Объявляю вам благодарность, товарищ сержант. — А деду-морозу было в ту пору чуть больше двадцати лет.

Ровно в полночь взвилась в небо сигнальная ракета. Орудия правого берега и Орешка начали обстрел вражеской линии обороны. Он длился час. В зареве мы увидели, что из горящей церкви выскакивают фашисты. Длинные очереди наших пулеметчиков укладывали их на землю. Многие больше не поднялись.

Позже мы узнали, что в эту новогоднюю ночь к фашистам прибыло какое-то начальство для вручения наград. Мешок с крестами после взятия Шлиссельбурга нашли в развалинах церкви.

В последовавшие за новогодним праздником дни в крепости то и дело стали появляться офицеры дивизионной разведки. С моего НП они тщательно просматривали левый берег, что-то отмечали на картах. Можно было догадаться, что готовится какая-то операция.

В минуты затишья бойцы окружали меня. И заходил разговор о прорыве блокады.

— Товарищ капитан, — заговорил как-то Евгений Устиненков, — когда начнется штурм Шлиссельбурга, мы пойдем на левый берег?

Пойдем... Он сказал это так, как будто его ждала увеселительная прогулка. Но я-то знал, что это не бравада. Смелый парень десятки раз под огнем врага пересекал ледяное поле. Он не раз доставлял бойцам письма от родных, свежие газеты.

— Не знаю, Устиненков, будем ли мы участвовать в штурме. Как прикажут.

— Но, товарищ капитан, мы ведь имеем право! — раздались еще голоса. — Сколько бьем их в Орешке, а живыми еще не пощупали гадов. Мы же к ним ближе всех. Кому идти, как не нам!

Я понимал чувства своих бойцов. Ведь многие из них обороняли крепость с сентября 1941-го. Шестнадцать месяцев они не давали врагу покоя, прикрывали Дорогу жизни, отгоняли вражескую авиацию, принимали на свою голову тонны снарядов, мин. Но они были в крепости на положении осажденных. А как хочется солдату познать радость победы! Своими глазами увидеть убегающего, поверженного врага.

Утром 12 января 1943 года от тысяч снарядов содрогнулось невское левобережье. Комья скованной морозом земли взлетели высоко в воздух. А вместе с ними взлетали вражеские укрепления. Артиллерийская подготовка длилась два часа. Советские войска начали прорыв блокады. Правее крепости шли в атаку бойцы 86-й стрелковой дивизии полковника В. А. Трубачева.

Как ни силен был обстрел фашистских укреплений, гитлеровцы встретили наших воинов минометно-пулеметным огнем. На какое-то время атака захлебнулась.

17 января со своего НП я видел, как бойцы 330-го полка под командованием Г. Середина вступили в рукопашную схватку на окраинных улицах города. Гитлеровцы яростно сопротивлялись. Их приходилось буквально выбивать из каждого дома.

Наши артиллеристы во время обороны хорошо изучили и вражеские позиции, и сам город.

Они выкатили орудия на открытые позиции и стали вести прицельный огонь по огневым точкам фашистов. Залп следовал за залпом.

Вскоре мы обнаружили, что гитлеровцы начали переброску своих войск с укрепленных рубежей против крепости. То ли они отступали, то ли спешно направлялись на помощь к своим.

18 января в 9 часов утра я приказал отряду автоматчиков под командой лейтенанта Шульги овладеть укрепленной полосой на бровке Ново-Ладожского канала. Вместе с автоматчиками шли пулеметчики во главе с парторгом роты Николаем Яковлевым, минометный расчет Михаила Разбежкина и санинструктор Александр Аронишидзе.

Для противника этот бросок через Неву был неожиданным. Но как только наши товарищи приблизились к бровке, их встретил пулеметный огонь. Бойцы залегли. Пулеметчики Баздеров, Яковлев и другие обошли фашистскую точку, подавили ее.

До позднего вечера мы слышали стрельбу на улицах Шлиссельбурга. Мы знали, что это наши товарищи вместе с пехотинцами 330-го полка добивают врага. В тот день Волховский фронт соединился с Ленинградским. В 2 часа дня на бывшем нашем «ориентире № 1» — разрушенной шлиссельбургской церкви — взвился алый флаг.

В этот же день бойцы нашего передового отряда начали возвращаться в крепость. К своим боевым

товарищам они шли не с пустыми руками. Немецкая пушка со снарядами, пулеметы с лентами, минометы с боеприпасами, автоматы... Орешковцы знали, как дорого на острове ценится оружие. Но они не учли того, что, прорвав блокаду, изгнав фашистов из Шлиссельбурга, наши войска оставят Орешек в тылу.

Оборона Орешка закончилась. Но не закончилась война.

Впереди у каждого было еще много боев.

Прощай, Орешек! Мы уходим на запад.

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Летят годы, проходят десятки лет. Но есть события, о которых не случайно говорят — незабываемые. Время не властно стереть их из памяти. Так, никогда не забудут тех огневых дней защитники Орешка. Но никогда не забудет советский народ и самих защитников легендарной крепости. Многие из них отдали самое дорогое — свою жизнь — за то, чтобы мы с вами могли мирно трудиться.

А живые и сейчас в строю. Одни из них и сегодня еще не сняли военной формы, как, например, бывший старший лейтенант В. П. Беляков, ныне контр-адмирал. Другие занимают свое место на переднем крае широкого трудового фронта, третьи, хоть формально и стали пенсионерами, продолжают вести большую общественную работу, передают молодежи свой опыт борьбы и побед.

— Где они сейчас, друзья-однополчане? — спросит читатель. И мы расскажем о некоторых из них.

Комиссар гарнизона крепости В. А. Марулин был до Великой Отечественной войны человеком мирной профессии — киномехаником в ленинградском кино-театре «Великан». «Разделавшись» с войной, сняв офицерскую форму, он вернулся к старой специальности. Теперь в одном из ленинградских профтехучилищ готовит кадры квалифицированных киномехаников. Не случайно про молодых людей, прошедших его школу, говорят, что они выходят из училища со «знаком качества». Этих выпускников можно ставить на самые ответственные участки. Оно и неудивительно — все, что делает Марулин, он привык делать хорошо.

К своему боевому подвигу добавил бывший комиссар крепости и подвиг мирных дней. Это он в 1960 году первым начал розыск защитников Орешка, завязал переписку с архивами, адресными столами, различными учреждениями и предприятиями. Сотни документов нашел и собрал он, привлек к этой деятельности многих товарищей, не только привлек, но и увлек их. Так стали возможными теперь уже традиционные встречи ветеранов Орешка, многие из боевых друзей впервые после войны узнали друг о друге, увиделись.

Был создан совет ветеранов Орешка, возглавить который, естественно, доверили В. А. Марулину. К слову сказать, совет ветеранов явился инициатором создания этой книги и поручил бывшему пулеметчику, а ныне конструктору-судостроителю В. М. Транькову быть составителем сборника.

В. А. Марулин — почетный гражданин города Петрокрепости. Торжественно был вручен ему «ключ» от города.

Командира 1-й стрелковой дивизии войск НКВД генерал-майора в отставке Е. В. Козика вы встретите в заводском клубе и фабричном красном уголке,

у студентов и школьников. Как был, так и остался он человеком живым, энергичным, подвижным. Его рассказы о войне, о героических буднях Орешка, о людях, которые как бы между делом, незаметно совершали бессмертные подвиги, молодежь слушает, затаив дыхание.

Е. В. Козик — председатель комитета ветеранов войны Кировского района Ленинграда. Он награжден Почетным знаком Советского комитета ветеранов войны.

Е. А. Устиненков — легендарный связной, совершивший под вражеским огнем десятки лодочных рейсов с Большой земли в Орешек и из Орешка на Большую землю, — работает сейчас бетонщиком в одном из цехов научно-производственного объединения «Позитрон». Работает хорошо, на самых трудных и сложных участках.

Такие, как Устиненков, стояли перед глазами поэта, написавшего эти строки:

Может, нас потому не убили
Ни снаряды, ни бомбы врага,
Что мы верили, жили, любили,
Что была нам стократ дорогá
Та сырая весна Ленинграда,
Не упавшая в ноги врага...

Когда многотиражка объединения в январском номере 1971 года, посвященном снятию ленинградской блокады, рассказала о славном подвиге связного Орешка, многие были несказанно удивлены. Скромный производственник, вроде бы даже застенчивый, никогда не «хвастался» своими фронтовыми делами, и вдруг — герой, легендарная личность. К нему обращались с многочисленными вопросами, просили рассказать о боевых эпизодах, о «самом страшном». Он отнекивался, отмахивался: «ездил, мол, на лод-

ке туда и обратно — и все тут, чего еще рассказывать...».

Таким скромным, не любящим шумных эффектов и восклицаний, был он и в те огневые дни. В таком духе воспитывает и молодежь: дело свое делай тихо и хорошо, поменьше говори о себе — пусть лучше о тебе другие скажут.

Известно крылатое выражение о том, что «война рождает героев». Но разве только война? Рано вышел из нее отважный разведчик Иван Куклин. В вылазке под Шлиссельбургом в январе 1942 года был он тяжело ранен, больше года лежал в госпиталях, выписался инвалидом первой группы.

Все? Сиди дома, лечись, получай пенсию? Ну, нет, Иван Уварович не хотел сдаваться. Упорно и решительно доказывал он, что сможет еще работать, приносить пользу. Его отправили на село, там избрали председателем колхоза. И хозяйство стало справляться со своими задачами. Женщины говорили: «Будем равняться по Куклину. Он у нас правофланговый». И равнялись. И вершили чудеса трудового героизма.

Два года руководил Иван Уварович колхозом, и не сразу скажешь, где было труднее: на фронте или в тылу. Но болезнь снова сразила Куклина, на сей раз надолго.

Сейчас он живет в Ленинграде, персональный пенсионер. Когда приходят из жилищной конторы с тем или иным партийным поручением, не отказывается.

Бывший артиллерист Н. И. Нетужилов ныне занимается научно-исследовательской работой в Ленинградском технологическом институте холодильной промышленности. Командовавший минометной ротой Герой Советского Союза И. С. Зенин руководит сейчас автоколонной на автобазе Ленгорисполкома.

Артиллерист Н. Г. Калистратов — рабочий пивоваренного завода в Казани.

Бывший командир 409-й артиллерийской батареи КБФ П. Н. Кочаненков до недавнего времени преподавал физкультуру в школе, сейчас работает на часовом заводе в Петродворце. Он и здесь председатель совета физкультуры.

Пулеметчик Н. А. Яковлев после победы вернулся в турбинный цех родного Кировского завода. Был мастером, потом стал заместителем начальника цеха. Трудился с огромным подъемом, с вдохновением, точно хотел наверстать то, что «недоработал» в годы войны.

Только болезнь и серьезная операция заставили Яковлева покинуть завод. Тепло проводили его товарищи на пенсию. Но и прикованный к постели, Николай Алексеевич не терял связи с заводом, с коллективом цеха. Не забывали его и орешковцы — посещали в больнице, дома.

Военная выдержка, упорство сделали свое дело. Снова, как говорил Яковлев, вступил он «в строй действующих». Включился в активную общественную работу по месту жительства, выступает перед школьниками — ребята любят его беседы, охотно принимают участие в них.

Когда «отпускает» болезнь, приезжает Николай Алексеевич в Орешек, встречается с фронтовыми друзьями. Там он всегда дорогой и желанный гость.

О таких людях, как бывший старшина И. И. Белов, говорят, повторяя крылатые слова: «Покой нам только снится...»

И. И. Белов сейчас на заслуженном отдыхе, пенсионер. Но он и не помышляет о покое. Четыре года подряд был председателем домового комитета одной из больших жилконтор Невского района, — хлопот и

забот хватало. Вот уже четыре года член товарищеского суда жилконторы. Люди ищут у Белова мудрости, справедливости, высокой гражданственности. И решения товарищеского суда отвечают этим требованиям.

Пенсионеру Белову кажется, что этого мало, что он может и должен дать больше. Вот почему вы можете встретить его и в 340-й школе Невского района, и в 126-й школе Калининского района. Беседы бывалого фронтовика с ребятами о войне и мире всегда увлекательны, насыщены убедительными фактами.

А еще надо выделить время для воспитания внука. Скажете, личное дело деда? Не совсем. Хочет он вырастить человека стойкого, мужественного, горячо любящего Родину, такого, какими были чудесные парни в Орешке. А это тоже дело государственное.

Быстро, сноровисто штампует и собирает шасси радиоприемников бывший сапер С. А. Голованов. Со стороны не скажешь, что делает он это, глядя на детали незрячими глазами. В ночь под новый, 1942 год, минируя подступы к крепости, Сергей Александрович был ранен, ослеп. Он, однако, нашел свое место в трудовом строю. Почти четверть века С. А. Голованов работает штамповщиком в Учебно-производственном предприятии № 2 Всероссийского общества слепых.

Нелегкий участок боевой деятельности достался в Орешке Ф. И. Зеленкову — он был начальником снабжения гарнизона крепости. Нынче Зеленков старший инженер-технолог в Ленинградском производственном объединении «Русские самоцветы». Воевал он отлично. Как работает в мирное время? По-гвардейски. За успехи, достигнутые в последней пятилетке, Ф. И. Зеленков награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Интересно сложилась судьба отважного морского артиллериста Константина Шкляра. В те грозные дни прославился он тем, что несколько раз укреплял красный флаг на куполе церкви в крепости. Фашисты шквальным огнем сожгут флаг, а Костя снова его укрепит. Не один день продолжался этот поединок. После демобилизации Шкляр уехал на Украину, жил в Черниговской области. Но заскучал по Орешку. И в один прекрасный день переехал поближе к местам, связь с которыми была скреплена кровью, — стал ленинградцем. Сейчас наш «Костя-артиллерист» живет и работает в Петрокрепости.

Бывшие артиллеристы, мужественно громившие врага, подполковник запаса А. Г. Морозов и инженер-майор запаса И. И. Канахин трудятся теперь в морской инженерной службе Ленинградской военно-морской базы. Оба — умелые пропагандисты, ведут военно-патриотическую работу.

В разных концах страны живут боевые орешковцы. Командовавший дивизией С. И. Донсков, комиссар дивизии Н. В. Чиненков и командир полка А. А. Золотарев — в Москве, бывшие коменданты крепости В. А. Стулов — в Риге, А. В. Строилов — в Архангельской области, артиллерист Г. И. Попков — в Феодосии, санинструктор А. Э. Аронишидзе — в Сухуми...

Но никогда не порываются связи орешковцев. Каждый год 9 мая съезжаются они в крепость. Торжественно проходит встреча. В скорбном молчании возлагаются цветы на братскую могилу погибших героев. А потом происходит как бы передача эстафеты. В присутствии участников обороны Ленинграда принимают в пионеры учащиеся школ Тосненского и Всеволожского районов, вручают школьникам комсомольские билеты.

Защитники Орешка держат тесную связь с Военно-морским музеем, Музеем истории Ленинграда, с Военно-историческим музеем артиллерии, инженерных войск и войск связи. В музейных экспозициях хранятся такие реликвии, как последний флаг Орешка, пробитый осколками, пушка командира орудия Н. В. Конюшкина, окопный журнал «Орешек», солдатские медалионы...

С разных концов страны тянутся нити в совет ветеранов, живет, действует боевое землячество, родившееся в суровые годы Великой Отечественной войны. Соберутся вместе убежденные сединами ветераны, заговорят о славном боевом прошлом. И снова и снова вспоминаются им поэтические строки Виссариона Саянова, посвященные непокоренной крепости:

Она стояла как преграда
И как редут передовой,
Как страж полночный Ленинграда
Плыла в туманах над Невой.

СОДЕРЖАНИЕ

Передовой редут	3
А. А. Золотарев. Начало	15
Н. И. Чугунов. Новая история старой крепости . . .	24
В. А. Марулин. Рушился камень, но люди стояли...	39
М. Н. Рубцов. Последний рейс «Щорса»	92
А. Н. Вальков. Идем к Орешку	95
Ф. А. Шарков. У стен Орешка	101
А. Г. Морозов. Морская батарея ведет огонь . . .	104
К. Д. Ушаков. Старая крепость приходит на помощь .	116
И. И. Белов. Трудная служба	118
И. У. Куклин. В разведках	121
П. Н. Кочаненков. Я — командир 409-й	136
М. А. Омельчук. В «секрете»	158
В. А. Стулов. Незабываемое	162
И. И. Канашин. Три снаряда на орудие	173
В. С. Тараскина. Сестра	184
Герман Орлов. Все это — было	187
Г. И. Попков. Память	191
В. Н. Касаткин. На переправе	193
В. М. Траньков. Пулеметчики	197
Е. А. Устиненков. Связной	215
Е. В. Козик. Дни накануне бессмертия	217
А. И. Анисимов. Концерт	236
А. В. Строилов. Штурм Шлиссельбурга	240
Тридцать лет спустя	247

„НЕПОБЕЖДЕННЫЙ ОРЕШЕК“

Редактор Э. А. Ремизова
Художник В. А. Политов
Художник-редактор О. И. Маслаков
Технический редактор Г. В. Преснова
Корректор Т. В. Мельникова

Сдано в набор 23/VI 1972 г.
Подписано к печати 22/I 1973 г.
М-37722. Формат 70×108¹/₃₂
Бумага тип. № 1
Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 10,05 + вкл.
Тираж 100 000 экз.
Заказ № 753
Цена 57 коп.

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59.
Ордена Трудового Красного Знамени
типография им. Володарского
Лениздата, Фонтанка, 57.

37 KOT.